

детектив • фантастика • приключения

ИСКАТГЕЛЬ

2/2014

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В следующем номере «Искателя» читайте фантастическую повесть О. Моисеевой «Время синтеза», а также окончание повести М. Шуваева «Пункт назначения — бесконечность» и детективный рассказ Л. Малёваной «В сумерках все кошки серы». Приводим фрагмент из этого рассказа.

«— Ну, что уже?.. Опять дрянь какую-то нашла?.. — проворчал Иван Дмитриевич и нехотя полез вытаскивать подвывающую таксу из сугроба. Поясницу снова прихватило, и он разразился негромкой матерной бранью.

Собака смотрела на Ивана Дмитриевича, который ругался, ломал хрупкие с зимы ветки и распутывал ремешок поводка. Он в очередной раз дернул собаку за ошейник, та уперлась лапами, и из рыхлого снега показалась посиневшая кисть руки. На безымянном пальце красовалось тонкое обручальное кольцо.

— Вот ведь... — сплюнул Иван Дмитриевич. — Выгулял собачку...»

Предлагаем вам новые книги. Их можно заказать по интернету или по почте наложенным платежом.

www.iskatel.net

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года
2/2014

Сергей
САКАНСКИЙ

3

ПОКРЫВАЛО ВДОВЫ

повесть

Михаил
ШУВАЕВ

37

**ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ —
БЕСКОНЕЧНОСТЬ**

повесть

Владимир
ЛЕБЕДЕВ

162

**В ПОИСКАХ ЗОЛОТА
ЗАТОНУВШИХ КОРАБЛЕЙ**

(421) 2014

Главный редактор	Евгений КУЗЬМИН
Художники	Андрей СИМАНЧУК, Валерия ПОПОВА
Адрес редакции	127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 607
Телефон редакции	(495) 685-47-06
E-mail	real@iskatel.net office@iskatel.net info@iskatel.net art@iskatel.net
Сайт	www.iskatel.net
Телефоны для размещения рекламы	(495) 685-47-06 (495) 685-59-01
Служба распространения	(495) 640-21-79
E-mail	mir-isk@mail.ru

Учредитель журнала
ООО «Издательство «МИР ИСКАТЕЛЯ»
Издатель ООО «Либри пэр бамбини»
© ООО «Либри пэр бамбини»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС77-53928
от 26 апреля 2013 г.

Распространяется во всех регионах России, на территории СНГ и в др. странах.

Подписка проводится с любого месяца

Подписные индексы:

по Объединенному каталогу
«Пресса России» (карточная система)

70424 — на полгода

по каталогу «Почта России» (карточная
система) **10922 — на полгода**

по каталогу
агентства «Роспечать»

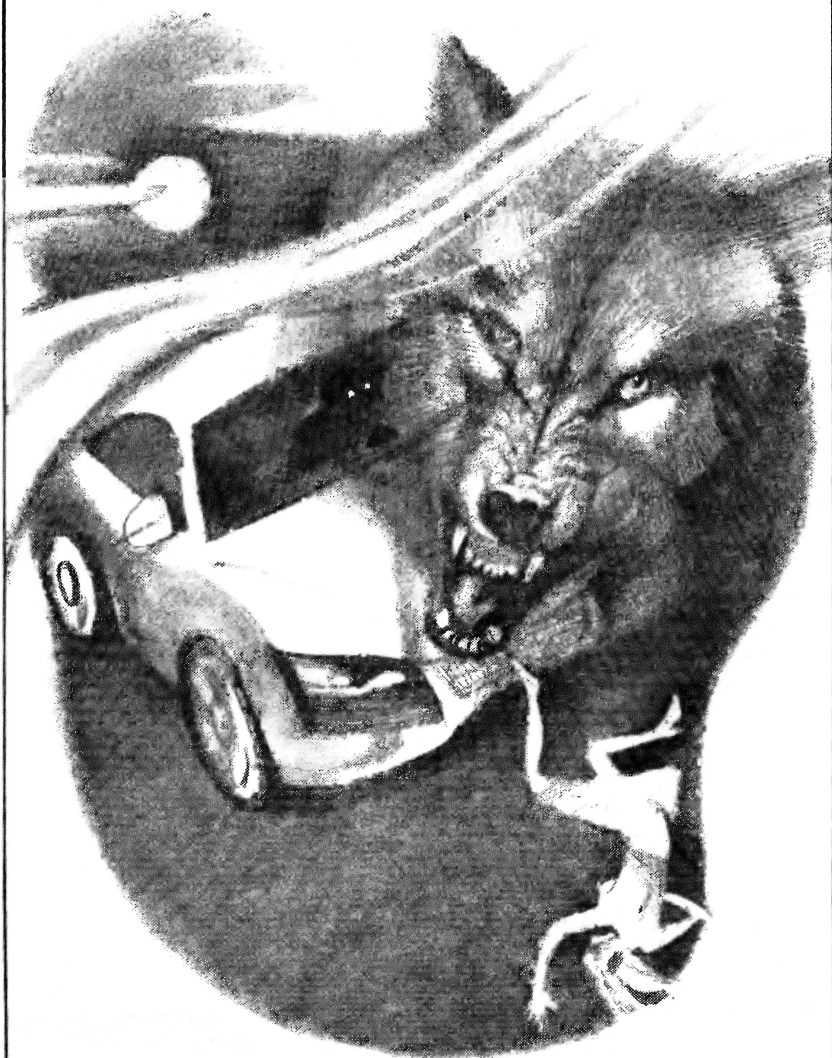
(адресная система)
на полгода — 79029

ИСКАТЕЛЬ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Автор получает ответ только в случае,
если рукопись принята к публикации.

Сергей САКАНСКИЙ
ПОКРЫВАЛО ВДОВЫ

Ветреным сентябрьским вечером в редакции «Крымского криминального курьера» было натоплено, накурено и шумно. Старые друзья соображали на троих, как назывался этот процесс во времена их детства, только напиток был вполне современным — литровая бутылка виски семнадцатилетней выдержки.

— Семнадцать лет назад нам с тобой было как раз по семнадцать, и пили мы массандровский портвейн, — сказал Витя Жаров, рассматривая бутылку, из которой только что, на правах хозяина заведения, налил всем по чуть-чуть.

Он обращался к Вове Пилипенко, старшему следователю отдела убийств Большой Ялты, в прошлом — однокласснику и пожизненному другу. Тот буркнул в ответ что-то невразумительное, принимая из руки Жарова стакан.

— А мне уже исполнилось двадцать два, когда где-то в Шотландии гнали этот, еще мутный самогон, — вздохнул Леша Минин, эксперт-криминалист, не прямой, но все же каким-то образом подчиненный следователя, а в прошлом — недосыгаемо далекий старшеклассник из той же пятой школы, бывшей (уже совсем в незапамятные времена) первой и единственной в городе гимназии для девочек.

Тут на улице раздался пьяный женский смех, а вслед за ним — мужской голос:

— Какой же я дурак, что женился!

Пилипенко и Жаров, не сговариваясь, посмотрели на Минина, единственного женатика из троих. Тот отреагировал самым неожиданным образом, и этот внезапный поворот беседы привел к трагическим, судьбоносным последствиям для целого ряда людей...

Минин повернулся к Жарову и задушевым голосом, явно предполагающим какой-то подвох, заговорил:

— Вспоминаю одну статью в твоей газете. Она называется «Покрывало вдовы».

— Была такая, — сказал Жаров. — Недели три назад, в конце августа.

— Ее автор утверждает, — продолжал Минин, — что существует некое «покрывало вдовы» — кармическое заболевание.

— Конечно. Это вроде злого рока, который преследует человека всю жизнь.

— Вот я и думаю, с точки зрения реальной медицины, разумеется. Можно ли это объяснить?

Минин отхлебнул из стакана и самому себе ответил:

— И прихожу к выводу, что нельзя.

Во время этого разговора Пилипенко переводил взгляд с одного собеседника на другого. Затем прокомментировал ситуацию:

— Ну вот, опять он тебя подкалывает. И выпили-то вроде немного.

— Я не подкалываю, а разобраться хочу. Как же это объяснить? Вирусной теорией — вряд ли.

— Все просто, — терпеливо проговорил Жаров. — Один из супругов передает другому толику некой энергии, которая лишает его защиты, обычно действующей у каждого человека. И тот становится открытым для болезней, несчастных случаев и тому подобного. Не важно, мужчина это или женщина, все равно — «вдовы». Короче, если муж болен «покрывалом вдовы», то его жены мрут как мухи. Об этом и статья. Выпьем-ка за то, чтобы нас миновала чаша сия.

Жаров поднял стакан и выпил. Друзья не последовали его примеру, а лишь молча смотрели на него. Пилипенко сказал:

— Я не собираюсь пить за то, чего нет.

— А я выпью, — Минин пригубил и поставил стакан на стол, — но просто так, не в счет тоста.

— Ладно, пусть будет просто так, — сказал Пилипенко и сделал то же самое.

— Автор этой статьи, — продолжал тему Минин, — рассказывает историю некоего Эн, у которого умерли аж три жены: со всеми произошли какие-то странные несчастные случаи. Это значит, что Эн болен именно «покрывалом вдовы».

Пилипенко повернулся к Жарову.

— Был бы у тебя какой-нибудь начальник — редактор там... Он бы тебе за такую статью голову отвинтил.

— Тем и живу, — парировал Жаров, — что всем в своей газете управляю сам. ЧП «Жаров». Частное предприятие. Нет у меня ни начальников, ни подчиненных. Даже уборщицы нет.

Он оглядел помещение своей редакции, поводя туда-сюда ладонями. Пилипенко меж тем наполнил стаканы. Спросил весело:

— И статью эту ты тоже сам написал? Давай признавайся!

— Обижаешь. Я только передовицы пишу. А это реальный человек прислал. И фамилия у него настоящая — Куроедов.

Как — Куроедов? — встрепенулся следователь.

— Куроедов, а что?

Пилипенко потер пальцами лоб.

— Эта фамилия мне знакома.

Жаров, запрокинув голову, выпустил ровные кольца дыма, затем пронзил их дымной струей. Пилипенко поморщился. Он еще с начала года безуспешно пытался бросить курить, и упражнения друга его раздражали.

— Там еще написано, — сказал Жаров из-за дымовой завесы, — что в случае смерти жены, как правило, преждевременной или трагической, муж как бы сохраняет в себе отпечаток смерти. При повторном браке он заражает новую супругу и несет ей несчастья. Покрывало вдовы.

— Нет никакого покрывала вдовы! — воскликнул Минин.

— А Куроедов?

— Да нет и никакого Куроедова! Это он все выдумал, в том числе и свою фамилию, неужели не ясно? И вообще, разве может быть такой человек — *Куроедов*?

— Нормальная, существующая фамилия, не хуже других, — буркнул Жаров.

— Вспомнил! — вдруг оживился Пилипенко, подняв палец. — На днях произошел несчастный случай с женщиной, которая носит такую же фамилию. Это точно — была некая Куроедова. Выходит, что она — его очередная супруга, а автор рассказывал свою собственную историю... Кто он такой, этот Куроедов?

— Я не очень-то и знаю. Многочисленный мой читатель. Просто прислал в газету статью.

Пилипенко укоризненно покачал головой.

— И как у тебя только совести хватает печатать неизвестно кого и непонятно о чем?

Жаров развел руками.

— А что же, мне и вправду самому все это писать?

На неделе Жаров заглянул к другу в кабинет. Пилипенко поднял голову от бумаг, строго посмотрел на Жарова.

— Помнишь, в субботу пили с Мининым у тебя в редакции?

— А что? Виски оказалось плохим? — язвительно спросил Жаров.

— Да нет, хорошим. По полной программе стошнило. Говорили о Куроедове, о его статье, о покрывале вдовы.

— И что?

Пилипенко потряс пачкой бумаг.

— Я проверил этого Куроедова. Он действительно существует,

и у него на самом деле по разным причинам умерли три жены, а недавно чуть было не погибла четвертая.

Говоря это, следователь выбрасывал на стол листы бумаги, один за другим, Жаров ловил их, просматривая в один короткий взгляд.

— Везет же людям! — пробормотал он.

— Это в чем? — нахмурился следователь.

— Тут и одной-то жены не найдешь, а у этого... Получается, что Минин был тогда не прав — Куроедов есть.

— Куроедов-то есть, вот только...

Пилипенко опять собрал листы в стопку. Сказал:

— Куроедов есть, а покрывала вдовы нет. Следовательно...

Он аккуратно уложил стопку на край стола.

— Следовательно, будем искать убийцу.

— С чего начнем?

— Осмотрим место преступления.

2

Через четверть часа они стояли на углу улицы, Пилипенко осматривался по сторонам, поводя туда-сюда ладонями.

— Машина вывернулась с Садовой, — сказал он. — А жена Куроедова как раз переходила Платановую. В неподобающем месте. — А это имеет значение? — спросил Жаров.

— Нет.

Следователь двинулся выше по Садовой, Жаров — за ним. Пилипенко остановился, посмотрел назад. Сказал:

— Странно, что дорожники этого не заметили. Ведь с данной точки пешехода видно издалека. И водитель вполне бы успел затормозить.

— Тинэйджеры были пьяные, — заметил Жаров.

Пилипенко с удивлением воззрился на него:

— Какие тинэйджеры?

— Здравсьте! — воскликнул Жаров. — Ты ж мне сам сказал, что машину угнали, чтобы покататься.

— Сказал, и что? Это всего лишь версия. Никаких тинэйджеров не задержали. Машину просто нашли в кустах, помятую и залитую пивом. У меня такое ощущение, что машина была угнана специально для того, чтобы задавить эту женщину, и только ее. Но вот в чем вопрос: почему этот горе-убийца не довел свое дело до конца? Ведь удар пришелся скользьяком, краем бампера. Надо подключить игровую станцию Ключева и глянуть подробности этого расследования.

Они вернулись в управление. На мониторе компьютера в дежурной части и вправду шла увлекательная игра. Лейтенант Ключев исследовал курсором какую-то причудливую аппаратуру: медные котлы, трубы, змеевики, табло вроде допотопного арифмометра. Пилипенко и Жаров встали за его спиной, словно стражи.

— Сейчас, еще один тайный рычаг... — пробормотал Ключев.

Лапка мыши схватила длинный рычаг за деревянный набалдашник и дернула его. Тотчас на табло замелькали цифры, а из трубы-рожка полилась струя красного пара.

— Я давно этого добивался, — сказал Ключев. — То самое число! Но вам не понять.

Ключев вышел из игры и вызывал текстовые окна деловых бумаг.

— Не доросли мы умишком, — сказал Пилипенко с терпением в голосе.

— Точно! Где уж нам, дуракам, чай пить, — проворчал Жаров.

Оба знали, что бесконечные игры Ключева не влияют на ход его работы. На мониторе один документ быстро сменялся другим.

— Ничего, еще дорастете... — приговаривал Ключев, виртуозно шаря мышью и стуча по клавиатуре. — Откроете себе этот удивительный мир... Готово! Значит, так. Происшествие определено как несчастный случай. Свидетельница, продавщица овощного лотка, стояла спиной и ничего конкретного не видела. Второй свидетель — пенсионер с собачкой. В момент наезда он как раз общался со своей белой болонкой и оглянулся, лишь когда машина уже сбила женщину. Какие-то еще люди... Бросились задержать машину, «Ауди» эту из прошлого века, но та укатила. Вот! Один свидетель вообще не был опрошен. Он пришел, чтобы дать показания, но его не стали слушать, поскольку дело и так казалось ясным.

— Распечатай мне его координаты, — попросил Пилипенко.

— Только что послал на принтер, он обычно медлит несколько секунд. Не люблю, когда начальство отдает распоряжение о том, что я уже и так сделал.

— Поговори у меня еще, — буркнул следователь, прихватывая лист. Прочитал: — Мельников какой-то. Учитель. Эге! Да это ж наша школа. Не помню такого. Молодой, наверное.

До школы дошли пешком, благо что было минут пять от управления. Мельникова отыскиали быстро. Совсем молодой человек сидел за учительским столом, в пустом классе по слу-

чаю большой перемены. Жаров прислонился к подоконнику, а Пилипенко влез за парту. Он казался неправдоподобно большим.

— Вам так удобно? — засуетился учитель. — Я могу принести стул из другого кабинета.

— Вы даже представить себе не можете, Виталий Робертович, насколько тут удобно! — сказал Пилипенко, и Жаров понял, что он сидит и радуется возможности снова оказаться за собственной партой. Парты, впрочем, была другой, новой, но место — то же самое.

— Итак, вы шли по Платановой, наблюдали происшествие от начала и до конца... — начал он разговор.

— Так точно. Я хотел рассказать, но меня не пожелали выслушать.

— Так расскажите сейчас.

— Я увидел эту женщину. Она совершала переход улицы, шла наискось, улица была пустой. Вдруг появилась белая «Ауди». Машина двигалась точно на нее. Мне стало сразу ясно, что водитель то ли не видит ее, то ли, наоборот, стремится произвести наезд. Когда оставались считанные метры, ветром сорвало рекламный постер с проволоки между столбами. Большой кусок клеенки угодил прямо на лобовое стекло и заклеил его. Машина вильнула. Я убежден: если бы не ветер, то женщина была бы убита.

— Водитель был в машине один?

— Так точно. Отъехав от жертвы, остановился. Я и другие прохожие бросились к машине. Увидев, что мы собираемся произвести задержание, ударил по газам и скрылся с точки события. И вот еще что... Или это мне показалось?

Мельников умолк, испытующе глядя то на Пилипенко, то на Жарова.

— Продолжайте, — сказал Жаров. — Иногда имеет значение даже галлюцинация свидетеля.

— У этого водителя было какое-то странное лицо, — сказал Мельников. — Не могу понять, да и темно было. То ли это был негр? Во всяком случае, не обычный человек.

Пилипенко с трудом вылез из-за тесной парты. Проговорил, еще не закончив движения:

— Ясно. Следствие примет к сведению любую информацию. У меня к вам последний вопрос. Почему вы по-армейски говорите?

Мельников пожал плечами.

— Так я в армии служил.

Пилипенко и Жаров попрощались и вышли.

— Мы с тобой тоже в армии служили, — сказал следователь, усмехнувшись. — И почему таким дебилам позволяют детей учить?

— Крыша мира сильно поехала за двадцать лет, — сказал Жаров.

Пилипенко улыбался редко и то именно так: похоже на какую-то горькую усмешку, а если и шутил, то с серьезным лицом, отчего окружающие часто не понимали его шуток.

— Чужие мы с тобой на этом празднике жизни, — сказал он и добавил с серьезным лицом, когда какой-то мальчишка с налету ткнулся ему головой в живот: — Без сменной обуви.

— Значит, попытка преднамеренного убийства, — проговорил Жаров. — Про лицо водителя я что-то не понял, но чем-то сверхъестественным тут пахнет.

— Для тебя всегда пахнет. Тебе надо в противогазе ходить. Гм... Странное лицо водителя... Негр... Тут что-то очень простое может быть.

— Или наоборот — чрезвычайно сложное. Кто ж мог покушаться на жизнь обыкновенной женщины? Кто она такая, кстати? Где хоть работает?

— Нигде. Домохозяйка. Между прочим, она еще в больнице. Самое время навестить пострадавшую.

3

В хирургическом отделении Ливадийской больницы Жарова заставили надеть бахилы. В вестибюле, проходя мимо высокого зеркала, он удостоверился, что выглядит идиотом с большими синими ступнями.

В палате содержались трое: Вера, жена Куроедова, с каменной ногой на растяжке, девочка с гипсом-воротником и старушка с обеими перевязанными руками.

На тумбочке, в простой стеклянной банке стоял скромный букет мелких разноцветных астр, вестимо, от мужа. Жарову стало стыдно за голландские розы, которые он притащил незнакомой женщине. В качестве приложения он подарил ей номер «Крымского криминального курьера», конечно же не тот, где была напечатана статья ее мужа, преодолев соблазн подвергнуть пострадавшую такому испытанию. Газета служила средством знакомства, не более.

— Огромное вам спасибо за цветы, — сказала Вера. — Я как раз очень розы люблю. Потому что они с шипами, не дадут себя

в обиду. Правда, не знаю, чем моя история интересна для вашей газеты.

— Вы про меня напишите, — подала голос старушка. — Я обеими руками в горячий борщ угодила.

— И про меня! — воскликнула девочка. — Я на велосипеде хотела с каменной лестницы съехать, из Массандры на автовокзал. Четыреста ступенек!

— Про всех напишу, — с легкостью заверил их Жаров. — И про лестницу. И про борщ.

Девочка вернулась к своему занятию: слушая плеер, она кормила старушку с ложечки, отморозенно кивая в такт неслышной музыке. Жаров обратился к потерпевшей:

— А вы, Вера, значит, точно уверены, что в машине был один человек?

— Один, — женщина помедлила, замявшись. — Только вот... Вы скажете, что я сошла с ума.

— То есть? — «искренне» удивился Жаров.

— Я не говорила это милиции, не хватало еще, чтобы меня в психу записали да в другую больницу перевели.

Жаров вопросительно посмотрел на собеседницу. Та сказала:

— Он не был человеком.

Жаров вздрогнул. Девочка уронила ложку. Старушка попыталась перекреститься культийкой.

— Я не совсем понимаю. За рулем было какое-то животное?

— Это было чудовище. Что-то вроде оборотня. То ли волк, то ли пес. Оно сидело за рулем. И смотрело на меня.

Жаров ясно представил себе то, что сказала Вера, и позже, по пути в управление, невольно присматривался к лицам водителей...

Выслушав его рассказ, Пилипенко достал из пачки сигарету, вставил ее в рот, закурил, затянулся, затем выплюнул сигарету, поймал ее на лету, сломал и швырнул в пепельницу. Там было уже полно таких же сломанных окурков.

— Никаких оборотней нет, — сказал он. — Ясно как день: галлюцинация женщины, которую ударило бампером этой старой «Ауди».

Жаров сидел напротив следователя и явно смаковал свою длинную сигарилью.

— И не курил бы ты при мне, — добавил следователь. — Ведь бросает же человек.

— Ну и что? Это ж ты бросаешь, а не я. А насчет оборотня я бы не рубил так сразу.

Пилипенко замолчал, задумавшись. Жаров погасил свою кофейную сигарилку в пепельнице, среди длинных, белых, недокуренных сигарет следователя.

— Может быть, ты и прав, — сказал Пилипенко. — Если это оборотень, то жертва знала своего недоделанного убийцу.

— Ты это серьезно? Вот так, взял и сразу поверил в оборотней?

— Почему бы и нет?

Голос его звучал хитро, притворно.

— Да ну тебя, — обиженно сказал Жаров. — Дело ж серьезное.

— Серьезней некуда. Поскольку угонщиков или угонщика не нашли, то эту машину мог использовать кто угодно. Хотя оборотень, хоть сам Куроедов. Поговорил бы ты с ним, а? Как редактор с автором.

— Это резонно, — согласился Жаров. — Ты только намекни эдак: где мне его искать. Его статья ведь по электронной почте пришла.

— Твой талантливый внештатник трудится барменом в ресторане отеля «Маврикий». Там, в подвале, он и вкалывает, — сказал следователь, который, оказывается, уже навел справки.

4

Через полчаса Жаров вошел в означенный бар. В пустом помещении был полумрак, звучала тихая музыка. За стойкой скучал бармен, видимо, это и был Куроедов — средних лет, невзрачного вида человечек. Он смотрел телевизор, откуда и доносилась музыка: показывали какой-то видеоклип с полуголыми девицами.

Жаров подошел к стойке и запрыгнул на табурет. Спросил:

— Есть абсент?

— Целую роту можно отравить, — хмуро ответил бармен.

«Вот как: отравить, — насторожился Жаров. — Что у этого человека на уме, тем и шутит». Жаров заказал сто пятьдесят граммов абсента. Куроедов с уважением посмотрел на него и принялся готовить выпивку.

— А вы что же, не узнаете меня, дружище? — спросил Жаров.

Бармен поставил перед ним блюдечко.

— Не имею чести.

— Я — Жаров, Виктор Викторович.

— Очень приятно. Я — Куроедов, Степан Петрович. Здешний бармен, как видите.

— А я — местный независимый журналист, главный редактор газеты «Крымский криминальный курьер».

Замешательство бармена выразилось в том, что он перелил зе-

ленную жидкость через край, она наполнила блюдечко, начала выливаться на стойку...

— Хватит, пожалуй, — сказал Жаров. — Блюдечко-то я тоже освою, а вот с панели слизывать — уж простите.

— Я ж вас никогда не видел, — сказал Куроедов, виртуозно-обработав окрестности блюдечка тряпкой. — Прямым глазам своим не поверил, когда мою статью в газете напечатали. Сразу десять штук купил. Правда, вот не знаю для чего. Показывать-то никому не собираюсь, даже жене. Ей — особенно. Кстати...

Он сделал над стойкой широкий жест ладонью.

— Эта порция будет за счет заведения, не возражаете?

— Возражаю, — сказал Жаров. — Наоборот, это вам положен гонорар за публикацию.

— Вы ж не платите гонораров.

— Правильно, не платим. Газета безгонорарная. Так сказать, на энтузиазме. Народная газета. Людям всегда хочется что-то рассказать о себе. Пусть радуются, что можно это бесплатно сделать. Вы ведь свою статью не придумали, так? Небось, собственную историю и рассказали?

Лицо Куроедова стало серьезным, мрачным.

— Точно так. Это моя история. И всё в ней правда, от начала и до конца.

Он поднял палец вверх и опустил его вниз, будто иллюстрируя слова «начало» и «конец».

— Наболело, понимаете? — продолжал бармен. — Не могу молчать. Как Толстой Лев Николаевич. Из года в год повторяется одно и то же. Решил вот разобраться, пошел к колдунье. Та мне и рассказывает о покрывале вдовы. Осмыслил все, жизнь свою вспомнил. И написал. Только имя скрыл, не сказал, что это я. А вы... Как вы догадались-то?

— А я и не догадывался. Просто сопоставил информацию о дорожном происшествии, в которое попала ваша супруга, с этой статьей.

Куроедов энергично потряс над стойкой ладонью.

— Вот! Самое главное, что статью-то я написал до того, как это происшествие случилось.

— Я вам глубоко сочувствую, — вздохнул Жаров. — Выпьете со мной? Потолкуем об этом странном деле.

Куроедов насупился.

— Мне не положено. Я на выпивке как раз и работаю.

— А я не здесь предлагаю и не теперь.

Договорились встретиться в «Бригантине», ресторане в двух

шагах от бара, где трудился Куроедов. Бармен пришел точно к назначенному времени и сразу принялся рассказывать свою жизнь:

— Моя первая, Алечка, отравилась дешевой водкой. Это было давно, тогда всюду продавалось что попало, никто ничего не контролировал.

Жаров приподнял свою рюмку с водкой, запоздало сообразив, что это был неуместный жест под данную реплику собеседника.

— Она что же, сильно пила?

— Пила, случалось.

Жаров опрокинул рюмку в рот. Куроедов тяжело вздохнул и тоже выпил.

— Насколько я знаю женщин, они больше любят вино.

Жаров наколол маленькой сервировочной шпажкой оливку с блюдечка. Куроедов потыкал оливку шпажкой, та ускользнула, и он просто взял ее пальцами.

— Нет. Моя первая пила исключительно водку. Зато вторая — вообще не брала в рот спиртного.

— От чего ж она умерла?

— Самое грустное. Покончила с собой моя Женечка. Бросилась в лестничный пролет. Мы тогда жили в Харькове, в таком старом доме с высокими потолками. Трех этажей хватило, чтобы разбиться насмерть.

— Предсмертная записка была?

— Разумеется. Иначе бы меня заподозрили, что это я ее с лестницы толкнул. До сих пор бы, может быть, сидел.

— Но тебя ж наверняка пытались привлечь по статье «доведение до самоубийства». Обычно в таких случаях берут мужа.

— Да, было дело. Но никаких доказательств, знаешь ли... Опрашивали соседей: не скандалил ли я, не бил ли жену. Все было благополучно. Отцепились.

Куроедов налил себе и Жарову по рюмке, сам выпил первым.

— А с третьей что случилось? — спросил Жаров.

— С Наташенькой-то? Да любовник ее замочил.

— Да ну?

— Зарезал. Та была стервой. Туда ей и дорога, честно говоря. А парень этот недавно откинулся.

— Умер, что ли?

Куроедов недоуменно посмотрел на Жарова. Произнес укоризненно:

— Ты же ведь журналист, а языка не знаешь. Умер — это «кинулся». А «откинулся» — это с зоны на свободу вышел. Я его не знаю, только на суде и видел.

- Он в Ялте или где?
- В Алуште. А тебе он на что?
- Ни на что. Так просто спросил.

Значит, Харьков... — думал Жаров, когда, пошатываясь, брел после пьянки домой, то есть в редакцию, поскольку до дома надо было либо изрядно ползти вверх, либо ловить такси — показываться в таком виде водителю, который мог его знать, а Жаров был все же известным в городе человеком, несмотря на то что этот Курочкин... курятина эта, как ее? — не узнал начальство в лицо... Тьфу! Что за чушь лезет в голову?

Старый дом, говоришь, высокие потолки? Где это видано, чтобы убийца переезжал из города в город, чтобы умерщвлять жен какого-то Куроедова? Ясно: покрывало вдовы. И оно существует. И Жаров докажет это.

Он остановился, опершись на столб... Нет, на ствол пальмы, ибо не бывает волосатых столбов.

Если, конечно, следователь Пилипенко не докажет раньше журналиста Жарова, что этот Куроедов и есть убийца. Убивал очередную жену, присваивал ее имущество и сматывался подалее от подозрительных соседей.

5

Жаров сидел на подоконнике в кабинете следователя. Ждали некоего Зайцева из Алушты, человека, отсидевшего срок за убийство предпоследней жены Куроедова. Услышав обстоятельный рассказ Жарова, Пилипенко решил вызвать его под видом профилактики как недавно освободившегося из мест заключения. Следователь нервничал: интуиция подсказывала ему, что история гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд, но завести уголовное дело он как раз не мог, поскольку не было ни малейших на то оснований. Несколько женщин в разных городах умерли по разным причинам. Связывало их лишь то, что все они были женами одного и того же человека. Жаров прекрасно понимал друга: он готов пойти на все, чтобы не поверить в истинность покрывала вдовы, равно как и любой другой мистики.

Пилипенко сидел за своим столом, вороша какие-то бумаги. Жаров оперся на подоконник и глядел на ветреную осеннюю улицу. Слышался стук каблучков. Девочки-старшеклассницы в школьной униформе шли, растянувшись на всю проезжую часть, ступая по обычной девчачьей манере в ногу, поэтому их каблучки и стучали столь громко.

— Опаздывает твой чувак из Алушты, — сказал Пилипенко. — Может и вообще не явиться. Забьет еще на повестку.

В ответ ему будто сама наша inferнальная реальность проиграла, мимикрируя под какое-то кино. Зазвонил внутренний телефон. Пилипенко снял трубку. Выслушал, сказал:

— Да, конечно. Пусть идет прямо в мой кабинет. Легко на помине, — продолжил он, положив трубку на рычаг. — Убийца Зайцев прибыл. Посмотрим, что за зверь. Зарезать любовницу кухонным ножом, причем прямо у себя в квартире.

— В состоянии аффекта, как признал суд, — уточнил Жаров.

— А в бега он кинулся — тоже в состоянии аффекта? И пьянствовал неделю в деревне, пока труп до соседей не довонял. А потом оказать... сопротивление при задержании, — последние три слова он проговорил шепотом, поскольку слышался робкий стук в дверь.

— Войдите! — гаркнул Жаров.

Дверь медленно открылась. На пороге появился опрятно, хоть и не шикарно одетый человек. У него было чисто выбритое, круглое, словно детское, лицо. Весь его облик излучал доброту. Пилипенко и Жаров с недоумением рассматривали его.

— Вы по какому вопросу? — осведомился Жаров, хотя уже и сам понял, что это и есть Зайцев, осужденный за убийство третьей жены Куроедова и недавно вышедший на свободу.

— Моя фамилия Зайцев, Петр Игнатьевич, — представился Зайцев. — Я пришел по повестке. Извините, гражданин следователь, но это большая ошибка.

Он достал из кармана паспорт, из паспорта — повестку и развернул ее.

— Нет тут никакой ошибки, Петр Игнатьевич, — сказал Жаров. — Вас вызвали и вы пришли.

Зайцев нервно дернул плечом.

— Да нет. Ошибка не в этом, — он направился к Жарову, размахивая повесткой.

— Стоять! — довольно мирно произнес Пилипенко. — Следовательно — это я. А ты, значит, и есть означенный убийца Зайцев?

Тот округлил глаза:

— А что, если вы будете обращаться ко мне на «вы», гражданин следователь?

— А я с убийцами всегда на «ты». Вы ж для меня — свои люди.

— А я не убийца. Вот в чем и есть большая, трагическая ошибка.

Пилипенко потряс бумагами, которые держал в руках.

— Да? Ладно, будем пока на «вы». На всякий случай. Так, говоришь, не убивал? Вы всегда так говорите. В смысле, я хотел сказать, вы, сударь, тогда, пять лет назад, не убивали гражданочку Куроедову?

— Нет.

— Вашим кухонным ножом, любезнейший?

— Нет. Это сделал кто-то другой.

— В вашей собственной квартире, сердечный.

— Это была ошибка.

— Ошибка суда? Или ваша собственная, когда вы своим кухонным ножом... Не по назначению воспользовались?

Зайцев всплеснул руками.

— Я не убивал, честно! Но мне никто не поверил. Когда я пришел домой, она уже была мертвая.

Жаров сделал пригласительный жест:

— Да вы присаживайтесь. Расскажите все по порядку.

Зайцев так и сделал, правда, не совсем понял, откуда начинать свой рассказ:

— Мы с Натальей работали вместе. Я мастером на винзаводе, а она контролером в цехе портвейнов была. В общем, мы полюбили друг друга...

— Вы лучше нам про день убийства расскажите.

Глаза Зайцева остекленели, поскольку он углубился в далекое прошлое.

— Она должна была ко мне прийти, как обычно, в четверг, — начал он глубоко повествовательно. — Она раньше по четвергам во вторую смену была, потом ее перевели, а муж не знал. Вот она ко мне и ходила. У нее ключ был. Она приходила на полчаса раньше и ждала меня. Вот, пришёл я, как обычно, говорю с порога: «Здравствуй, моя бесценная!» А она на кровати лежит, и нож в груди.

— На котором были обнаружены ваши отпечатки пальцев, — сказал Пилипенко, листая бумаги на столе.

— Ну, конечно! — воскликнул Зайцев. — Это же был мой нож. Для хлеба. Я ничего не соображал. Хотел было вызвать милицию, но передумал. Испугался.

— Правильно испугался. Сразу бы и взяли.

— Поэтому и побежал на автовокзал. Сел в маршрутку, поехал к матери в деревню. А первым делом, вина махнул бутылку. И в дороге — тоже. И там залег на неделю. У матери в доме меня и нашли. Дальше — КПЗ, суд, всё как во сне. Все было против

меня. Так и посадили ни за что. Судья меня сразу невзлюбил: ведь я же любовник!

— Увы. Часто вместо того, чтобы разобраться в фактах, они выносят свое моральное суждение.

Зайцев вдруг резко наклонился к следователю через стол.

— Вот что я вам скажу. Ее убил муж. Больше никому. Но у него было какое-то там алиби. Да никто его всерьез и не подозревал.

— Он знал о ваших отношениях с убитой?

— На суде говорил, что нет. Но ведь мог и узнать, правда?

6

Зайцев вышел из дверей управления, глянул на небо, поднял воротник. Ветер полоскал его плащ; вдруг маленький смерч из осенних листьев поравнялся с идущим, и несколько секунд они оба шли рядом — Зайцев и смерч. Жаров видел эту картинку из окна, вдруг какая-то догадка шевельнулась в голове: именно от этого словосочетания: Зайцев, ветер, смерч... Как всегда, смутная мысль мелькнула в голове, и, как всегда, что-то развернуло ее ход: в данный момент — мерное постукивание пальцев следователя по столешнице...

— Если Зайцев невиновен, то этот Куроедов — просто сисяная борода, — сказал Пилипенко. — Выбирал невест с достатком, по-разному их умерщвлял. Продавал их квартиры, переезжал из города в город. Последний раз даже ухитрился подставить и посадить любовника. А сейчас заточил на очередную жену.

— А если все же эту женщину убил Зайцев? Я понимаю, почему тебе хочется верить в его невиновность.

— Я всего лишь раздумываю, — огрызнулся Пилипенко, ясно читая мысль друга.

— На самом деле, если убийца — Зайцев, то придется тебе признать, что «покрывало вдовы» — реальность. Одна женщина отравилась водкой в Днепропетровске, другая покончила с собой в Харькове, третью убил любовник в Алуште. Точно — покрывало вдовы, кармическое заболевание, которому подвержен не кто иной, как Куроедов.

Пилипенко резко встал, навис над столом, над Жаровым. Сказал:

— А знаешь, есть такое заболевание: алкогольный бред ревности?

— Правда? — Жаров заморгал от неожиданности жеста следователя.

— Точно. Можешь посмотреть в своей Википедии. Что-то вроде того: алкоголик ревнует жену, проверяет ее белье, фантазирует и так далее.

— Ну, допустим, и что?

— Значит, допускаешь? — зловеще прошептал Пилипенко. — А если я тебе скажу, что никакого алкогольного бреда ревности нет?

— А Википедия?

— Просто переписывает Большую Советскую энциклопедию.

— Тем более — совсем уж авторитетный источник.

— Да? А кто писал туда статьи?

— Врачи, наверное.

— Врачи-мужчины или врачи-женщины?

— Большинство врачей, конечно, женщины. И что это значит?

— А то, что эта болезнь выдумана. Почему именно бред ревности? А не бред, скажем, страха ночных грабителей? Или злобных гомосексуалистов?

— В самом деле — не ясно.

— То-то и оно. Дело обстоит так. Алкоголик опускается, становится слабым как мужчина. Проще говоря, у него плохо стоит. И, разумеется, жена такому мужчине изменяет. И конечно же, он замечает признаки измены. И поэтому ищет доказательства и вправду роется в белье. И врачи-женщины пишут диссертации об этой якобы болезни. Полностью солидарные со своими сестрами по несчастью.

— Ты хочешь сказать, что и с покрывалом вдовы что-то в этом роде?

Пилипенко с грустью посмотрел на друга.

— Как ты думаешь, сколько в мире происходит совершенно невидимых убийств? Таких убийств, которых никто просто не замечает. Умер человек, и все. И чаще всего муж убивает жену или наоборот. Уж поверь мне как профессионалу. Вот и появляются мужчины и женщины, у которых супруги якобы мрут как мухи. Отсюда и возникла гипотеза, что существует какое-то там покрывало вдовы. Но я выведу этого паука на чистую воду. Сейчас же запрошу по межгороду дела по первым двум женам. Посмотрим, что это было за самоубийство и отравление дешевой водкой.

— Ты что же — уже завел уголовное дело?

— В том-то и дело, что нет. Поэтому действовать надо по-другому.

Жаров сидел за компьютером, часто поднося к губам чашку с дымящимся кофе. На мониторе крупно значилось: **ПОКРЫВАЛО ВДОВЫ: ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?**

Жаров удалил надпись, набрал другую. В редакцию вошел Пилипенко, тускло глянул в монитор. Сказал:

— Правильно. Лучше об этом и пиши. Рано еще о покрывале.

На мониторе теперь красовался заголовок: **АЛКОГОЛЬНЫЙ БРЕД РЕВНОСТИ: ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?**

Жаров, глянув через плечо на следователя, с остервенением стер и эту надпись.

— Чего тебя принесло-то на ночь глядя?

— У меня тут с Мининым встреча.

— Это тебе не гостиница, — огрызнулся Жаров.

— Не кипятись. Расследование пока неофициально. Я поручил эксперту проделать кое-какую работу. Заодно посоветуемся.

Жаров нервно двинул мышью. Сказал серьезно:

— Я тут посмотрел в интернете про оборотней.

На экране возникло изображение человека-волка — во весь рост, спереди и сбоку. Жаров сменил картинку. Теперь его друг-следователь наблюдал человека-волка в разрезе. Меж тем Жаров говорил тоном возбужденного учителя:

— Оборотни или верволки, как их еще называют, образуются следующим образом. В ночи, когда светит полная луна...

Пилипенко глянул за окно.

— Отставить верволков. Вон уже Минин идет.

Дверь редакции распахнулась, и на пороге возник Минин. Одним длинным жестом он достал из-под мышки бордовую папку и возложил ее на стол.

— Посмотри, любопытные материалы, — сказал он следователю и, как бы спохватившись, коротко поклонился Жарову.

Пилипенко сел за стол, раскрыл папку. Сдвинул на лоб и снова опустил очки, рассматривая два листа бумаги: на каждом из них крупные буквы, ясно, что это увеличенные копии рукописного текста. Следователь устроил рядом две буквы «а» и сравнил их.

— Не вижу разницы.

— И в Харькове не заметили, — сказал Минин. — Ребята там хорошие, опытные, но тогда, в эпоху бандитских войн, им было не до заурядного самоубийства молодой женщины. Ты буквы «у» и «д» посмотри.

Пилипенко согнул листы, рассматривая пары букв. С удивлением поднял глаза:

— Хвостики выдают подделку.

Жаров подошел к столу, взял в руки листы. Отличия в написании хвостов «у» и «д» в глаза не бросались, но все же чувствовалась какая-то общая, едва уловимая тенденция: у одной группы был чуточку больший наклон.

— Предсмертная записка жены Куроедова фальшивая! — воскликнул Жаров.

— То-то и оно, — подтвердил Минин. — Между прочим, из Харькова прислали и отпечатки Куроедова. Их сняли, когда он проходил по делу о самоубийстве жены. Правда, я не знаю, что мне с ними делать.

— Вот как! — отозвался Пилипенко. — А я как раз хотел попросить прессу раздобыть его пальчики. Сходить в бар, например, затырить там пустой стакан, который он подаст. Есть у меня одна мысль. Мы вообще знаем, где был этот Куроедов во время наезда на его жену? — Он повернулся к Жарову: — Пригласи-ка этого писателя к себе в редакцию. Ну, а я сюда тоже ненароком зайду.

На следующий вечер картина в редакции была практически та же: двое мужчин сидели у камина со стаканами в руках. Один из них был все тот же Жаров, неизменный хозяин и редактор газеты «Крымский криминальный курьер», другой — Куроедов, бармен из отеля «Маврикий».

— Нынче ветрено... — с грустью вздохнул хозяин, глянув на сильно бушующее в камине пламя, затем — за створку открытого окна.

Куроедов молча кивнул в ответ.

— И волны с перехлестом, — мечтательно продолжал Жаров, и гость с недоумением оглянулся: где в этом помещении могут быть волны, если тут даже аквариума нет.

— Скоро осень, — заметил Жаров.

— Скоро? — удивился Куроедов. — Ведь и так уже идет полным ходом, сентябрю вот-вот конец.

— Это я так, стихи... — объяснил Жаров. — Вот, послушай. Скоро осень, все изменится в округе. Смена красок этих трогательней, друг мой, чем наряда перемена у подруги.

— Здоровски! — непритворно восхитился Куроедов. — Сам сочинил?

— Угу, — промычал Жаров. — А ты не пробовал стихи писать?

— Нет.

— На стихи девушка хорошо берет.

— Что берет? — не понял Куроедов.

— Ну... Берет, клует. Так о рыбе говорят. Странно. Столько у тебя жен было, а поэзии ты не знаешь. Если бы мы с тобой сейчас в театре на сцене сидели, то кто-нибудь в зале непременно возмутился бы, что я чужие стихи за свои выдаю.

— А они чужие? — спросил Куроедов.

Жаров посмотрел на него, наклонив голову. Подумал о славе, о возможной минуте славы... Вздыхнул:

— Да нет, мои...

В этот момент послышался звук, будто бы кто-то наступил на стекло. Куроедов глянул в открытое окно. Спросил с подозрением в голосе:

— Ты просто так пригласил или дело какое есть? Мне ведь жена рассказала, что ты к ней в больничку приходил. Вот и вопрос: что ты все вынюхиваешь?

— А ты понимаешь, что твою жену чуть не убили на днях?

— Это был несчастный случай.

— Счастливый случай.

— Это как понимать?

— Что она осталась жива. Кто-то угнал машину, специально наехал на женщину. Затем машину бросили в кустах, насорили там чипсами, налили на сиденье пива. Чтобы получилось так, будто машину угнали какие-то пьяные ребята, катались, задавили женщину. Между прочим, менты могут на тебя подумать. Что скажешь?

— Мне вообще-то не впервой... Да кто это там все шебаршится? — Куроедов снова с тревогой глянул в окно.

— Ветер, конечно, — сказал Жаров. — Ветер, между прочим, и спас твоей жене жизнь.

— Я знаю.

— Откуда, интересно?

— Ты что же, допрашиваешь меня?

— Да нет. О тебе беспокоюсь.

— Она сама и сказала, как все было. Машина неслась на нее.

На стекло шлепнулся плакат.

— Алиби-то хоть у тебя есть на это время?

— Я был на работе.

— А кто это может подтвердить?

— Не знаю. Какие-нибудь посетители, наверное.

— Как я заметил, у тебя не густо с посетителями.

— Увы.

- И ты ведь в любой момент можешь закрыть бар и уйти.
- Вообще-то да, — сказал Куроедов.
- Что ты и сделал, — послышался вдруг голос из открытого

окна.

Голова следователя Пилипенко выглядела довольно-таки злое, словно какой-то шутник поднял над подоконником тыкву с горящими глазами: так хорошо словили свет уличного фонаря круглые очки. Куроедов вздрогнул и с удивлением посмотрел на говорившего, затем перевел взгляд на Жарова.

— А это еще кто такой?

— Капитан Пилипенко, — донеслось из окна. — Отдел расследования убийств уголовного розыска города Ялты. Я тут мимо проходил, под окном отдохнуть остановился. Занятный слышу разговор.

— Может, зайдешь? — предложил Жаров.

— Да некогда мне. Должен тут одного хлопчика задержать. За покушение на убийство. Гражданин Куроедов! Вы арестованы по подозрению в покушении на гражданку Куроедову Веру Николаевну.

Куроедов вытарашил глаза:

— Пойдите! Но у меня алиби.

— Ну, допустим, алиби у тебя никакого нет, — произнесла голова. — Сам ведь сейчас сказал, что можешь всегда с работы сбежать. Но не в этом дело. А в том, что твои пальчики, Куроедов, в базе данных МВД давно зарегистрированы.

— Да, у меня снимали отпечатки пальцев, ну и что?

— Когда нашли угнанную машину, то на всякий случай взяли отпечатки, предположительно того, кто имел отношение к этому делу. Так вот, там именно твои пальцы, Куроедов.

8

Ветер сорвал с головы следователя шляпу. Жаров быстро перехватил ее на лету. Друзья только что встретились на углу и шли по Виноградской, можно сказать, просто прогуливаясь, раскланиваясь со знакомыми, которых в этом месте города было всегда полно: местные жители шли не по набережной, которая в сезон принадлежала курортникам, а по параллельной улице.

— Вот что значит школа тхэквондо, — сказал Пилипенко, принимая шляпу. — Могу лишь позавидовать твоей ловкости.

— Это карате, — заметил Жаров. — Тхэквондо использует пре-

имущественно ноги... Он хоть в чем-нибудь сообразил? — Жаров перешел к делу.

— Нет, — вздохнул Пилипенко с явной горечью и недоумением. — Я держу его более трех суток.

— Стало быть, уже предъявил официальное обвинение.

— Разумеется. На основании его отпечатков на пивной банке, что нашли в этой машине, и отсутствия алиби. Но самое главное доказательство, хоть и косвенное, заключается в том, что за рулем сидел оборотень.

Жаров поднял руки:

— Сдаюсь. Объяснишь ли ты мне наконец, почему ты вдруг поверил в оборотней?

— Все дело в том, что... — торжественно, будто собираясь поведать нечто очень важное, начал Пилипенко, но в этот момент у него в кармане зазвонил телефон. — Секундочку. — Он достал аппарат, шлепнул его себе на ухо. — Что-о? Еще одно? Немедленно еду. Ждите. — Он обернулся к Жарову: — Ловим такси до Ливадийской больницы.

Пилипенко сорвался с места и зашагал через старый двор на улицу Кирова, поскольку по Чеховке такси проходят примерно раз в час. Жаров шел за ним, говоря другу в спину:

— Что произошло в больнице — это во-вторых. А во-первых, почему же ты все-таки поверил в оборотней?

— Эта тема отменяется, — не оборачиваясь, ответил Пилипенко. — Я только что узнал, что моя гипотеза не верна.

Машина донесла их до больницы за шесть минут. Пилипенко показал удостоверение, и охранник поднял шлагбаум, открыв территорию, для частного транспорта запрещенную.

Пилипенко и Жаров, оба в белых халатах, не застегнутых, так что полы развеивались от быстрой ходьбы, шли вдоль вереницы дверей. Их сопровождали доктор и медсестра.

— Я не несу ответственности, — говорил доктор. — Я не понимаю, как он проник в здание. Это забота охраны.

Пилипенко молча морщился, ежилась под своим халатом, явно испытывая неудобство от этой безразмерной одежды.

— Он мог залезть в окно на первом этаже, — сказала медсестра.

Так, с белоснежным эскортом, Пилипенко и Жаров дошли до двери палаты, возле которой сидел милиционер. Увидев следователя, он встал и отдал честь.

— Всё под контролем, т-щ капитан! У меня тут круглосуточный пост.

— Отставить пост! Не думаю, что он еще раз сюда сунется.

— Но, т-щ капитан!

— Исполняйте.

— Слушаюсь, — закончил свою дискуссию младший сержант и, захватив с собой стул, удалился по коридору.

Пилипенко распахнул дверь палаты, сердито отдернув полу халата, зацепившуюся за ручку. Обернулся вслед уходящему милиционеру.

— И дайте тыквы начальнику местной охраны.

— Есть тыквы, т-щ капитан! — с радостью ответил младший сержант, устанавливая стул на место, в ряд с другими в коридоре.

Вера Куроедова сидела на своей кровати. Ее загипсованная нога была уже без растяжки. У спинки стояла пара костылей. На двух других кроватях расположились старушка с перевязанными руками и девочка с загипсованной шеей. Судя по облегченным повязкам обеих больных, за прошедшие дни состояние их значительно улучшилось.

— Это был волк! — воскликнула Вера вместо приветствия. — Самый настоящий волк!

— Только в человечьем костюме, — добавила старушка.

— И с огромными когтями, — уточнила девочка.

Жаров вертел головой, недоуменно глядя на этих странных пациенток. Пилипенко поднял обе руки, что на языке жестов означало «молчать!».

— Тихо, — озвучил он более вежливо. — Не все сразу. Я следователь уголовного розыска города Ялты. Начнем с потерпевшей. Итак, что вы видели?

— Я спала, — сказала Вера. — Мне снился сон. Я видела, будто иду по...

— Дальше! — перебил ее Пилипенко, — Вы, вероятно, проснулись?

— Пусть расскажет, — встрял Жаров. — А что, если этот сон...

Жаров поднял раскрытую ладонь и покрутил пальцами, Пилипенко бросил на него злобный взгляд, тот замолк и вяло опустил руку. Вера недоуменно вертела головой. Спросила следователя:

— Так рассказывать сон или нет?

— Нет пока, — очень терпеливым тоном ответил Пилипенко. — Что вы увидели, когда проснулись?

— Оно стояло прямо надо мной и тянуло ко мне руки. Это было то же самое, что сидело в той машине. Большая собачья голова. Или волчья. Такие водились в Древнем Египте.

— Нечто вроде Анубиса, — пробормотал Жаров.

— Его глаза горели, — содрогнувшись, произнесла Вера.

Девочка с повязкой вскочила. Заявила с гордостью:

— Я швырнула в него ночным горшком.

Пилипенко с недоумением обернулся к ней:

— Как? И ты его видела?

— Конечно!

— И я! — воскликнула старушка. — Он убежал и задел головой о дверной косяк. И у него отвалилась голова.

— Он схватил свою голову и убежал, — добавила девочка.

Ее лицо отражало настоящий страх. Старушка поднесла щепошь ко лбу, намереваясь перекреститься. Вера смотрела в одну точку. Пилипенко хлопнул себя по коленям.

— Все ясно. Будьте уверены: мы примем все возможные меры к задержанию чудовища.

— А еще я бы попросила объявить в розыск моего мужа, — вдруг тихо сказала Вера. — Он три дня не приходил, и телефон не отвечает.

Она кивнула на свой мобильник на тумбочке. Пилипенко и Жаров переглянулись.

— Ума не приложу, куда он мог подеваться? — продолжала Вера.

9

Куроедов шел по коридору с сумкой на плече. Его сопровождал охранник. У окна стояли следователь Пилипенко и лейтенант Ключев. Пилипенко барабанил пальцами по подоконнику.

— Давай лучше ты, — сказал Пилипенко.

— Как скажешь, — пожал плечами Ключев.

Он обернулся навстречу идущему Куроедову и отдал честь.

— От имени администрации города и Министерства внутренних дел приносим вам свои извинения.

Куроедов остановился, поправил сумку на плече.

— Это в честь чего?

Пилипенко отлип от подоконника и подошел к Куроедову. Сказал:

— Вы свободны. Ваше задержание и последующее обвинение были ошибкой.

Куроедов криво усмехнулся:

— Между прочим, я это с самого начала знал. А вы-то как догадались?

— На вашу жену было совершено покушение.

— Вы меня в этом убедили. Но мне казалось, что это был несчастный случай.

— Поскольку во время покушения вы находились здесь, то могу сказать, что это точно были не вы.

— Ничего не понимаю. Вы что-то путаете. Когда на нее наехала машина, я еще не был здесь.

Пилипенко внимательно посмотрел на Куроедова.

— Я говорил о другом. Кто-то напал на вашу жену в больнице.

— Кто напал?

— Могу только сказать, что это точно были не вы.

— Она... пострадала?

— К счастью, нет. Наша машина довезет вас до больницы.

Куроедов с сумкой забрался в милицкий «уазик». Машина отъехала. Пилипенко и Клюев устроились в «жигуленке», где уже сидел Жаров, точнее сказать — прятался, потому что чувствовал себя Гешей из «Бриллиантовой руки».

— Со стыда сгораешь? — поддел его Клюев.

— Просто сижу. Нечего мне было там делать. Ну а вы как? Извинения приняты? Ты-то зачем потащился, официальное лицо? — толкнул он следователя.

— Я потому приехал сюда сам, — сказал Пилипенко, — что хотел лично пронаблюдать за его реакцией. Странно он принял сообщение о том, что напали на его жену.

— Что ж тут странного? — усмехнулся Клюев. — Сразу видно, что ты не женат.

— Ты считаешь, что каждый муж должен огорчиться, если покушение на его жену не удалось? — проговорил Пилипенко. — Забрось-ка нас в редакцию, кофейку попить, — повернулся он к Клюеву.

Сидя с полными чашками черного кофе в руках, Пилипенко и Жаров какое-то время молчали. Разговорились, когда этот легкий наркотик ударил по мозгам.

— Выходит, что Куроедов не причастен к покушению на его жену, — сказал Пилипенко. — Но если это не Куроедов, то зачем ему принимать облик волка?

— Ты с ума меня сведешь! — воскликнул Жаров. — Ты же не веришь во всю эту, как ты ее называешь, чушь и ерунду. Как кто-то, по-твоему, может принять облик волка?

— Очень просто. Наденет маску волка, и все.

— Это был просто человек в маске?

— А ты как думал? Что только не померещится перепутанным денчонкам! Тоже мне, отлетела у него голова. Вопрос в другом. Я

потому и обратил внимание на слово «оборотень». Кому, кроме самого Куроедова, понадобилась бы маска? Это должен быть кто-то, кого женщина знает в лицо.

Друзья помолчали, прихлебывая кофе.

— Итак, подытожим, — сказал Пилипенко. — Есть Куроедов, у которого при загадочных обстоятельствах погибли три жены. На его четвертую жену совершено два покушения. Человек, который делает это, скрывает свое лицо. Убийства этих женщин могли быть выгодны самому Куроедову. Поскольку в последнем покушении он явно невиновен, то можно предположить, что и остальные убийства также не его рук дело. Бессмыслица какая-то: зачем кому-то убивать жен одного и того же человека?

— К тому же — в течение весьма долгого времени.

— И в разных городах бывшего Союза. Должен признаться, что следствие по этому делу зашло в полный тупик. Пивную банку в машину подбросили. Сделать это легче легкого: Куроедов трудится барменом в ресторане. Достаточно прийти к нему в бар и заказать пиво. На банке и останутся отпечатки бармена.

— Вопрос только в том, кому надо было подставлять Куроедова?

— Кажется, я догадываюсь. Давай-ка заедем на винзавод.

10

Теперь Пилипенко и Жарова заставили надеть не белые, а синие рабочие халаты. Следовательно и в этом наряде ерзал плечами, постоянно поправляя неудобную одежду.

— Опять облачены в какие-то мешки. А я даже милицескую форму терпеть не могу носить.

Они шли по коридору Массандровского винного подвала. С обеих сторон над ними нависали штабеля винных бочек.

— Зато вина вволю попьем, — сказал Жаров.

— Не дожدهшься.

— А почему ты милицескую форму терпеть не можешь носить? — спросил Жаров.

— Самое главное в жизни — это свобода. Как в творчестве Пушкина. Поэтому я и не женюсь никогда.

В это самое время мимо них проходила девушка, достаточно красивая, несмотря на такой же синий рабочий халат. Говоря, Пилипенко посмотрел на нее с грустью. Жаров, напротив, радостно заулыбался:

— Скажите, девушка! Где нам найти мастера цеха Зайцева?

Она остановилась, принялась объяснять, бойко указывая ладошками:

— Дойдете до конца проспекта. Повернете на улицу Мадеры. Первый поворот — переулок Ординарного Портвейна. Там и работает наш мастер.

Все это у них было очень серьезно, как заметил Жаров еще давно, когда впервые посетил винзавод. Два широких коридора назывались проспектами: Большой и Малый. Отходящие боковые проходы, также по стенам уставленные бочками, назывались улицами, а коридоры их разветвлений — переулками. Когда-то давно, в перестроечные времена, один из шутников-завхозов, которые тогда часто менялись или отстреливались, распорядился повесить на углах таблички, выполненные в традиционном стиле.

Так что, улицу Мадеры и переулок Ординарного Портвейна друзья нашли легко. Под огромной бочкой с маркой «ПОРТВЕЙН ОРДИНАРНЫЙ» стоял Зайцев, с важным видом наливая вино из колбы в химический стакан. Стрельнул глазами по сторонам и выпил.

— Ага, в рабочее время побухиваешь? — прошипел Пилипенко из-за угла.

— Пробу снимаю, — буркнул Зайцев, хмуро глядя на выходящих из-за бочки Пилипенко и Жарова. — Опять вы меня на «ты», гражданин следователь. Я что — снова под подозрением?

— Да нет. Это я по-дружески. Ты мне вот что скажи, Зайцев, — ласково произнес Пилипенко. — Не ты ли замочил всех трех жен Куроедова и теперь охотишься за четвертой?

Говоря, Пилипенко внимательно наблюдал за реакцией Зайцева. Тот с изумлением выпрямился, вытянул шею, вывернул на следователя глаза.

— Как всех трех? Я только одну... Тьфу! И даже одной не мочил. Путаете вы меня.

— Ладно, — сказал Пилипенко. — С Верой Куроедовой ты знаком?

— Нет.

— Очень хорошо. Ты водишь машину?

— Нет.

— Прекрасно. А не ты ли, Зайцев, разгуливаешь по Ялте в маске волка? Людей пугаешь. Сцены из «Ну погоди!» разыгрываешь...

— Издеваетесь, гражданин следователь?

— Верно, издеваюсь. Для этого и забежали на огонек. Ну что, наливай, что ли?

Выпив по стакану ординарного, друзья оставили Зайцева в большом недоумении. Он не верил своим глазам, что следователь может выпить на службе. Впрочем, и Жарову не понравилось, что у него теперь будет выпивший водитель. Он с недоверием смотрел, как Пилипенко вырубивает со двора винзавода на городскую улицу.

— Ерунда, — сказал тот. — Стакан вина — это ничто, сам понимаешь. А для гаишников я сам командир.

— Чего ты от него хотел-то? — просил Жаров.

— Просто понаблюдать реакцию. Для моего внутреннего детектора лжи.

— И какие выводы?

— Непонятно. В чем-то он солгал, а в чем-то нет. Я незаметно подsunул его подсознанию следующие вопросы: причастен ли он к убийству трех жен Куроедова, знаком ли он с четвертой женой, надевал ли маску волка. В одном из трех случаев он солгал.

Пилипенко замолчал надолго. Машина уже въехала в город, остановилась в первой пробке. Наконец следователь повернулся к своему другу:

— Чертовщина какая-то. Незачем Зайцеву убивать жен Куроедова.

— Может быть, тут какая-то месть? Давняя вражда? — предположил Жаров. — Может быть, они с Куроедовым с детства знакомы, и он смертельно обидел Зайцева. Вот и убивает Зайцев его жен, чтоб ему пусто было.

Пилипенко махнул рукой:

— Нет, не то. Остается только поверить в покрывало вдовы.

Говоря, он взял трубку служебного радиотелефона, нащелкал вызов. На том конце, как Жаров понял по бормотанию, был лейтенант Клюев. Следователь произнес несколько наставлений:

— Проверь-ка сейчас по общей базе, сдавал ли когда-либо на права Зайцев Петр Игнатьевич, житель Алушты. Что? Я подожду. — Он обернулся к Жарову: — Компьютер сработает мгновенно. В прежние времена нам бы пришлось ехать в архив ГАИ, да там еще с ребятами пиво пить. Легче гораздо стало работать.

— Зато детективы писать труднее. На личном опыте знаю.

— Это почему же? — удивился Пилипенко.

— Меньше возможностей для коллизий. Вот были бы мы героями детектива, поехали бы сейчас в ГАИ. Там встретили бы **какого-нибудь** гаишника, новая тема началась бы. А тут — Ключев от своей виртуальной игры отвлечется, щелкнет мышью, и все.

В радиотелефоне активизировалось невнятное бурление. Пилипенко взял трубку, лежавшую на сиденье. Сказал:

— Ну что, Ключев, щелкнул мышью?

Выслушивая ответ, он двигал рукой по рулю, будто и впрямь мышью по столу. Когда бульканье на другом конце связи умолкло, Пилипенко пробурчал: «Понятно», вдруг резко затормозил, устроил замолкшую трубку в гнездо и развернул машину.

— Ты куда? — спросил Жаров.

— В Алушту. До отсидки Зайцев имел автомобиль, у него были права на вождение.

— Значит, он мог наехать на Куроедову. Только зачем нам в Алушту?

— Маска волка. В компьютерной реальности тоже возможны неожиданные ходы для детектива.

11

Через полчаса Пилипенко и Жаров стояли у закрытой двери на веранде многоквартирного дома. Пилипенко достал из кармана набор ключей.

— В который раз ты нарушаешь закон? — спросил будничным тоном Жаров.

— Нет времени брать ордер, — ответил следователь. — Я уже сказал ему про маску. Он успеет от нее избавиться. Отпросится с работы и примчится домой.

В руках следователя, на кольцо ключей болталась обыкновенная воровская отмычка. Через минуту дверь была открыта.

Квартира Зайцева представляла собой стандартную жилплощадь с набором дешевой неновой мебели. Пилипенко сориентировался довольно быстро: вытащил из шкафа нечто, упакованное в пластиковый пакет.

— А вот и она, — весело сказал следователь.

В его руках поворачивалась маскарадная морда волка. Просто большая волчья голова с вырезом внизу.

— Чуть было не перехитрил нас всех, — с удовлетворением сказал Пилипенко.

— Убивать жен некоего избранного человека, из года в год! — воскликнул Жарова. — Хотел бы я знать, каков у него был мотив?

Пилипенко насторожился, наклонил голову, прислушиваясь.

— А вот, мы сейчас у него и спросим, — сказал он, надевая на голову маску волка.

Раздался звук открываемой двери. На пороге стоял Зайцев. Он тяжело вздохнул. Пилипенко сделал к нему шаг и замер, возвышаясь над ним в маске волка.

— Не успел, — сказал Зайцев.

Внезапно он дернулся, рванулся обратно. Жаров в два прыжка достиг порога, выскочил на веранду, перемахнул через перила и свалился прямо на убегающего Зайцева. Быстрым, профессиональным жестом заломил ему руку за спину.

Допрос начался прямо на месте: Зайцев сидел на диванчике, напротив раскрытой дверцы шкафа, где лежала маска. Пилипенко устроился верхом на стуле напротив, как американский шериф из кино. Жаров, как обычно, стоял у окна, прислонившись к подоконнику. Зайцев видел Жарова два раза: в кабинете следователя и на винзаводе — со следователем вместе. Разумеется, у него сложилось впечатление, что Жаров работает в милиции.

— Зачем тебе все это было нужно, скажешь? — начал Пилипенко.

Он кивнул на маску волка, мирно лежащую на столе.

— Он убил женщину, с которой я... Которую я... И подставил меня же! И я восемь лет в лагере колбалсился, — скороговоркой ответил Зайцев.

— Почему ты думаешь, что именно Куроедов убил эту женщину?

— Да потому что я ее не убивал!

— Вот, логика! — вставил Жаров.

— Ты угнал машину, — продолжал следователь, — наехал на его жену, подбросил в салон банку с отпечатками бармена Куроедова.

— Да, признаюсь.

— Как ты раздобыл банку? Куроедов ведь должен был узнать тебя. Неужто и в бар ты пошел в маске волка?

— Нет, что вы! Я дождался, когда придет сменщик Куроедова. Зашел в бар и взял со стола пустую банку, которую точно держал в руках Куроедов.

— Ну, хорошо. С этим разобрались. А как насчет других жен

Куроедова? Одна была отравлена в Днепропетровске, другую сбросили с лестницы в Харькове.

— Я никогда не был в этих городах!

— А в армии ты где служил? — спросил Жаров.

— В Николаеве.

— В какие годы?

— Девяносто третий — девяносто пятый.

— Понимаешь? — вдруг встрепенулся Жаров, обращаясь к Пилипенко.

— Что, собственно? — не понял тот.

— Первая жена Куроедова была отравлена в девяносто четвертом. Этот человек тут ни при чем. Возможно, и ко второму случаю он не имеет никакого отношения.

— Похоже что так... — задумчиво проговорил Пилипенко. — Послушай, Зайцев! Зачем ты все-таки надевал маску волка?

Зайцев помялся, выдавил из себя слабую улыбку:

— Ну, так... Я — Зайцев, а маска — волка.

— Допустим. Но почему ты вообще надевал маску? Ты же не знаком с женой Куроедова.

— Не знаком. Но она меня видела.

— Где?

— На суде.

Пилипенко с удивлением поднял голову.

— Это на каком таком суде?

— В моей жизни был один лишь суд. За убийство, которого я не совершал.

— Так вот оно что! Вот ведь как просто все объясняется.

И следователь щелкнул пальцами, что означало: он уже все до конца понял.

12

Пилипенко и Жаров в больничных халатах шли по коридору. Следователь опять с отвращением поправлял свою одежду.

— Если твоя гипотеза верна, — сказал Жаров, — то я готов поставить памятник этой великой любви.

— Не ерничай, — огрызнулся Пилипенко. — Убийство есть убийство, и нет ему никакого оправдания.

— Согласись, это совсем не то, что убийство из-за денег.

— Нет. Не соглашусь.

Они были не прочь продолжить прения, но уже подошли к двери палаты.

— Молчим, — сказал следователь и открыл дверь — без стука, как это принято в больницах.

Девочка с шеей читала вслух книжку старушке с руками, межд тем как на груди у нее висел неизменный плеер и она кивала в такт своей музыке. Обе подняли головы. Вера Куроедова полулежала на кровати. Напротив, на стуле, сидел Куроедов. Он с недоумением оглянулся.

— Разве у вас могут быть к нам еще какие-то вопросы?

— В самом деле! — с возмущением воскликнула Вера. — Арестовали моего мужа. Держали его три дня. Что вам еще от нас нужно?

Пилипенко прошел на середину комнаты, отодвинул пустой стул и сел на него верхом.

— Вот как вы гостей встречаете. А мы вам, между прочим, хорошую весть принесли.

— Неужели? — спросил Куроедов.

— Час назад задержали того человека, который принес вам несчастье.

Пилипенко указал ладонью на загипсованную ногу потерпевшей.

— А того, кто велосипед изобрел, не задержали? — съязвила девочка.

Она указала на свою шею.

— Не волнуйся, — ободрил ее Жаров. — И до него доберемся.

— А того... Того, кто... — начала было старушка, шаря в воздухе забинтованными руками, пытаясь определить виновного в своей травме, но Жаров успокаивающе положил ей руку на плечо, склонился и даже ласково поцеловал в седую макушку.

— И кто же этот... человек? — проговорила Вера.

— Зайцев, — спокойно сказал Пилипенко.

Куроедов вздрогнул.

— Он был в маске волка, — продолжал следователь.

— Но почему Зайцев? — спросил Куроедов. — Тот самый, из Алушты?

— Именно. Зайцев, который отсидел за убийство вашей третьей жены.

— Зачем ему это нужно?

— Потому что он не убивал вашу третью жену.

— А кто же ее убил?

— И не только ее, но и всех предыдущих, — вставил Жаров.

Пилипенко поднял палец и проговорил весомо:

— Покрывало вдовы.

— Да, точно, — встряла старушка. — Есть такое покрывало. Это когда одна жена умирает. Потом другая. Потом третья. Вот у меня сосед, старичок один. Так у него жен умерло штук... Даже и не упомяну.

— Обязательно дайте мне адрес этого старичка, — тихо сказал Пилипенко и повернулся к чете Куреевых.

— Так что насчет покушений можете теперь спать спокойно. Больше никаких покушений не будет. Только один к вам вопрос. Для отчета. Если это не тайна, конечно. Мне очень важно знать, как вы познакомились?

Куреедов и его жена переглянулись. Куреедов рассмеялся.

— На этот вопрос мы никак не сможем ответить, — сказала Вера, также хохотнув.

— Потому что мы никогда не познакомились, — сказал Куреедов.

— Как? Вы не знакомы?! — с возмущением воскликнула старушка.

— Не волнуйтесь, бабушка! Такое бывает, — успокоила ее девочка.

— Просто мы знаем друг друга всю жизнь, — торжественно объявила Вера.

— С детского сада, — подтвердил Куреедов.

— Или даже с яслей, — добавила его жена.

— Значит, вы родились в одном городе? Выросли вместе... — проговорил Пилипенко вроде простые слова, но в голосе его прозвучало нечто зловещее.

— В Днепропетровске, — сказал Куреедов.

— Я в этого мужчину с детства была влюблена, — заявила Вера с гордостью.

Пилипенко и Жаров переглянулись. Все было уже ясно, и правда эта казалась чудовищной, хотя где-то на горизонте маячило слабое желание оправдать, по крайней мере — понять...

— А когда он в Харьков жить переехал, вы за ним отправились, — полуспросил-полуутвердил Пилипенко.

— Точно! — сказала Вера. — Работу хорошую бросила, квартиру продала.

Пилипенко смотрел на нее с грустью. Жаров отвернулся и глядел в окно, где ветер волновал ветки пальмы.

— А не страшно было тебе всех этих женщин убивать? — тихо спросил Пилипенко.

В палате установилось молчание. Девочка с шеей уронила на пол книжку. Все обернулись на стук. Жаров разглядел ее название: «Жертва роковой страсти».

13

Тем же вечером трое старых друзей сидели у камина в редакции. Жаров ворошил кочергой угли, искры втягивались в трубу. Пилипенко сидел в кресле, дожидаясь, пока он отойдет, чтобы водрузить ноги на каминный экран. В соседнем кресле, также со стаканом в руке, сидел Минин.

— Вот и закончилась история с покрывалом вдовы, — сказал он.

— Она наконец призналась? — спросил Жаров.

— Куда бы она делась? — сказал Пилипенко. — Первую жену подстерегла на улице в Днепропетровске, познакомилась, предложила вместе выпить. Остальное — дело техники. Вторую столкнула в лестничный пролет в Харькове. Как появилась предсмертная записка, мы знаем. А с третьей расправилась уже в наших краях, на квартире у Зайцева.

— И отсидел человек ни за что, — вставил Минин.

— Да уж, — пробурчал Пилипенко. — Совсем невинный человек. Просто воспылал любовью к замужней женщине — только и всего.

Михаил ШУВАЕВ
**ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ —
БЕСКОНЕЧНОСТЬ**

Все события и имена вымышлены. Возможны лишь случайные совпадения.

Часть 1 Альпийский разлом

Глава 1. Введение в историю

2 мая 20... года, 23 часа 15 минут. Секретная военная база «Муари-2000». Пендинские Альпы, Кантон Вале, Швейцария

Профессор Дени Армон вышел из душной лаборатории на улицу и с удовольствием вдохнул чистый, прозрачный горный воздух, насыщенный вечерней свежестью и цветочными ароматами. Солнце уже скрылось за далекой скалистой грядой и золотило лишь пики самых высоких утесов. До наступления сумерек оставались считанные минуты. В Альпах ночь наступает не так внезапно, как на экваторе, но в ущельях, цирках и низинах темнеет значительно быстрее, чем на равнине. В почти безоблачном, быстро синеющем небе начали проявляться первые робкие звезды.

Профессор стоял и, задрав голову и засунув руки в карманы джинсов, любовался неземной красотой засыпающих гор и гаснущего небосвода.

На душе было непривычно легко — он только что положил на бумагу последние математические выкладки к описанию аппарата, над созданием которого проработал более десятка лет. Когда он несколько лет назад был приглашен на работу в швейцарское специальное отделение Европейского центра ядерных исследований (ЦЕРН), то уже долгое время работал над проблемой беспроводной передачи энергии, пытаясь повторить предположительно имевшее место открытие Николя Теслы¹, погибшего, как считают некоторые, во время таинственного эксперимента, а не скончавшегося холодным январем 1943 года в номере нью-йоркской гостиницы от банального воспаления легких. Жители Колорадо-Спрингс в штате Колорадо, США, долго еще вспоминали и испытания, и сам эксперимент Теслы. При взрыве оборудования, способного, как утверждали общавшиеся с изоб-

¹ Тесла Никола (10.07.1856 — 07.01.1943) — сербский и американский физик, выдающийся изобретатель в области электро- и радиотехники. Зарегистрировал более тридцати революционных патентов.

ретателем, передавать на расстояние в несколько десятков километров мегаватты энергии, и сам аппарат, и построенные сербом приемо-передающие мачты («башни Теслы») были разрушены настолько, что восстановить их и понять принцип действия оказалось невозможным. Металлические конструкции, находившиеся в 35 километрах друг от друга, частично испарились, частично оплавилась в мгновенной, в двадцать тысяч градусов вспышке «холодной» плазмы гигаваттной электрической дуги. Грохот взрыва был слышен на расстоянии в 15 километров. Многие указывают на то, что эксперимент увенчался успехом, просто Тесла использовал слишком большую мощность, с которой не смогли справиться его патентованные конденсаторы и трансформаторы. До сих пор многие исследователи считают, что «Тунгусский метеорит» — никакой не метеорит и не потерпевший катастрофу космический корабль пришельцев из космоса, а следствие эксперимента великого инженера по беспроводной передаче энергии на колоссальные расстояния. Мысль, идея как всегда опережали реальность с ее скромными возможностями...

Еще раньше в лаборатории Теслы на окраине Нью-Йорка произошел необъяснимый пожар, уничтоживший почти все записи ученого. Самого Теслу это не очень огорчило — обладая феноменальной памятью, он мог воспроизвести практически все расчеты, но по поводу причины пожара не дал никаких вразумительных объяснений ни нью-йоркским брандмейстерам, ни полиции.

По одним данным, оставшийся после его смерти архив был конфискован ФБР. Материалы Теслы якобы использовались ВМС США при разработке сверхсекретного проекта «Качели», закончившегося нашумевшим «филадельфийским экспериментом»¹. По другим — документы выкрали агенты абвера и переправили в Германию, где с их помощью нацисты пытались сконструировать летающую тарелку люфтваффе. По некоторым сведениям, разработками в этом направлении руководил сам профессор Петер Тиссен² в рамках проекта «Меч возмездия» германского уранового гения Вернера Гейзенберга³. И не стоит с

¹ Филадельфийский эксперимент предположительно проведен ВМС США 28.10.1943 г. Во время него исчез, а затем мгновенно переместился в пространстве на несколько сотен километров эсминец «Элдридж» с командой из ста восьмидесяти одного человека.

² Тиссен Петер Адольф (06.04.1899—1990) — немецкий химик, специалист в области коллоидной химии.

³ Гейзенберг Вернер Карл (05.12.1901—01.02.1976) — выдающийся немецкий физик, создатель «матричной квантовой механики Гейзенберга», лауреат Нобелевской премии по физике 1932 г.

улыбкой относиться к нескольким десяткам метров военной немецкой секретной кинохроники, запечатлевшей полеты опытных образцов летающих тарелок — экспертиза подтвердила подлинность пленки. Принцип, который использовался для создания подъемной силы аппаратов и придания горизонтального импульса движения, возможно, был связан с разработками Теслы в области создания мощных электромагнитных наведенных полей и беспроводной передачи энергии.

Поговаривают, что в немецкой лаборатории, кроме нескольких ФАУ, оставались даже действующие образцы этой техники, но они загадочным образом исчезли. Не стоит забывать, что во время Второй мировой войны союзниками — в основном американцами — было проведено немало успешных операций в рамках секретной программы «Paper Clip». Главной задачей этого проекта был поиск и похищение научных разработок германской военной машины. Справедливости ради стоит отметить, что эта программа блестяще оправдалась. Достаточно вспомнить ядерную программу американцев, развернутую под кодовым названием «Манхэттенский проект» и ракетно-космическую, которой руководил фон Браун¹.

Проблема беспроводной передачи энергии СИТ (Cordless Energy Transport) уже давно будоражит умы яйцеголовых во всем мире, немногим уступая таким вопросам, как открытие гравитационных волн и антигравитация, получение антивещества и управляемая аннигиляция. В крупнейших научных центрах планеты созданы секции, занимающиеся этой проблематикой. Они укомплектованы высокопрофессиональными кадрами, финансируются из государственных фондов и крупнейшими транснациональными корпорациями, оснащены самым современным оборудованием и используют нанотехнологии. Но, несмотря на весь задействованный научно-технический и финансовый потенциал, практических результатов почти нет. Есть какие-то мелкие шажки вперед, но все они оказываются в смежных либо пограничных прикладных сферах — так называемый побочный продукт. Казалось бы, мы все ближе приближаемся к тайнам природы, но с каждым новым открытием выясняется, что остался еще путь, который придется пройти, раскрывая секреты Вселен-

¹ Фон Браун Вернер (23.03.1912–16.06.1977) — выдающийся немецкий ученый. Создатель ракет «Фау». В 1945 г. сдался американским войскам. Получив американское гражданство, возглавил ракетно-космическую программу США. Основной разработчик проекта «Аполло». Создатель ракетополетов Атлас, Титан, Сатурн.

ной. Что-то вроде силлогизма Зенона¹ «Ахиллес и черепаха»: пока Ахиллес бежит к черепахе, та пройдет какой-то путь. Пока Ахиллес будет бежать к новому местонахождению черепахи, она опять проползет отрезок пути, и так до бесконечности. То есть Ахиллес никогда не догонит черепаху. Мудр был Сократ, воскликнув: «Я знаю, что ничего не знаю!»

Тем не менее научное сообщество упорно ведет исследования и этих областях, надеясь либо на закон перехода количества в качество, либо на бифуркацию, либо просто на везение или случай...

Однако пример Николы Теслы совсем другое дело! Ведь, похоже, он все-таки изобрел СИТ, и надо лишь нащупать путь, по которому шел физик...

А Роже Боскович²?! Этот сербский гений, член английского Королевского общества, иезуит, опередивший, по всеобщему признанию, свое время лет на двести — двести пятьдесят, писал в 1780 году коллеге и другу Генри Кавендишу³: «Уяснил суть природы силы тяжести. Рассчитал. Это волны, как и свет, кои я назвал гравитационными (*gravitas*). Любопытно то, что, как и в случае со световыми волнами в оптике, возможно их отражение или, если хотите, высокочтимый коллега, инверсия. Условно я назвал это явление управляемой антигравитацией. Но, думаю, людям рано думать о таких вещах — время еще не пришло». Вот так! Ни больше и ни меньше. Трудно смириться с мыслью о том, что серб открыл природу гравитации и овладел (теоретически) антигравитацией более двухсот лет назад. Двухсот!

А «теорема Ферма»?

Математик Пьер Ферма⁴ сформулировал ее в общем виде в 1637 году на полях труда греческого математика Диофанта Александрийского «Арифметика», который он в тот момент изучал, с припиской, что доказательство ее слишком примитивно, но длинно, чтобы поместиться здесь же — на полях. Три с половиной века сотни математиков пытались доказать ее! Сколько было про-

¹ Зенон Элейский (ок. 490 г. до н.э.—ок. 430 г. до н.э.) — древнегреческий философ. Знаменит своими апориями, или силлогизмами (парадоксами).

² Боскович Роже́р Иосиф (18.05.1711—12.02.1787) — известный сербский математик, астроном и философ.

³ Кавендиш Генри (10.10.1731—24.02.1810) — выдающийся английский физик и химик, член лондонского Королевского общества.

⁴ Ферма Пьер (17.08.1601—12.01.1665) — французский математик, юрист. Создатель теории чисел.

лито чернил и переломано перьев! Многие приходили к выводу, что доказательства не существует, а комментарий ученого — лишь издевательская шутка. Но — о чудо! — в 1995 году Эндрю Уайлс¹ смог доказать ее! Вот это был номер! Выходит, Ферма не шутил и обогнал свое время на несколько столетий.

Да мало ли еще примеров! Значит, забытые, утерянные, уничтоженные знания можно восстановить! Можно!

И нужно.

Такие мысли роились в голове слегка растерянного профессора. Около сотни страниц нескончаемых формул, расчетов и пояснений... С десяток чертежей аппарата на кальке... И сам Аппарат. «СИТ-1.А». Есть чем гордиться, есть с чем идти на очередной симпозиум и есть чем утереть нос проклятым скептикам, критикам, демагогам и идиотам.

«Я им докажу!.. Я выступлю с таким докладом плюс демонстрация!..» Армон пригладил воинственно поднявшиеся усы и несколько раз глубоко вздохнул. Зачем волноваться раньше времени и предвкушать сладость победы? Спокойнее!

Дэни резко повернулся на каблуках, так что шуршнул мелкий гравий под ногами, и зашагал в сторону центра жилой части научного поселка, туда, где располагалось известное всему персоналу базы заведение под названием «У Эйнштейна».

Глава 2. Предыстория

25 апреля 20... года, 10 часов 20 минут. Нион, кантон Во, Швейцария

— Если вы уверены, что Физик закончил работу и образец изделия с «инструкцией пользователя» готов — действуйте. Помните, что накладок быть не должно. Никаких накладок. Всё!

— Принято.

Брэндон отнял от уха мобильник и взглянул на дисплей — напрасно: никакого номера на нем не проявилось, да он и не надеялся — так, на всякий случай. Он сидел один за столиком в кафе небольшого швейцарского городка Нион на берегу Женевского озера и потягивал бельгийский «Орвал». Погода стояла ветреная, но ясная и теплая, и все озеро было усыпано разноцветными парусами виндсерфингистов. Метрах в пятидесяти от кафе рябили покачивающимися мачтами ошвартованные в небольшом порту прогулочные парусные яхты. Неподдалеку возвышался низкорос-

¹ Уайлс Эндрю Джон (р. 11.04.1953) — английский и американский математик.

лыми башнями хорошо отреставрированный средневековый форт, соседствующий с футбольным полем, на котором гоняли мяч студенческие команды, подбадриваемые немногочисленными болельщиками.

Брэндон смотрел на озеро, на пробегающие по набережной стайки ребятишек, на проглядывающие сквозь синеватую дымку контуры Альп на том берегу, но почти не видел окружавшей его безмятежной красоты. Теперь ему предстояло «включить» всех, кто имел отношение к конечной стадии операции — в общей сложности около двух десятков человек, — из которых лишь он да Фрэнк держали в руках все ниточки хитро сплетенной паутины. Брэндон ни на мгновение не сомневался в исходе операции, он был абсолютно уверен в собственных силах и во Фрэнке, с которым провел не одну сложную акцию. Они работали, понимая друг друга с полумысли, с полужеста. В основном операции были успешны. В редких случаях, когда что-то срывалось и грозило крупными неприятностями, как это произошло недавно в Сиднее, они с Фрэнком отработывали вариант «запасной парашют», который разрабатывался ими с не меньшей тщательностью, чем основной план. В Сиднее, правда, это был не совсем обычный парашют, а два легких параглайдера, на которых они ночью спрыгнули с крыши окруженного спецподразделениями австралийской полиции многоэтажного отеля и долетели, незамеченные, до ожидавшей их на рейде небольшой скоростной яхты. До сих пор все обходилось, да и сейчас не было особых причин для беспокойства. Яйцеголовый объект — сорокалетний физик — вообще не представлял угрозы. Место, где он торчал последние годы — секретная, хорошо охраняемая военно-научная база в швейцарских Альпах, — орешек покрепче, но и он колется. Опасность могли представлять лишь русские или американцы, которые, похоже, что-то пронюхали про изобретение, и эти странные чужаки, вышедшие недавно на Фрэнка и намекавшие на очень высокую оплату за отказ от участия в проекте.

Если с русскими и американцами модель поведения и действий на случай чрезвычайной ситуации были понятны (с ребятами из СВР, спецназовцами ГРУ, цереушниками Брэндон не раз имел дело), то с чужаками возникало много вопросов, на которые пока не было разумных ответов, укладывающихся в объяснимую логику поведения спецслужбы или ОПГ. Доклад Фрэнка о встрече с ними вызывал, по крайней мере, недоумение. Как на него вышли, через кого, откуда информация о них? Черт знает что!

Брэндон вздохнул, потер затылок, машинально огляделся и набрал номер на мобильнике.

— Да! Слушаю, — прозвучало в трубке.

— Фрэнк. Номер раз.

— Понял.

— Отбой!

Отключившись, он встал, положил на стол пятифранковую монету и, кивнув официанту, направился к набережной. Облокотившись на каменный парапет, открыл заднюю панель своей «Нокии», вынул батарейку и извлек из паза крошечную сим-карту. Сломав пополам одним движением пальцев, он незаметно бросил ее в воду.

10 часов 25 минут. Церматт, кантон Вале, Швейцария

В ста с лишним километрах от Ниона в ванной комнате отеля «Анита» горнолыжного курорта Церматт высокий, длинноволосый, крепко сложенный мужчина закрыл мобильник-раскладушку и, высунувшись в дверной проем, бросил его через весь коридор в комнату. Трубка приземлилась точно на измятую подушку разобранной кровати. Не торопясь добрившись, он обер лицо горячим влажным полотенцем, пшикнул «Олд Спайсом» и придиричиво осмотрел себя в зеркале.

Через полчаса, расплатившись за номер и позавтракав, одетый в легкую куртку и светлые льняные брюки, он вышел из гостиницы и, прежде чем направиться к вокзалу, прошел рядом со служебным выходом, где были подготовлены мусорные пакеты для вывоза. Проходя мимо, он незаметно проткнул один из них и засунул в него сломанную сим-карту.

Погода была теплая — майская. В безоблачном небе лишь на пике Маттерхорна, на высоте 4 478 метров, как всегда, клубился белесый снежный туман. Маттерхорн — легендарная, красивейшая гора. Это последний из альпийских четырехтысячников, покорившийся альпинистам в 1865 году. Уникальная четырехугольная пирамидальная форма горы делает ее не только фантастически красивой, но и чертовски привлекательной для восхождений различной сложности. Знаменитая Северная стена Маттерхорна причисляется к опаснейшим альпийским комбинированным стенам. По ней проходят экстремальные маршруты высшей категории сложности. Фрэнк был одним из тех, кто прошел его.

В это время в Церматте туристов обычно немного — только те, кто предпочитает горные лыжи любому другому активному отдыху. Катание на леднике Плато Роза возможно круглый год, и

даже в летний период работает несколько телефериков, поднимающих горнолыжников до высоты 3000 метров и выше. Слегка **необычно** видеть спортсменов в шортах и майках с лыжами на плече, которые спешат к станции канатной дороги, гремя по брусчатке тяжелыми горнолыжными ботинками. Передвигаться в такой «ортопедии» трудно, даже переведя их в режим «ходьба», и поэтому многие пользуются услугами электротакси или переобуваются непосредственно на станции. Автомобили с двигателями внутреннего сгорания здесь запрещены.

Пройдя по Банхофштрассе мимо шикарных бутиков и двух почерневших от времени и смолы мазо¹, Фрэнк вышел на площадь и, зайдя в здание вокзала, купил в автоматической кассе билет до Тэша на горную железную дорогу, называемую здесь «зубчаткой». Расположившись на улице на скамейке и окинув незначительным, но цепким взглядом всю площадь, он достал свой КПК и углубился в изучение электронной записной книжки.

На противоположной стороне площади неприметный подросток затолкал в рот остатки вафельного рожка с фисташковым мороженым, обтер руки о потрепанные штанишки, проверил карманы — все ли на месте, — почесал макушку и с независимым видом направился в сторону станции канатной дороги.

Часы на башне пробили девять. Пора. Фрэнк выключил и убрал в карман КПК, отлип от скамейки и пошел к перрону.

Поезд «зубчатки» чем-то напоминает вагон метро с той лишь разницей, что здесь очень много приспособлений для закрепления лыж и специальные места для хранения рюкзаков и другой горнолыжной амуниции. Ну, и пол в вагоне под некоторым уклоном, соответствующим среднему градусу подъема-спуска состава.

Вагон заполнился не более чем на треть, пневматика с шипением затолкала двери в пазы, и поезд тронулся в пятикилометровый путь с перепадом высот в одну тысячу метров.

Фрэнк хотел было снова достать КПК, ведь ехать минут двадцать, но передумал. Перед глазами снова и снова всплывала вечерняя встреча с чужаком.

* * *

...В углу ресторанчика на небольшом возвышении, символизирувавшем, видимо, сцену, на электропиано «Ямаха» негромко **наигрывал** музыкант. Играл он неплохо — в основном транс, нью-эйв, хоум, арт... Фрэнку его мелодика нравилась. Жаль, что

¹ Мазо — древние, сохранившиеся до наших дней деревянные дома местных жителей.

больше он не сможет послушать его — железное правило никогда не приходить в одно и то же место дважды — исключало такую возможность. Поэтому медленно, со вкусом поедая свой шатобриан с лисичками в сметане, он старался не пропустить ни одной ноты.

— Месье Шеннон?

Только врожденная реакция и многолетние психотренинги не позволили Фрэнку вздрогнуть. В мире существовало не более десятка людей, знавших его настоящую фамилию, в живых из них был только один — Брэндон. Но он — вне подозрений.

У столика стоял мужчина среднего возраста, в черной сутане священника. В руках он держал посох... нет, скорее длинную трость необычного вида. Лицо было совершенно нейтральным.

— Вы ошиблись, падре.

— Нет. И вы это знаете. Разрешите?

Фрэнк слегка пожал плечами. Незнакомец сел. Сразу же возник официант:

— Падре?..

— Перье с лимоном и фисташковое мороженое.

— Все?

— Пока да.

Официант исчез.

Фрэнк продолжал медленно отрезать кусочки мяса, макать их в сметанно-лисичный соус и, не торопясь, отправлять в рот. Незнакомец заговорил:

— Месье Шеннон, откажитесь от выполнения заказа и назовите ваши условия.

Фрэнк взял стакан с мартини, отпил немного, повертел в руках и поставил обратно. Он уже понял, что сидящий перед ним чужак не блефует. Он знает все. Это провал.

— Нет, месье Шеннон, не провал. Это просто сделка.

Фрэнк вытер губы салфеткой. «Чужак, наверное, здесь не один, — металась лихорадочная мысль. — Просто так от него не избавишься».

— Кто вы?

— Зачем вам это? Называйте условия. Мы их выполним.

— Почему я должен вам верить?

— Придется.

«Если положить его прямо здесь, — судорожно думал Фрэнк, — то — прощай легенда, документы и...»

— Я ухожу. Думайте.

Чужак стремительно встал из-за стола, направился к выходу и исчез.

Музыкант меланхолично перебирал клавиши — «Tangerine Dream»...

— Месье! Падре! Перье, мороженое! — взвыл неожиданно появившийся официант. — С-сука...

* * *

С шипением распахнулись двери вагона — «зубчатка» доползла до Тэша. Фрэнк тряхнул головой, отгоняя воспоминания, вышел из вагона и поспешил к огромной автостоянке недалеко от вокзала, где позавчера оставил свою «Субару Импрезу WRX».

Вырулив с паркинга и направляясь вдоль ущелья в сторону Фиспа, он по-прежнему видел перед собой бесцветные водянистые глаза чужака. И трость... трость!

Глава 3. История

Ночь с 02 на 03 мая 20... года, 23 часа 51 минута. Близ военной базы «Муари-2000»

Под ногами, в пятистах метрах внизу, переливаясь холодными газовыми огнями, лежала секретная швейцарская военная база «Муари-2000». Ее контуры были четко очерчены периметром галогенных прожекторов. В центре заметно выделялся один объект, освещенный ярче других, и Фрэнк прекрасно знал, что это бар «У Эйнштейна». Единственное место, где жители базы могли позволить себе иногда оттянуться. Километрах в двух севернее, там, где была крошечная тьма, должно было находиться горное озеро Муари, от которого и пошло название базы. Еще дальше на север, ниже по ущелью, приютился на живописных зеленых склонах небольшой городок Грименц. Там его ждет Брэндон.

Вчера во второй половине дня Фрэнк и пять парней, каждый из которых имел, кроме уникального боевого опыта, серьезные навыки в альпинизме, совершили скрытое и быстрое восхождение по маршруту невысокой сложности до отметки 2 500 метров. Переждав на холодной вершине несколько часов, пока окончательно не стемнело, они начали подготовку к спуску с другой стороны хребта. Спуск предполагался необычным способом — бейз-джампингом¹ на специальных парашютах. Риск большой. Ветер, дождь или другие погодные условия могли похоронить эту затею. Но не зря Брэндон нанял серьезного швейцарского метеоролога, исчерпывающе подробно рассказавшего о климате и по-

¹ Бейз-джампинг — экстремальные маловысотные прыжки с парашютом с небоскребов, башен, скал.

годных условиях в этом горном районе. Это и решило дело в пользу бейз-джампинга.

Фрэнк еще раз проверил снаряжение своих людей — готовы. Ребята как на подбор. Спецназ любой страны был бы рад пополнить таких бойцов. Кстати, никто из пятерки никогда не служил в спецназе. Да, все прошли армию, трое — десантники, один сапер, один снайпер. Но никаких краповых беретов, никаких морских котиков... Два француза, немец, колумбиец и русский. Дидье, Рене, Карл, Хосе и Серж.

Еще раз взглянув в пятисотметровую чернильную бездну и опустив на глаза прибор ночного видения, Фрэнк тихо скомандовал:

— Впе-е-ред!

Шесть фигур, разбежавшись, прыгнули в ночное безмолвное небо.

350—400 метров пролетели вмиг, затем захлопали раскрывающиеся парашюты. Фрэнк завертел головой — почти ничего не видно, но три купола засек.

Теперь он сосредоточился на управлении — надо приземлиться точно на крышу дальнего лабораторного корпуса. Размер мишени — 10х40 метров — достаточен для точного приземления даже ночью, загвоздка в другом. Тут и там на крыше понатыканы космические и радиоантенны, протянуты кабели, торчат какие-то трубы...

Под ногами приближались и медленно проплывали постройки базы. Кое-где на крышах и дорожках лежал снег. Самый опасный момент — приземление. Последние 10—15 метров полета их всех будет видно в отраженных лучах прожекторов.

Контакт! Ботинки «Катерпиллер» зашуршали по заснеженному гравию, насыпанному на крыше лабораторного корпуса. Бемс! Это автомат «Узи» задел параболическую антенну. Фрэнк быстро погасил купол и присел. Рядом с ним приземлился и упал кто-то из ребят. Сел второй... третий. Последний из приземлившихся никак не мог схлопнуть купол и его волокно к краю крыши. Две тени метнулись к нему и помогли.

Отстегнув ремни трапеции и сбросив ее, Фрэнк поднял руку, призывая ребят замереть, и прислушался. Было тихо. Похоже, их не заметили. Тридцать секунд на упаковку куполов, чтобы явно не бросались в глаза, десять на взлом замка, запирающего люк на крышу, и отряд спустился на верхний, третий, этаж лабораторного корпуса № 6.

* * *

На центральном пульте охраны базы вспыхнул и замигал красный маячок. Ганс переключил пару тумблеров и всмотрелся в экраны. Ничего тревожного, но маячок сенсора движения продолжал мигать. Охранник включил микрофон:

— Тревожная группа один на выход! Лабораторный корпус шесть! Крыша! Доклад — немедленно!

Двумя этажами ниже лейтенант Вольфганг Диц выпрямился и бросил на стол игральные карты.

— Группа! За мной!

Четверо бойцов спецподразделения швейцарской гвардии «Скорпион» мгновенно повскакивали с коек, расхватывали оружие и сгрудились у двери.

— Вперед, — тихо скомандовал Вольфганг, и пять фигур в камуфляже бесшумно выскользнули на улицу.

* * *

Фрэнк осторожно выглянул в темный коридор блока и замер. Все тихо. Но только он собрался выдвинуться и уже поднял было руку, привлекая внимание своей группы, как произошло то, что он потом будет долго вспоминать. В коридоре открылась одна из дверей, и из нее вышел подросток. Мальчишка шел и уплетал мороженое. Фрэнк окаменел.

Невысокая фигурка прошла совсем рядом с вжавшимся в стену Фрэнком и стала удаляться по коридору. Фрэнк уловил даже запах фисташкового мороженого. Прежде чем исчезнуть в дальнем темном конце коридора, подросток оглянулся и взмахнул рукой. С легким дребезжанием захлопнулась дверь, из которой он вышел. Фрэнк привалился к стене, закрыл глаза и досчитал до пяти. Господи, что это? Сделав несколько глубоких вдохов, он рванул в коридор. Подбежав к двери № 4, с ужасом осознал, что это именно та дверь, из которой вышел этот призрак. Черт, черт, черт! Протягивая руку к ручке, он уже знал, что там увидит.

Невдалеке раздался громкий взрыв, а за ним автоматные очереди. Фрэнк не знал, что и думать. Кто стреляет, в кого? Обернувшись в темный коридор, он громко прошептал:

— Хосе, Дидье — на крышу!

Бойцы стремительно взобрались по лестнице и исчезли в потолочном люке.

Зайдя в лабораторную комнату, Фрэнк убедился, что ни аппарата, ни документации нет.

* * *

Протаранив и завалив ворота, «Хаммер» с грохотом разляпился в секторе КПП и, пыхнув пробитыми шинами, уткнулся в стену. Из машины выскочили люди в камуфляже, открывшие шквальный огонь. «Скорпионы» на въездном посту не остались в долгу. Короткая автоматная очередь свалила одного из нападавших. Но и швейцарской гвардии досталось: из четверых охранников уже двое лежали на асфальте, еще одного придавило упавшими воротами. Последнему из оборонявшихся ворвавшимся не давали высунуться, стреляя по окнам и двери здания КПП.

Двое из нападавших воспользовались суматохой и, отделившись от группы, короткими перебежками направились в глубь базы.

Из-за угла корпуса, расположенного в пятидесяти метрах от КПП, по «Хаммеру» ударила длинная пулеметная очередь — подоспели еще несколько бойцов «Скорпиона». Взорвалась граната. В ближайшем строении лопнули и посыпались стекла.

Тем временем двое отделившихся от оставшейся у КПП группы быстро приближались к лабораторному корпусу № 6. С другой стороны к нему выдвигалась тревожная группа гвардейцев, ведомая Вольфгангом.

* * *

— Отход через первый этаж. Работаем запасной вариант! — прошипел в рацию Фрэнк и побежал вниз по лестнице.

На крыше корпуса дважды с секундным интервалом чмокнула снайперка Хосе. Спустя секунды три — еще раз. Можно было не сомневаться, что ни одна пуля не потрачена зря. Дидье, сидевший на корточках позади него, дернул Хосе за ремень и, пригнувшись, побежал к люку. Хосе успел лишь слегка приподняться и тут же получил несколько пуль. Дидье обернулся на выстрелы и увидел обмякшего снайпера. Возвращаться не имело смысла, все и так было понятно, и он нырнул в черный проем.

На первом этаже Карл высадил окно, вся группа высыпала на улицу и стала свидетелем завязавшегося боя между двумя хаммеровцами и гвардейцами.

«Что здесь происходит? — металось в голове у Фрэнка. — Кто этот мальчишка? Что это за отряд? Русские? Американцы? Хезболла? Кто? Зачем они здесь?» Напрашивался самый непри-

ятный вывод: они здесь за тем же, за чем и он. Только тут он заметил, что их пятеро.

— Хосе?..

Дидье развел руками.

* * *

При первых выстрелах, донесшихся с улицы, профессор оторвался от хайбола и замер. Ухнул взрыв, второй...

Среди немногочисленных посетителей бара было несколько военных, которые мгновенно вскочили и бросились к дверям. Оставшиеся — в основном ученые, лаборанты и обслуживающий персонал, всего человек десять, — молча, напряженно переглядывались. Бармен машинально, как робот, протирал полотенцем стаканы и ставил их на стойку.

В голове Армона зашевелились смутные подозрения: а не из-за его ли прибора весь сыр-бор? На улице тем временем продолжались выстрелы, взрывы, звон разбивающихся стекол, звуки возни и топот тяжелых ботинок, но что самое удивительное — не было никаких криков, стонов и воплей. Люди убивали друг друга и умирали молча.

С треском распахнулись и повисли на сломанных петлях входные двери бара. В помещение ворвались три человека в защитной форме с автоматами и оптикой ночного видения на головах. Один остался у дверей, второй подбежал к окну и, присев, занял позицию. Третий приблизился к замершим посетителям, сдвинул на лоб оптику и завертел головой, вглядываясь в лица. Остановив глаза на Дени, он скомандовал:

— Профессор, за мной. Без разговоров! — И, схватив остолебневшего Армона за плечо, поволок его к выходу. По окнам полоснула автоматная очередь, и брызги стекла дробинами сыпанули по стенам и потолку. Лопнула неоновая вывеска под потолком и пара бутылок за спиной бармена, продолжавшего протирать стакан. Посетители бросились на пол. Боец у окна, привстав, ответил двумя короткими очередями.

Подталкиваемый в спину, профессор, спотыкаясь, выскочил на улицу и тут же попал вместе с незнакомцами под плотный автоматный огонь. Его схватили за шиворот и поволокли в сторону, но, вывернув голову, он успел заметить, как один боец из их группы спрятался за парапет крыльца и швырнул что-то в проем между домами напротив. Громыкнуло.

Бойцы молча бежали, слегка пригибаясь, улочками научного городка. Спустя минуту они подбежали к участку внешней стены.

В этом месте один из галогеновых прожекторов не горел, и было достаточно темно. Группа, тяжело дыша, остановилась, и командир достал небольшой прибор.

Вчера ночью два снайпера-арбалетчика подобрались в этом месте к внешней стороне охранного периметра на расстояние прицельного выстрела и всадили аккуратным кружком в стену несколько коротких стрел с пластиком. Заряды были снабжены дистанционными детонаторами. Прибор в руках Фрэнка был пеленгатором. Пройдя несколько метров вдоль стены, он остановился, когда загорелся зеленый индикатор, и позвал не оборачиваясь:

— Рене!

Один из бойцов подбежал к Фрэнку, на ходу отстегивая от ремня плоский круглый предмет. Оторвав с тыльной стороны защитную пленку, чтобы освободить липкий слой, Рене с силой прижал диск к стене там, где указал Фрэнк. Отбежав метров на десять, все распластались на земле. Раздался негромкий взрыв, и в стене образовался овальный проход.

Оказавшись у проема в облаке оседающей пыли, Фрэнк обернулся и схватил за руку одного из своих:

— Где Серж?..

— Остался вместе с Дидье...

— Ясно. Уходим. Я замыкаю.

Бойцы, подталкивая Дени, скрылись в проходе. Фрэнк включил рацию:

— «Первый», «пятый»! — Рация молчала. — «Первый», «пятый»!!! — Только шипение и хрип помех.

Последний раз бросив взгляд в сумрак базы, Фрэнк, пригнувшись, исчез в проломе стены вслед за своей командой.

Оказавшись за периметром, они сразу же провалились по колёно в наметенный у стены сугроб. Бежать до спрятанных в низкорослом ельнике квадроциклов «Судзуки» предстояло метров триста — четыреста вниз по заснеженному склону, на котором тут и там уже появились большие проталины.

Хуже всех приходилось Армону: мало того, что его кроссовки сразу же промокли, он ощутимо чувствовал холод, проникавший под мокрую от пота ковбойку. Ведь его теплая куртка и горнолыжная шапка так и остались на вешалке в баре.

Наконец они добежали до трех спрятанных мотовездеходов, окрашенных в белый цвет с коричневыми и серыми пятнами. На фоне пейзажа они были практически не видны.

Впрыгнув на сиденье, Фрэнк запустил мотор и махнул рукой

Дени. Профессор взгромоздился на сиденье сзади. Рене и Карл запрыгнули на два других вездехода, и кортеж рванул с места, разбрызгивая снег и скальную крошку.

* * *

В это же время двое оставшихся в живых хаммеровца отрабатывали отход с базы. Один из них, в слегка обгоревшем камуфляже, заметно прихрамывал. Они отбежали от опрокинутых ворот уже метров на пятьсот, а погони все еще не было. Гвардейцы понесли серьезные потери, но рассчитывать на то, что они будут долго перегруппировываться, не стоило — это были бойцы опытные, умелые и упорные. А сейчас они были еще и очень злы. Кроме того, не пройдет и получаса, как, несмотря на ночь, прилетит и вертушка.

Две фигуры в камуфляже спешили изо всех сил. Вдалеке слышался звук натужно ревущего мотора и металлический скрежет.

— Оттаскивают ворота! — выдохнул хромой.

— Вперед, блин! — второй выплюнул слова вместе с кровавой слюной и, перекинув руку товарища через спину, стал помогать ему карабкаться вверх по скользкому склону.

Вскоре они добрались до скалы, отвесно уходящей в слепое ночное небо. Сверху свисало несколько фалов с карабинами. Быстро пристегнувшись, они дистанционным управлением привели в действие электролебедку, установленную на гребне, и заскользили вверх, отталкиваясь от скалы ногами. Наверху их ждали портативные парaplаны.

Оказавшись на гребне скальной стены, высотой около двухсот метров, хаммеровцы убедились, что и остальные фалы втянуты на вершину и ничто внизу не выдаст направления, в котором они скрылись. Помогая друг другу, они надели парaplаны, проверили все лямки и ремни трапедий и, сделав несколько шагов, канули в пропасть.

Теперь на вершине скалы о пребывании людей напоминала наглухо принайтованная к камню пиропатронами лебедка с пятью намотанными на вал фалами и три свертка — парaplаны, которыми уже не воспользуются их владельцы...

Несколькими минутами ранее в заведении «У Эйнштейна» открылась дверь, и в зал вошел подросток. Лавируя между поднимающимися с пола посетителями, опрокинутыми столиками и разбросанными стульями, паренек, поглощая фисташковое мороженое, подошел к стойке и спросил у потерявшего дар речи бармена:

— Бертран, скажите, а профессор Армон случайно не заходил?

Глава 4. Новая хронология

03 мая 20... года, 12 часов 17 минут. Главный штаб Федерального департамента обороны Швейцарской Конфедерации. Берн

Начальник Генштаба полковник Кристиан Воган слушал доклад коменданта военной базы «Муари-2000» капитана Антонио Ванцетти и командира спецподразделения «Скорпион» лейтенанта Вольфганга Дица и все больше мрачнел. Судя по информации, на базе произошло из ряда вон выходящее ЧП. В результате ночного нападения четверо убиты, семеро ранены, из них трое тяжело, профессор Дени Армон вместе с аппаратом и чертежами погиб или украден. Правда, у нападавших тоже потери — пять трупов и один в коме в реанимации госпиталя города Сьерр, но это слабое утешение. Судя по всему, террористы действовали двумя группами. Одна, отвлекая внимание, пошла напролом через КПП, в то время как другая скрытно приземлилась на парашютах на лабораторный корпус, выкрала документы и аппарат, а затем захватила и профессора в баре.

Был еще один момент, который его сильно беспокоил. Скрыть происшедшее не получится. Прокуратура кантона Вале возбудит (если уже не возбудила — у них масса своих осведомителей) уголовное дело по факту вооруженного нападения и покушения на убийство. Научные круги тоже поднимут такой шум — мертвых подымут... Полковник, пожалуй, впервые в жизни почувствовал, что не он диктует правила игры, что он если и не пешка, то уж не ладья — это точно. И этого здесь еще терпеть приходится — представителя ЦЕРНа...

Воган поднял глаза на капитана, продолжавшего доклад.

— ...и первая группа — которых мы условно назвали «парашютисты» — ушла в составе четырех человек на квадроциклах. Направление на север — вдоль озера вниз по ущелью в сторону Грименца, где на окраине и были найдены три мотовездехода. Сейчас они переданы экспертам на предмет обнаружения каких-либо следов и выяснения места, времени покупки и личности покупателя. Судя по кадрам видеокамеры наблюдения — аппарата при них не было. Прибор достаточно объемён и тяжёл, чтоб его не заметить. Отсутствие прибора подтверждают и видеоматериалы камер в районе боестолкновения второй группы — отвлекающей — с гвардейцами у КПП. Дым от горящего «Хаммера» не даёт четко разглядеть отходящего противника, но, похоже, их двое и они налегке. Эти двое пока бесследно исчезли.

Буквально час назад я получил очередной доклад моего заместителя. Так вот, датчики движения на крыше шестого корпуса сработали в 23 часа 53 минуты 45 секунд, а в 23 часа 51 минуту 15 секунд, то есть за две с небольшим минуты до этого, сработала система разблокировки двери четвертого бокса в шестом лабораторном корпусе. Причем вскрыта она была личным кодом профессора Армона. Но сигнал этот не вызвал у дежурных подозрений — профессор частенько заходил в лабораторию и поздно вечером. Подтвердить свое присутствие в лаборатории он должен был по телефону в течение трех минут. Их не хватило...

— И какой из этого следует вывод? — поднял брови Воган.

— Не вывод, а предположение, мой полковник.

— Ну, и...

— В четвертый бокс проникла третья группа, которая нигде не засветилась. Она и унесла прибор.

— Вы это серьезно, капитан? Тогда потрудитесь объяснить, как они в обход всех систем безопасности попали на сверхсекретный объект, а главное — как ушли незамеченными, да еще с прибором в придачу?

— Не могу знать, мой полковник. Но другого объяснения я не вижу. Обе группы, которые мы обнаружили, выполняли, судя по всему, отвлекающий маневр.

— Если бы это было так, то они не приземлялись бы на крышу именно шестого корпуса, а где-нибудь в другом месте — как можно дальше от него, капитан! Это понятно даже ребенку! А что вы думаете, лейтенант?

Диц вскочил и вытянулся по стойке смирно.

— Мой полковник! Несмотря на все неправдоподобие версии, высказанной господином капитаном, я вынужден признать, что она имеет под собой и основания, и логику. Я тоже склоняюсь к мысли, что групп было три. Однако я не уверен в том, что все группы действовали сообща. Если в действиях двух первых можно найти единую логику, то действия третьей в нее не укладываются. Более того — с учетом близкого расположения шестого корпуса от места прорыва второй группы, допускаю возможность, что все три группы никак не связаны между собой.

— Час от часу не легче, лейтенант! По-вашему выходит, что три различные боевые группы — очень серьезные боевые группы, можно сказать, элитные — решают, совершенно независимо друг от друга, предпринять сложнейшую и опаснейшую акцию в один и тот же день, в одну и ту же минуту, в одном и том же месте! Это бред!

— Мой полковник! Разрешите? — вскочил капитан.

— Сидите, капитан, да и вы, лейтенант, не стойте, как соляной столб, — махнул рукой Воган.

Офицеры сели.

— Выбор места нападения понятен — на базе сверхсекретный действующий образец прибора СИТ, — продолжил Ванцетти. — А вот время... Хотя... Если они были информированы об окончании работ над аппаратом и о том, что на третье мая, то есть на сегодня, назначена операция «Исход», то вчера был последний день, когда можно было заполучить все: и аппарат, и чертежи, и самого профессора в одном флаконе. Ведь уже сегодня профессор был бы в Гренобльском центре нанотехнологий¹, чертежи размножены, а аппарат готовился бы к испытаниям в крайне труднодоступном месте — подземном хранилище ЦЕРНа в Женеве.

— Но почему не провести операцию раньше?

— Мой полковник, — взял слово Диц, — они были абсолютно уверены и правы в своей уверенности, что накануне «Исхода» все «составные части» будут собраны вместе.

— Ими достигнута еще одна цель, — подал голос до сих пор молчавший представитель ЦЕРНа профессор Ален Дюмон, горбоносый человек среднего роста и возраста, в очках. — Изобретение утеряно, и монополией на него обладает сейчас кто-то неизвестный и, по-видимому, очень опасный. Я не берусь судить, кто это, но вот, посмотрите, еще один необычный факт.

Профессор надел очки и поднес к глазам лист бумаги.

— После разблокирования дверь бокса № 4 открывалась дважды: во второй раз датчики объема, установленные в помещении, зарегистрировали уменьшение объема свободного пространства, а затем идентичное увеличение. Проще говоря, кто-то зашел и вышел, причем ничего крупногабаритного не вынес. Этот кто-то ушел ни с чем. А вот первое открывание... как бы это сказать, необычно. Датчики зарегистрировали лишь увеличение свободного объема, словно кто-то, давно и недвижно находившийся в помещении, взял да и вышел. Однако дверь-то разблокирована снаружи, а не изнутри... внутри и сканера нет для считывания карточки.

— Что это значит, профессор? — напрягся Воган.

Ванцетти и Диц замерли, догадываясь, что сейчас прозвучит нечто фантастическое.

¹ Крупнейший в мире центр прикладных исследований в области нанотехнологий, создан во Франции на базе Университета им. Фурье, Национального политехнического института и лаборатории «CEA-LETI».

— А это значит, господа офицеры, что прибор и чертежи **про-
сто** исчезли из бокса, в который никто не входил.

Профессор снял очки, протер их замшевой тряпочкой, повер-
тел в руках, положил в клапан пиджака и взглянул на притихших
военных близорукими умными глазами.

На столе полковника зазвонил телефон, но хозяин кабинета
его не слышал. Внутри он весь заledenел...

Глава 5. Горизонт событий

*03 мая 20... года, 15 часов 25 минут. Тонон-Ле-Бэн, департа-
мент Верхняя Савойя, Франция*

Ничем не примечательный «Фольксваген Гольф» серого цвета
съехал с департаментской дороги № 1005 около Тонона и выру-
лил на 26-ю. Проехав несколько километров, «Гольф» остано-
вился в пригороде Тонона, в деревушке Л'Эрмитаж у заросшей
плющом ограды неприметного коттеджа цвета беж с красной че-
репичной крышей и невысокой белой трубой, пыхавшей дым-
ком. Из машины вышел мужчина и, повозившись немного с
замком, распахнул ворота. Загнав машину во двор, он пошел за-
крывать створки, а из «Гольфа» вылез второй и, прихрамывая,
поднялся на крыльцо, толкнул дверь и скрылся в доме. Спустя
минуту в доме исчез и первый.

— Так что же все-таки произошло, Феликс? — повесил вопрос
седовласый человек, сидевший у камина в кресле-качалке.

На вид ему было под шестьдесят — аскетичная внешность,
худой, среднего роста. На колени был накинут плед шотландской
расцветки, будто даже у камина в этот теплый день было холодно.
В одной руке он держал погасшую трубку, в другой — стакан
лиски.

— Мы тебе все рассказали, Макс, — устало проговорил один
из сидящих в кресле рядом с ним. — Прибор и чертежи были
украдены за несколько минут до нас другой группой. Найти са-
мого профессора не получилось — сами еле ноги унесли. Боб, ко-
торый был в шестом корпусе вместе со мной, подтвердил бы это,
но он погиб при отходе. Билл, — кивок в сторону хромого, кото-
рый тоже сидел в кресле и потягивал виски, — мало что может
прояснить. Он остался один и бился с взводом «Скорпионов» у
КПП, был ранен, обгорел. Но к корпусу не ходил. Так что, Макс,
тебе придется поверить мне на слово.

— У вас не сложилось впечатления, что нападение не было не-
ожиданностью для охраны?

— Ни в коем случае! Если бы это было так, нас бы сожгли из гранатометов на подъезде к базе.

— Зачем? Может, стоило посмотреть, за чем вы пришли?

— Сомневаюсь, что на базе было еще что-то, представляющее такую же ценность, — вступил в разговор Билл, подливая себе немного двенадцатилетнего «Гленливета».

— Резонно... — проговорил Макс и, поставив стакан на журнальный столик, пошуровал кочергой в камине. Поленья заиграли алыми угольками и разгорелись поярче. Повисло тягостное молчание. Было слышно, как тикают напольные часы у стены.

— Так вот. Чтобы начальство не оторвало нам головы, просто необходимо: максимум — вернуть прибор и чертежи; минимум — выяснить, кто был заказчиком и где находится интересующее нас; минимум прим — где профессор. Времени в обрез, обратный отсчет пошел. Ума не приложу, что я буду сегодня докладывать НСС!¹! — сорвалось у Макса.

Его собеседникам нечего было ответить на это. В комнате опять повисла гнетущая тишина. Макс Грубер и был представителем НСС в Центральной Европе. За время своей работы он повидал всякое, но такого крупного срыва у него еще никогда не случалось. К тому же он недолюбливал резидента ЦРУ в Швейцарии — этого молодого выскочку Рассела.

— Хорошо, — наконец заговорил он, — давайте продумаем план действий.

03 мая 20... года, 16 часов 55 минут. Коппэ, кантон Во, Швейцария

Выгрузившись из «Фольксвагена Шаран», поредевшая группа Брэндона проследовала через засыпанный крупным гравием двор к небольшому трехэтажному дому. К удовольствию прибывших сюда впервые Дени, Рене и Карла, дом был рассчитан на проживание двух, а то и трех семей, поэтому и ванных комнат было по одной на каждом этаже, и все довольно быстро привели себя в порядок, сходя в душ. Новая одежда нашлась и для профессора.

Армон все больше и больше удивлялся — он не чувствовал себя пленником или заложником. Да, с ним обходились довольно бесцеремонно, но никакого унижения он не испытал, хотя и не тешил себя иллюзиями насчет того, с кем имеет дело.

¹ НСС — Национальная секретная служба, одно из подразделений ЦРУ, занимающееся, в частности, разработкой и проведением операций за рубежом.

Из кухни появился Рене с тарелками в руках и сказал по-французски: «Все за стол!»

Подъезжая к Коппэ, они остановились у придорожной пиццерии и купили несколько разных пицц. Сейчас Рене их просто разогрел в микроволновке.

Необычная компания разобрала тарелки и расселась в большом холле. Раздалось шипение — кто-то открывал пиво, кто-то коку или сок. Минут десять все сосредоточенно ели. Наконец зашевелился шеф.

— Джентльмены, — Брэндон встал, — благодарю всех за работу. Молюсь о тех, кто не дожил до этой минуты. Задача-минимум выполнена. Спасибо! Рене, Карл, — повернулся он к двум наемникам, — сейчас вы получите расчет, плюс сумма расчета трех безвозвратных. После этого мы расстаемся. Вы выезжаете ночью. Несколько недель — никаких телодвижений. Если мне понадобятся ваши услуги — я знаю, как вас найти. Мне надо что-то добавлять? Вопросы?

Рене и Карл отрицательно покачали головами.

Фрэнк встал и, кивком головы пригласив ребят следовать за собой, вышел из комнаты. Минут через пять он вернулся, взял с тарелки треугольник пиццы, сунул в рот и плюхнулся на диван. На улице завелась машина и, хрустя гравием, быстро отъехала.

— Ребята уехали.

— Уже? — удивился Брэндон.

— Да. Они спешат. Уж больно громкое дело выходит. Становится жарко.

— Они правы, — проговорил Брэндон и открыл вторую бутылку пива.

В холле повисла тишина.

Профессор продолжал делать вид, что его очень интересует пицца и пиво, которые ему предложили. Брэндон понемногу отпивал из стакана и бросал быстрые взгляды на профессора.

— Профессор, — наконец заговорил он, — что вы там наизобретали такого, что все на ушах стоят? Нас чуть всех не поубивали... Давайте, признавайтесь.

— Хотелось бы и от вас получить хоть какие-то объяснения, — пробурчал Армон.

— Бросьте, не в вашем положении диктовать условия, профессор. Лучше ответьте — вы можете воссоздать то, что мы не нашли на базе?

— Откуда я знаю, что вы там такое искали?

— Ваш прибор, профессор, ваш. И чертежи к нему! Но — увы

и ах! Ни вашей технической заморочки, ни чертежей — ничего в четвертом боксе шестого лабораторного корпуса не было.

— То есть как это — не было?! Все было у меня в лаборато... — Армон прикусил язык. Все — выдал себя с головой. Проклятье! Но как же так? Если эти террористы не врут, то, выходит, все похищено кем-то другим?..

— Ничего н-не понимаю... — промямлил профессор, осознавая, что возражать или скрывать что-либо бесполезно.

— Ну а все-таки, профессор. Что изобрели-то? Рассказывайте. Мы с Фрэнком не только школу оканчивали, уж постараемся понять.

Дени глотнул пива, засунул в рот очередной кусок пиццы и задал вопрос:

— Как мне к вам обращаться?

— Я — Брэндон, он — Фрэнк, но это чистая условность.

— Ага... Ну да, ну да, конечно...

Брэндон с любопытством поглядывал на Армона — забавный персонаж.

— Хорошо, — Дени собрался с мыслями. — Итак, в конце позапрошлого века в США под руководством выдающегося изобретателя и инженера-электротехника Николы Теслы были проведены несколько экспериментов по беспроводной передаче энергии. То, что произошло и в Колорадо-Спрингс, и в Филадельфии, до сих пор покрыто завесой секретности. Однако достоверно известно — эксперимент оказался успешным, несмотря на произошедшие при его проведении разрушения! Сгорели дотла две башни с медными шарами (индукционные катушки-трансформаторы), находившиеся друг от друга на расстоянии нескольких десятков километров, и сам прибор. Утверждали даже, что сам Тесла погиб при взрыве, но это, скорее всего, домыслы. После эксперимента нет никаких фактов, говорящих о том, что он продолжил исследования в этой области. Может быть, он понял, к каким последствиям это может привести, а скорее всего, заболел, и ему было не до экспериментов. По официальной версии, буквально через несколько дней после эксперимента изобретатель был сбит машиной, серьезно пострадал и через несколько месяцев скончался. К сожалению, почти все его записи были уничтожены во время пожара в нью-йоркской лаборатории, а то, что осталось, было изъято и засекречено ФБР. Меня же это всегда страшно интересовало. Сразу после окончания университета мне не удавалось заняться этой проблематикой. И лишь около десяти лет назад мне посчастливилось поработать

в кембриджской королевской лаборатории Генри Кавендиша и провести несколько многообещающих по результатам исследований и экспериментов. Потом гренобльский Центр нанотехнологий, наконец — ЦЕРН. И... вдруг вы!!!

— Как видите, не только мы, профессор!

Брэндон и Фрэнк терпеливо ждали, пока Армон допьёт стакан пива.

— В двух словах — мне удалось создать прибор, передающий электроэнергию без проводов. Пока по мощности это несколько киловатт, а по дальности 1–2 километра. Довольно скромно. Но, главное, разработанный принцип верен и работает. Передать энергию можно по-разному. Если там, где она требуется, построено приемо-передающее устройство, то можно либо зарядить аккумуляторы механизмов, либо питать их энергией в процессе работы. Мощность передачи можно варьировать в соответствии с потребностью. Причем нет необходимости строить передающие антенны в пределах прямой видимости. Играя на разности потенциалов в разных местах поверхности планеты, энергию теоретически можно передать в любое место земного шара точно. Передача проходит практически без потерь мощности. Отпадает необходимость строительства ЛЭП, да что там ЛЭП! Отпадает необходимость в добыче нефти для производства бензина, а это 80 процентов от всей выкачиваемой нефти! Становятся ненужными миллионы километров проводов различного сечения — от сотых долей миллиметра до витых канатов, выдерживающих сотни киловатт напряжения, а это десятки тысяч тонн цветных и редкоземельных металлов, сотни тонн металла платиновой группы! Вы хоть на секунду представляете, что это значит?

— Догадываюсь. Это значит, что мировая экономика просто рухнет.

— Рухнет? Это не то слово. Она взорвется! Катастрофически сократится добыча нефти, встанет нефтеперегонка, кроме разве что нефтехимии; черная и цветная металлургия кардинально сократят производство металла и проката; придется перестраивать судостроение, автомобилестроение, авиастроение, да мало ли еще что!? Как вы думаете, все те, кто владеет всеми этими заводами, комбинатами, шахтами, будут сидеть сложа руки? Еще чего! Они... — Профессору не хватило воздуха, он судорожно вдохнул и замолчал.

— Сделают все, чтобы изобретение не появилось на свет, — задумчиво закончил за него Фрэнк.

— Либо исчезло, либо попало в монопольное владение, — добавил Брэндон.

— Именно так, — подтвердил отдышавшийся профессор, хлебнул еще пива и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Я не экономист, но, боюсь, крупнейшего мирового кризиса не миновать, — проговорил Брэндон. — Возникает вопрос, профессор: а чего в вашем изобретении больше — пользы или вреда? Ведь кризис такого масштаба — это и гиперинфляция, и массовая безработица, и черт знает что еще! А? Как вы сами-то считаете?

— Что-то я не припомню, чтобы кто-то заморачивался нравственными дефинициями при изобретении атомной бомбы, — огрызнулся Армон. — Если вы помните историю, то это произошло в самом конце Второй мировой войны, и американцы ничтоже сумняшеся сбросили парочку на Японию. Причем я уверен, что сделали они это в экспериментальных целях, а не в отместку за Перл-Харбор, или чтобы напугать русских, как принято считать, — они просто поставили очередной опыт. Хиросима — средний город с каменными постройками, Нагасаки — маленький, по большей части деревянный. Какая разница, что в опыте погибнут сотни тысяч людей, главное — довести до ума технику!

И прошу не забывать, что существует и мирный атом — атомные электростанции. И хотя доля электроэнергии, вырабатываемая на АЭС, пока невелика, это только начало пути, да еще эта авария в Чернобыле, конечно, сильно подпортила репутацию их надежности. Но пройдет время, поверьте мне, — десять-двадцать лет — и вся электроэнергия будет вырабатываться на ГЭС и АЭС, если не придумают что-то новенькое... Ветряные электростанции слишком маломощны и исчезнут сразу же, как заработает система СИТ...

— Что-что? Какая система? — удивился Брэндон.

— *Cordless Energy Transport*, сокращенно — СИТ, — немного высокомерно, как нерадивым студентам на лекции, разжевал Армон. — И вообще, как только заработает система СИТ, исчезнет необходимость в маломощных источниках энергии, начиная с батареек и заканчивая всякими ветряными, солнечными накопителями. Ведь можно будет адресно передавать практически любое количество энергии и любой мощности — стоит лишь построить на планете несколько тысяч «башен Теслы». Представьте: вы в тайге, мороз за сорок, а вы спокойноенько расставляете палатку, включаете переносной приемник СИТ — и, о чудо! — у вас зажегся фонарь, закипела вода в чайнике, заработали переносной телевизор, мобильный телефон и даже включился отопитель... И не надо с собой тащить ни батарейки, ни громоздкий бензиновый движок... Только

СИТ! Осознаете? У вас работает любое оборудование без батареек, без динамо-машин, только благодаря небольшому прибору СИТ!

— Профессор, уймитесь! Ваши рекламные кампании здесь никого не интересуют! — рявкнул Брэндон.

Армон замер, осознав, что его занесло.

— Профессор Армон, а может ли ваше изобретение использоваться как оружие?

— А? Что? Не знаю, — растерялся совершенно не ожидавший подобного поворота событий Дени.

— Как это — не знаю! — вскипел Фрэнк. — Идеалист, твою мать! А о чем ты, черт тебя дери, думал?

— Профессор, вы что же, даже не думали об этом? — был потрясен Брэндон.

— Да-а как-то, нет...

— Мда-а-а... А как рассуждал об атомной бомбе, Хиросиме и Нагасаки! Какое человеколюбие проявлял! Все вы, яйцеголовые, — сопливые, инфантильные интеллигенты. Но этой своей инфантильностью вы и опасны! Большинство бед из-за вас! Недоработал с вами Святой престол, ох, недоработал! Я бы Торквемаде¹, если б мог, посоветовал бы, как с вашим ученым братом обращаться, а не с иудеями и басурманами возиться! А он — нет чтоб на вас переключиться, так, с подачи Шпренгера и Крамера², на ведьм и колдунов набросился, а зря. Надо было вами заниматься, вами! Жалко, конечно, Джордано Бруно³ — он-то был чи-

¹ Де Торквемада Томас (Tomas de Torquemada) (1420—1498), основатель испанской инквизиции. Родился в христианской семье еврейского происхождения. Главным объектом преследований сделал иудеев (марранов) и мусульман (морисков). По подсчетам историков, за время руководства им испанской инквизицией (1485—1498 гг.) было сожжено около 10 тысяч марранов, морисков, еретиков и колдунов, а число всех казненных — до 20 тысяч. Имя Т. де Торквемады стало символом жестокостей инквизиции.

² Шпренгер Якоб в соавторстве с Крамером Генрихом (оба — германские монахи, доминиканские инквизиторы) написали «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*) — самый известный трактат по демонологии; опубликован в 1486 г.

³ Бруно Джордано (Филиппо) (1548—1600), философ и астроном. В 1565 г. вступил в доминиканский орден, в 1572 стал священником. Занимался чтением лекций и сочинением научных философских трудов, был принят при европейских королевских дворах. В 1592 г. по доносу был предан суду инквизиции. Осуждению подверглись его «еретические» философские и космологические идеи. Бруно отказался отречься от главных своих теорий и по приказу Папы Климента VIII был сожжен на костре в Риме 17 февраля 1600 г.

стый философ, попал под общую раздачу, под горячую руку... А этот, видите ли, «не думал»! Тьфу! А я, старый дурак, развесил...

Гневная тирада Брэндона, мерно колыхаясь и затихая, уплыла и растворилась в пространстве эфемерным облаком. В голове Дени тихо загудело, и возникло ощущение полета, или, скорее, раздвоения. Такое накатывало на него, когда начинали генерироваться новые идеи, концепции, решения...

Он вдруг осознал, что был слеп, как крот. Господи! Ну конечно. Он все время работал над *двусторонней* связью, а оружие — это *одно-*
стороннее действие! Если придать энергетическому шнуру направление, не обеспечив его нормальный прием в конечном пункте, то энергии некуда будет деваться, кроме как разрядиться в ближайший предмет или окружающее пространство. Казалось бы, все просто — берешь мощный генератор электрического тока, один полюс заземляешь, а другой, в виде воздушного металлического разрядника — «ствола» — направляешь на цель. Если цель хорошо заземлена, разряд должен замкнуть электрическую цепь и поразить мишень.

Но на практике такого не получится — электрический ток течет по «линии наименьшего сопротивления», поэтому разряд будет бить в землю рядом. Это происходит потому, что электрическое сопротивление воздуха на пути к цели гораздо больше электрического сопротивления воздуха между «стволом», или «орудием», и землей, находящейся под ним.

А если использовать мощный лазер, работающий в ультрафиолетовом или рентгеновском спектре электромагнитного излучения, которое может обеспечить сильную ионизацию атмосферного воздуха? А что? Идея! Это сделает электрическое сопротивление воздуха между установкой и целью гораздо меньшим, чем между установкой и землей. Да, как я мог забыть! Ведь именно этот принцип американцы пытаются реализовать в новом оружии ближнего боя «Тайзер»¹.

В стволе разрядника проделать небольшое электроизолированное отверстие, по которому пустить луч ультрафиолетового или рентгеновского лазера. Иначе говоря, при включении лазера, луч со скоростью света создаст «канал» ионизированного воздуха от «орудия» к намеченной цели. Как известно, ионизированный

¹ Тайзер — электрошоковое оружие ближнего боя (4–8 метров), разработано и выпускается фирмой «Taser International». Стоит на вооружении полиции многих стран мира. В последних экспериментальных моделях «Tetanaser Shaped Pulse» для дистанционного поражения цели выстреливаются не гарпуны с тончайшим проводом, а УФ лазерный луч, ионизирующий воздушный канал, и вслед за этим по каналу пропускается заряд в 50 тысяч вольт.

воздух — хороший проводник электрического тока, и электрический разряд ударит в мишень.

Мощность и дальное действие установки будет зависеть от мощности генератора или накопителя электрического разряда, мощности ультрафиолетового или рентгеновского лазера, расстояния до цели и даже высоты над землей самого электрического орудия (чем выше, тем будет больше электрическое сопротивление воздуха от разрядника до земли).

Техника и живая сила стоят на «грешной» земле и хорошо заземлены. Установка будет работать по ним превосходно. Причем «огонь» вести можно будет с очень высокой точностью и скоростью и, наверное, даже в автоматическом режиме. Отпадает баллистический расчет полета снаряда или упреждения при любом движении цели — куда упал луч лазера в зоне прямой видимости («прямой наводки»), туда мгновенно выстреливается электроразряд. Принцип фонарика — что осветил, то и... Какой там фонарик — Смерть-лампа! Скорость полета энергозаряда — практически скорость света, поэтому эффективность поражения будет почти стопроцентной... *Стопроцентной!* Боже мой!

Так, теперь борьба с ВМС — корабли тоже неплохо заземлены, поскольку находятся в морской или речной воде, которая является проводником второго рода — электролитом.

Возможно даже использование устройства в качестве оружия против незаземленных целей или даже воздушных целей (вертолеты, самолеты, ракеты).

Господи, прямо как в романе Жюль Верна... Скорость полета «снаряда» — скорость света, мощность... — практически любая. Доставка не вызывает трудностей. Так, так. Воздушные цели — тут немного сложнее, они не заземлены. Практически не известно случаев, чтобы попадание молнии в летящий самолет стало причиной катастрофы. Максимум выходит из строя часть авионики. Значит, перед выстрелом цель надо заземлить. Как? Может, спаренным ионизированным воздушным каналом? Вполне возможно... Для этого нужно два разных полюса электрического генератора подсоединить к уже двум воздушным электрическим разрядникам — желательно удаленным друг от друга на максимально возможное расстояние. Тогда уже два ультрафиолетовых или рентгеновских лазера одновременно пробьют два ионизированных воздушных канала, и корпус самолета или вертолета замкнет воздушную электрическую цепь. Взрыв.

Принципиально возможно использование орудия для создания противоракетного щита в плотных слоях атмосферы.

Правда, все это в атмосфере и в прямой видимости. Но надо еще подумать. На высоте двух метров над поверхностью дальность наблюдения горизонта составляет 6 километров, но уже на высоте ста метров — 35 километров! А если, например, устанавливать орудие на самолеты — это уже прямая видимость на сотни километров!

— ...перед кем я тут распинаясь? Очнитесь, профессор! Да что с вами? Вам плохо? — закончил вопросом свое выступление Брэндон.

— Да, Брэндон, вы правы. Можно, да еще как, — пропустив последнюю тираду, твердо произнес Армон.

— Что можно?.. — начал было Брэндон, но вдруг понял.

Все замерли.

В наступившей паузе от сквозняка громко хлопнула форточка где-то в доме. Армон вздрогнул. В руке Брэндона треснул стакан.

— Рассказывайте, профессор. Всё. Подробно.

Глава 6. Здравствуй, Дедушка Мороз!

04 мая 20... года, 10 часов 35 минут. Постоянное Представительство США при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве, Швейцария

— ...всего пять человек. Но один — почти полный инвалид и передвигается в электроколяске, второй ослеп после того, как рядом с ним взорвалась осветительная граната, третий после неудачного глубоководного погружения, вернее всплытия, поражен кессонной болезнью и прикован к койке. Остаются двое. Первый — Питер Кристоф О'Хара, 1967 года рождения. Настоящий профи. На его счету операции в Ольстере, Белфасте, Мадриде, Лондоне (в том числе знаменитый минометный обстрел аэропорта Хитроу в 1993 году). Начинал свою деятельность в рядах ИРА¹. Тесно контактировал с политкрылом этой организации — «Шинн Фейн». Есть сведения, что он лично знаком с ее руководителем Джерри Эвансом. Имеет высшее образование — окончил Америкэн Колледж в Дублине по специальности социальная психология. Плотно занимался исследовательской деятельностью и написал несколько серьезных работ на темы: «Психология толпы», «Психология экстремальных ситуаций и около-смертных переживаний»...

¹ ИРА (Ирландская республиканская армия) — военизированная группировка. Ставит целью достижение полной независимости Ирландии и воссоединение Северной Ирландии (Ольстера) с Ирландией. Основана в 1919 г.

— Веселые темы... — поежился моложавый, спортивного вида мужчина, стоявший спиной у окна кабинета и внимательно слушавший седовласого. Это был резидент ЦРУ в Женеве Энтони Рассел. За окном расстилался неплохой вид на озеро, фонтан, горы Салев и Монблан. Над Салевом, как вороны, кружили черные точки — парапланеристы.

— Да. Причем работы, по утверждению специалистов, при минимальной доработке могли бы претендовать на кандидатские диссертации. И еще. Служил в армии в десантном подразделении, прекрасно владеет приемами рукопашного боя. Хорошо разбирается во всех видах взрывчатки, опытный подрывник. Имеет твердый характер, способен подчинять себе людей. Упорен и изобретателен.

Второй — Лючиано Морелли, 1960 года рождения. Начинал с Красных Бригад¹. Боевое крещение — участие в похищении и убийстве в 1978 г. Альдо Моро². Был близок к Ренни Кукчо — руководителю и основателю Красных Бригад. Разработку взрыва нашего посольства в Ливане приписывают ему. Нет полной уверенности, но похоже, что во время подготовки операции «Башни-близнецы» именно он несколько раз мелькнул в окружении Усамы Бен-Ладена. С тех пор больше не всплывал, но доподлинно известно, что он жив. Имеет среднее образование, учился не ахти как, но с детства, по свидетельству его одноклассников, имел исключительно острый ум, был способен ориентироваться и действовать в самых сложных ситуациях. Смел и напорист. Разрабатывая план операции, не упускает ни одной мелочи. Имеет тягу к театральным эффектам: идея бросить труп Альдо Моро точно на полпути между штаб-квартирами коммунистов и христианских демократов принадлежит именно ему.

Где сейчас О'Хара мы пока не выяснили, а вот в отношении Лючиано Морелли есть некоторые зацепки, — закончил доклад седовласый.

Повисла пауза.

— Хорошо. А первые трое — они что, неспособны разрабаты-

¹ Красные бригады — итальянская подпольная леворадикальная организация, основана в 1970 г. Цель — создание революционного государства при отделении Италии от Запада (в т. ч. от НАТО). Применяли методы партизанской войны. Организация практически разгромлена в 1980 г.

² Альдо Моро — христианский демократ, игравший ключевую роль в переговорах по «историческому компромиссу» в итальянском Парламенте между Итальянской компартией и Христианско-демократической партией.

вать операции и руководить, сидя в инвалидных колясках или находясь в лечебницах? Подумаешь — ослеп! Да некоторые слепые многим зрячим сто очков вперед дадут! Я это конкретно знаю, на примерах. Что на это скажешь, Макс? — повернулся к нему Рассел.

— Рамиреса кессонная болезнь поразила настолько, что он полностью парализован, ведет затворнический образ жизни, никого не принимает, кроме патронажных сестер и врачей. Увлечся астрономией, купил несколько мощных телескопов. Наблюдает звезды, лежа в койке... Слепой Николс постригся в монахи и удалился в монастырь под Брюгге, где и живет в отдельной келье, грехи замаливает. Но и там есть кому за ним приглядеть на всякий случай. А «электрический» Иваненко сейчас в Киеве и больше озабочен финансовыми проблемами. Даже инвалидную электроколяску сам не смог купить — подарила ветеранская организация воинов-афганцев. Живет в подвале и пьет горькую. Так что, шеф, нет — они отпадают.

— Прямо сюжет для дешевого романа, — усмехнулся шеф.

— Нет! Не поверите — реальная история, но только с другими персонажами — с экипажем «Аполло-11»¹. Нейл Армстронг уволился из НАСА и искал в Южной Америке следы посещения Земли инопланетными цивилизациями, Майкл Коллинз — постригся в монахи и удалился в монастырь, а Эдвин «Баз» Олдрин ночами сидел один в темной комнате перед открытым окном, смотрел в звездное небо и молча пил горькую... — Макс рассказывал, немного наклонив и повернув голову.

— Хватит лирики. Работайте Лючиано. Только!.. — Рассел поднял палец. — Знаю я вас — все пострелять охота! Как дети в войну, ей-богу. Мне нужна информация, а значит, Лючиано должен говорить, а говорить, будучи трупом, он не сможет. Все ясно, Макс?

— Да шеф. Но есть один нюанс.

— Слово-то какое нашел, — ухмыльнулся, но насторожился резидент, — нюанс.

Макс подошел к персональному компьютеру на рабочем столе шефа, вставил в системный блок небольшую флэшку и несколько раз щелкнул клавишами.

«— ...а вот первое откровение... как бы это сказать, необычно.

¹ «Аполло-11» — космический корабль американской лунной программы с экипажем в составе Н. Армстронга (командир), М. Коллинза и Э. Олдрина на борту в 1969 году первым совершил полет на Луну и обратно.

Датчики зарегистрировали лишь увеличение свободного объема, словно кто-то, давно и недвижно находившийся в помещении, взял да и вышел. Однако дверь разблокирована снаружи, а не изнутри... внутри и сканера-то нет для считывания карточки.

— Что это значит, профессор?

— А это значит, господа офицеры, что прибор и чертежи просто исчезли из бокса, в который никто не входил».

Голоса и шорохи записи затихли, звуковой файл на микрофлэшке закончился. Рассел сел, положил руки на журнальный столик и застыл, глядя в окно. Скорее всего, он ничего не видел. Просидев так около минуты, он помассировал пальцами виски и повернулся к Макс:

— Нюансы!.. Что это значит, Макс? Что это за Икс-файлы, Скалли и Малдер, черт подери?! Вы уверены, что это не инсценировка, например, «Войны миров»? А? С Томом Крузом в главной роли? Это что, действительно записано в Берне?

— Сожалею, шеф, информация вполне достоверна. Работы нам отныне прибавится, причем мы будем, скорее всего, мальчиками на побегушках, потому как сюда пришлют специальную профильную бригаду, которая и будет принимать все решения.

— Какого хрена я согласился на назначение сюда? Польстился на Альпы, жру в ресторанах этот гребаный сыр фондю... Дьявол! Предупреждали же меня опытные люди: не лезь в этот серпентарий, не стоит! Нет, вляпался... Макс, что *это*?

— Похоже, мы имеем дело с «Санта Клаусом»¹.

— С чем... с кем?

— Шеф, вы все прекрасно поняли...

Рассел замер на несколько мгновений, затем вспомнил и выпалил:

— Но проекты, как их там... это... «Синяя книга» и «Знак», кажется, давным-давно закрыты!

— Да. Но не проекты «Сигма» и «Маджестик-12»¹. Они до сих пор работают, собирают информацию, анализируют. Вспомните засекреченный «Доклад № 14» института Беттела! Русские тоже, между прочим, не сидят сложа руки! Достаточно вспомнить их

¹ Санта Клаус — кодовое название, принятое в НАСА для обозначения всех явлений, связанных с проявлениями внеземного разума на Земле и неопознанных летающих объектов (НЛО) в том числе.

² «Синяя книга», «Знак», «Сигма», «Маджестик-12» — американские проекты по изучению аномальных явлений, и в первую очередь НЛО. Финансировались из госбюджета и работали под эгидой ЦРУ, ВВС США и НАСА. К их работе привлекались серьезные научные коллективы.

мощнейший проект — ответ нам — «Сетка МО + АН»¹. Он тоже не закрыт. Хотя... извините, шеф, но вы молоды и не можете знать всю подноготную тех событий — только по документам, да и то они почти все засекречены до середины этого века. А я в то время не только уже работал в конторе, но и был включен в комиссию по расследованию некоторых особых обстоятельств, связанных с полетом «Аполло-11» и его пребыванием на Луне. Должен вам сказать, что и до сегодняшнего дня многие вопросы поднятые во время работы комиссии, остаются без ответа. Помните... Ах да, нет, конечно. Что это я? В общем, астронавтов что-то сильно насторожило, если не сказать напугало, при посадке на Луну. Они не решились сразу выйти из посадочного модуля «Игл» и просидели в нем, как в консервной банке, несколько часов. Переговоры с Землей стал неожиданно, вместо Армстронга, вести Олдрин. Судя по всему, Армстронг здорово перенервничал, мягко говоря. А что докладывал Олдрин? Сначала он вел переговоры с Землей по открытому каналу, который прослушивался всеми радиолюбителями планеты (это было космическое видеошоу планетарного масштаба), и только потом, по приказу из Хьюстона, перешел на резервный. Что он говорил? А говорил он своим спокойным монотонным голосом примерно следующее, отчего у наших ученых и военных волосы на головах зашевелились: «Наблюдаю чужие космические корабли на противоположном гребне кальдеры кратера. Вижу свет и движение. Земля, Земля, подтверждаю — у нас в гостях “Санта Клаус”!» В какой-то момент, наслушавшись такой чертовщины, Коллинз, остававшийся один на лунной орбите, запаниковал и сообщил на Землю, что готовится к срочному возвращению. Его с трудом удалось успокоить. Было это или не было — предмет спора для любителей и дилетантов, но мы-то знаем, что это так и было! Мы эту запись переговоров слушали и беседовали с астронавтами по возвращении. А Розуэлльское дело? Все эти ролики со вскрытием инопланетянина — ерунда, но ведь разбилось же что-то непонятное в пустыне! Анализ сохранившихся обломков дал такие результаты, что химики в это поверить не могут! В земных условиях получить такие сплавы и материалы невозможно априори. Так что, шеф, все шло к тому, что... к чему пришло. Вы что, думали, это рассосется? Как бы не так! Это как беременность — само не рассасывается! И нам надо выбирать — делать аборт или дать родить!

¹ «Сетка МО» и «Сетка АН» — проекты 1980-х гг. Минобороны СССР и Академии наук СССР по изучению феномена НЛО в Советском Союзе.

— Попрошу без истерик, — несколько повысив голос, проговорил резидент, встал, подошел к бару и плеснул себе виски, потом повернулся и кивнул Макс: — Не стесняйся.

Макс налил себе буквально несколько капель и обильно разбавил содовой.

— Над «Санта Клаусом», боюсь, голову ломать не нам с вами придется, уж не знаю теперь, к лучшему это или нет. Я доложу в Центр. А за вами — Лючиано. Где он там у вас? Как быстро вы сможете его доставить к нам?

— Этот говнюк обосновался на западе Алжира в городе Оран, шеф. Подходящее место для таких персонажей, как он. Крупный порт, один из основных перевалочных пунктов наркотрафика из Африки в Европу — так называемая «Ось Оран — Марсель». Население — более двух с половиной миллионов. С его южной внешностью затеряться в этой арабской помойке легче легкого. На операцию потребуется два-три дня. Вас же попрошу войти в контакт с нашими ВМС, принимающими участие в операции «Щит Бога».

— Два дня — максимум! Действуйте! И как можно оперативнее! У меня такое впечатление, что кто-то включил обратный отсчет, черт возьми! Но не забывайте, что там мы на чужой территории — наших агентов привлекать к боевой части акции (если такая будет необходима) только в крайнем случае. Продумать несколько вариантов отхода, в том числе и ложных. Разрешаю при необходимости на месте применить психотропную обработку вплоть до высшей категории для получения интересующей нас информации. Докладывать немедленно в любом случае! Все, идите, Макс, выполняйте. С ВМС я свяжусь и попрошу о содействии.

Макс поставил стакан на стойку минибара, повернулся и вышел.

— Надо же... как его там — «Санта Клаус»!.. С Рождеством, едрёна мать! — шеф в сердцах грохнул стаканом о стол.

Глава 7. Сирокко

06 мая 20... года, 22 часа 45 минут. Оран, Алжирская Народная Демократическая Республика

День выдался солнечный, но на удивление не очень жаркий. А к вечеру с моря нагнало туч, и захмарило так, что казалось, вот-вот пойдет дождь. Со стороны Сахары начал поддувать желтый Сирокко, неся в себе тонны янтарного песка, отчего все небо было

грязно-бежевого цвета. Пустынный песок проникал всюду — он был в еде, воде, за шиворотом, он скрипел на зубах... спасения от него не было никакого. Алжирцы к этому испокон века привыкли и почти не обращают внимания, а вот европейцы чувствуют себя в такие дни не в своей тарелке — быстрая смена атмосферного давления, влажности, чистоты вдыхаемого воздуха — все это не может не влиять на непривыкших к такому климату людей.

Двое мужчин, оба в светлых брюках и легких куртках, в чем то похожем на тагельмусти¹ на головах, шли по грязной, запыленной улице района Гамбетта в Оране. Здесь проживали алжирцы среднего достатка. Тем не менее, кроме трехэтажных шестиквартирных коттеджей, уныло протянувшихся вдоль улицы и размахивающих с балконов несметным количеством развешанного сушиться белья, тут и там попадались отгороженные от назойливых глаз высокими бетонными заборами небольшие виллы и особняки. Зелени практически никакой не было — под ногами заасфальтированная улица и посыпанные крупным гравием тротуары. Кое-где у заборов на короточках сидели алжирцы и флегматично жевали свою легкую наркотическую жвачку, от которой зубы годам к тридцати становились отвратительного коричнево-черного цвета. Годам к сорока, если их не лечить (а большинство местного населения не придавало этому ровным счетом никакого значения), зубы начинали крошиться и выпадать. Так что встретить здесь что-то похожее на голливудскую улыбку было трудно.

Уже начало смеркаться, когда два «туарега» подошли к дому № 168, остановились и присели у глухой стены неподалеку. Метрах в тридцати, дальше по улице, к бордюру прислонился старенький, замызганный полугрузовой фургон «Рено».

Шло время. Город погружался в сон, и все окрест начала обволакивать особенная африканская тишина, разбавленная треском цикад. Солнце опускалось все ниже над горизонтом, и предметы вокруг постепенно приобретали все более явный оранжевый оттенок.

Наконец калитка в высоком заборе одной из вилл открылась, и из нее показался молодой высокий араб. Немного постояв и повертев головой налево-направо, он махнул рукой тем, кто был внутри. Из калитки вышли еще два человека, один из которых был скорее европейцем-южанином, и все троем они двинулись вверх по улице, приближаясь к фургону. Два «туарега» за спиной троицы встали и отлипли от стены.

¹ Тагельмуст — головной убор туарегов. Закрывает все лицо кроме глаз. Обычно окрашен в цвет индиго.

Дальше все произошло молниеносно. «Туареги» быстро достали пистолеты с глушителями и открыли огонь. Но за какую-то долю секунды до этого коренастый, среднего роста европеец, проворно присел, одновременно развернувшись на 180 градусов, и, достав пистолет «Глок», выстрелил. Один из «туарегов» будто споткнулся и, роняя оружие, стал валиться вперед. Тело продолжало двигаться, а ноги уже не шли. Арабы, сопровождавшие европейца, получили каждый по пуле — один в затылок, второй между лопаток — и мешками осели на гравий.

В это же время открылись задние створки и боковая дверь фургона, стоявшего в каких-то десяти метрах от места событий, и оттуда выскочили три человека с оружием. Европеец же, перекатившись несколько раз вбок и продолжая стрелять, почти скрылся в боковой улочке. Оставшийся «туарег», присев на одно колено и держа свою «Беретту-92» двумя руками, вел прицельную стрельбу, пытаясь отсечь его от проулка и не дать в него нырнуть.

Европеец перенес огонь на тройцу из фургона, которая подбегала к нему, но некстати закончилась обойма. Тогда, увернувшись от первого из нападавших, он нанес второму сокрушительный удар кулаком в диафрагму и, не медля ни секунды, попытался достать ногой третьего. Не совсем удачно — удар пришелся в плечо и лишь немного ошеломил противника. Этой передышки ему хватило, чтобы ухитриться сменить обойму, но это было последнее, что он успел, — два контакта «Тайзера», пробив рубашку, впились в кожу, и 50 тысяч вольт разбухли в его мозгу ослепительной вспышкой...

07 мая 20... года, 00 часов 05 минут. Поселок Кристель близ Орана, АНДР

В крошечной темноте четыре фигуры несли длинный тяжелый сверток. По выдолбленным в скале еще в 16 веке ступеням они спустились на песчаный пляж и подошли к воде. Море слегка накатывало чернильными волнами на песок, который был немногим светлее и самого моря, и скал, окружавших со всех сторон этот небольшой и уютный днем пляж.

Легенды утверждали, что сам Барбаросса¹ присмотрел эту небольшую гавань для своих боевых кораблей. Несмотря на песчаный пляж, глубина уже в двадцати метрах от берега достигала шести-восьми метров, что позволяло кораблям подходить

¹ Арудж Барбаросса (1473—1518), мореплаватель, правитель Алжира с 1516 по 1518 гг. Османский гази, ведущий священную войну против христиан. В европейских источниках — пират.

почти вплотную к берегу и быть незаметными с моря. Чуть дальше на скалах ржавели брошенные здесь же в те времена якоря. На некоторых из них даже частично сохранились деревянные детали.

Положив ношу, трое сели, а один отошел чуть в сторону и тихо проговорил в рацию:

— Посылка со мной. Готов передать в квадрате пятьдесят-девятью.

Послушав хрипяще-шипящий ответ, он произнес:

— Понял. Даю пеленг. Ждем. Отбой.

После этого сложил антенну, положил трубку космической связи «Иридиум» в объемный нагрудный клапан куртки и присел рядом со своим отрядом.

Часа через два командир, бросив взгляд на мерцающий экран пеленгатора, встал и тихо скомандовал:

— Товсь...

Бойцы вскочили и приготовились поднять безжизненный сверток.

С моря донесся едва слышный шум двигателя, и на пляжный песок въехала, взрывлив верхний слой, легкая спортивная лодка. Бойцы подняли сверток и, зайдя по колено в теплые чернила Средиземного моря, погрузили его на глиссер. Обменявшись несколькими словами с человеком, управлявшим катером, он повернулся и по очереди пожал остающимся спутникам руки. Спустя несколько минут глиссер растворился в черноте ночи, унося и сверток, и их командира.

Постояв некоторое время на берегу, группа молча проследовала обратным маршрутом, загрузилась в фургон «Рено» и исчезла во тьме.

Чернильное море с легким шорохом продолжало бросать небольшие волны на черно-серый песок, изредка зеленовато-сверкая люминесцентным планктоном...

*07 мая 20... года, 02 часа 45 минут. Фрегат ВМС США «Хейес».
Средиземное море*

— Лючиано, ты уже прекрасно понял, что нам от тебя надо. Больше никаких вопросов не будет. — Макс поставил стакан на округлую металлическую раму иллюминатора и скрестил руки на груди. Международный бандит сидел перед ним, привязанный к принаитованному к полу железному стулу.

— Все я понял, черт тебя дери. Но ты обратился не по адресу! Я не при делах, понял? Я завязал с прошлым. Тихо-мирно зани-

маюсь своим бизнесом в этой алжирской дыре! Уже давно! — Морелли сплюнул на пол.

Макс говорил с Лючиано уже битый час и начинал осознавать, что спецсредства, может, и не понадобятся — бандюга, похоже, действительно ничего не знает.

— Не может быть, чтоб ты ничего не слышал о разборке в Швейцарских Альпах в Муари.

— Старина, ты мне надоел. Мне больше нечего сказать. Все!

Макс нажал кнопку на столе. Секунду спустя в каюту зашел здоровенный негр в морской форме.

— Эванс, сделай клиенту прививку правды.

Внимательно посмотрел на Морелли и добавил с нажимом:

— Полную.

Это значило, что Лючиано больше не жить. Понял это и сам Лючиано.

— Эй, эй! Вы че? Я же все сказал! Даже под вашим наркозом я не смогу сказать ничего больше! Стой! Не смей!!!

Поздно. Негр уже выстрелил ампулу из медпистолета в предплечье Морелли.

— Прежде чем ты отключишься, скотина, я тебе скажу, что испытаю огромное удовольствие, наблюдая твою смерть. Ведь именно ты, мразь, помог Усаме с терактом в Нью-Йорке! О других твоих геройствах и вспоминать не хочется. Ты очень многим нормальным людям жизнь испоганил. Тебе место в аду, гнида, туда ты с моей помощью и благословением и отправишься! Это чтобы ты знал, пока не отключишься. Считай, что ты уже прыгнул с сотого этажа без парашюта. А сейчас мы немножко подождем, пока ты дойдешь до кондиции, и я тебя спрошу о самом сокровенном, а ты ответишь.

— А-а-а-а!.. — простонал Морелли и затих.

Через полчаса Макс понял, что, к сожалению, был прав — бандит ничего не знал.

— За борт эту скотину. Акулам на корм.

Два дюжих матроса отвязали и поволокли еще живого, что-то лепечущего Морелли на палубу. Спустя минуту негромкий всплеск поставил точку в карьере Лючиано Морелли, известного в специфических кругах как «Лаки Люк».

Макс постучал в дверь каюты капитана фрегата, из-за которой доносилась легкая музыка кантри. «Манго Джерри» — с удовольствием отметил он про себя.

— Войдите, — послышалась из каюты, и Макс взялся за ручку двери.

Через пятнадцать минут с вертолетной площадки «Хейеса» поднялся вертолет противолодочной разведки «Си Хок» и взял курс на запад.

Надев интерфон, Макс попросил бортинженера соединить его с шефом.

— Пустышка, босс. Пустышка... — прокричал он в микрофон, когда связь установилась.

В наушниках долгое время плескались только треск и шорохи. Затем сквозь разряды статики и атмосферного электричества слышался хриплый голос:

— Ясно. Работайте ирландца! Ирландца, понятно? Время не ждет. Как только приземлитесь, с тобой свяжется офицер из штаба базы и передаст приказ. Есть информация по местонахождению объекта. По местонахождению! Все ясно?

— Понял, шеф, отбой, — выдохнул Макс.

Ни под брюхом вертолета, ни сверху не было видно ровным счетом ничего — первобытная тьма. И лишь на пульте управления горели сине-зеленым пламенем округлые иллюминаторы приборов, светились лимбы и перемигивались разноцветные светодиодные индикаторы, отчего все происходящее вокруг казалось не вполне реальным. Даже сквозь наушники интерфона прорывался натужно-оглушительный стрекот двигателя. Машину сильно болтало над невидимыми волнами, перекатывающимися по антрацитовый поверхности моря в двухстах метрах ниже.

— Сильный бриз, шеф, держитесь! — прокричал в интерфон пилот.

Макс, стараясь не обращать внимания на болтанку, пытался сосредоточиться на своих невеселых мыслях.

Да... С О'Харой придется повозиться. Это не Морелли, который отошел от дел и в значительной степени потерял сноровку. Хотя как сказать — оказал такое сопротивление при задержании, что один агент убит, а у второго разорвана селезенка. Здоровый был лось! О'Хара... С ним, по слухам, давно работает некто Ричард Шеннон, тоже креатура ИРА. Характеризуется как исключительно опасный и опытный террорист... Все они опасные, зло подумал Макс, будто есть добрые и хорошие. Всех бы их в одну кучу свалить и...

Неожиданно Макса сначала вдавило в ложемент, будто припечатал гигантский невидимый кулак, а потом резко отпустило до состояния невесомости и желудочного протеста. При этом в захлесте лопасти винта надрывно и страшно грохнули своим ти-

анном — воздушная яма, черт ее дери!.. «Если б не ремни, улетел бы к чертовой матери сквозь фонарь», — невесело подумал Макс, провел ладонью по лицу и понял, что из носа идет кровь...

Глава 8. Поворот

07 мая 20... года, 10 часов 20 минут. Анси, департамент Верхняя Савойя, Франция

— Звонил заказчик, — сказал Брэндон, входя в гостиную. Фрэнк поднял голову и вопросительно посмотрел на напарника.

— Судя по всему, нас ждут крупные неприятности, Фрэнк.

— А ты что же, думал, нам все это сойдет с рук? Нет Брэндон, если уж мы ввязались в это дело, то надо быть готовым ко всему. Что ты ему сказал?

Брэндон твердо взглянул на Фрэнка:

— Что профессор, по-видимому, погиб в перестрелке, а прибор, судя по всему, был захвачен до нас второй группой, так как в лаборатории его не было.

— Ну что ж, по крайней мере, все ясно. Все точки расставлены. Поверил он или не поверил — разницы никакой. И в том и в другом случае нас постараются убрать...

— Да, но искать нас будут и эти... другая группа, конкуренты. Они-то уверены, что и профессор, и аппарат у нас. В общем, в покое нас не оставят ни те, ни другие. Времени в обрез. Что будем делать? Ладно, зови профессора. Мы вроде как теперь заодно.

Фрэнк вышел, а Брэндон подошел к окну, потирая правой ладонью затылок. За стеклом раскинулся великолепный вид на горное озеро Анси и живописные окрестности. С учетом высоты расположения дома (около ста метров над уровнем озера), виден был почти весь водоем и город вдаль. Над горами, окаймлявшими долину и поросшими у основания высокими елями, курились легкие невесомые облака. По слегка рябой поверхности воды медленно плавали прогулочные лодки, а вдаль слышался шум моторов — молодежь гоняла на аквабайках.

Вернулся Фрэнк, и следом за ним в проеме двери появилась помятая, не выпавшаяся усатая физиономия Дени, обрамленная черной гривой волос. Брэндон жестом пригласил их присесть за стол, отодвинул стул, сел сам и внимательно посмотрел на своих спутников. Он всегда чувствовал себя неуютно, когда не было четкости и определенности в развитии ситуации.

— Ну что ж, господа, у кого какие будут соображения, комментарии и идеи? — начал он.

*07 мая 20... года, 11 часов 50 минут. Офис ОАО «Промнефтегаз»
Москва, Россия*

— ...по имеющимся сведениям, ни прибор, ни сам профессор Дени Армон нигде пока не объявились. С одной стороны, это несколько обнадеживает, но с другой — пока мы не будем доподлинно знать судьбу профессора и прибора, мы не сможем уверенно чувствовать себя на рынке. Спецгруппу, чтоб их черти съели, вынудили ввязаться в бой с гвардейцами охраны, в котором она потеряла половину состава, замешкалась и, не имея времени, не смогла обнаружить ни профессора, ни прибора. Вернее, профессор, по их словам, погиб. Ее дальнейшую судьбу решит наш европейский центр. Но есть любопытная деталь: просочилась информация, что на днях сотрудники НСС также проводили в Европе какую-то операцию, и тоже неудачно — потеряли несколько человек. Нам неизвестно пока, где они действовали, но почему не предположить, что там же, где и мы? Тогда возникает опять же вопрос: если операция американцев закончилась неудачей (предположим, что это не деза), то где профессор и прибор? Швейцарцы всю страну перетряхивают. Слыханное ли дело — на дорогах кордоны с повальными проверками и обысками машин, в горы ушли десятки отрядов горных стрелков и альпийских спасательных бригад, задействована авиация, космос — значит, профессор и прибор исчезли, к гадалке не ходи. Но кто их выкрал? Неужели была третья группа? Тогда кто они? Чей заказ выполняли? Саудитов? Это невероятно!

Эдгар Штилер, Председатель совета директоров ОАО «Промнефтегаз», мужчина лет за сорок, с тонкими усиками на верхней губе, бросил золотую ручку «Монблан» на стол, откинулся на спинку кресла, сцепил пухлые пальцы рук и обвел взглядом присутствующих на совещании. За широким овальным столом кроме него сидели еще трое — все в строгих дорожных костюмах.

— Да, ситуация явно выходит из-под контроля, — проворчал Ханук Сафаров, самый пожилой из четверки. На вид ему было около шестидесяти. — Если предположить, что прибор у саудитов, как вы говорите, то можно ли с определенной степенью достоверности предположить, как они поведут себя, как будут действовать? Что нам от них ждать? И еще. А если швейцарцы все-таки найдут либо прибор, либо профессора?

— В интересах саудитов не допустить утечки информации. Они будут молчать как рыбы. Сидеть сложа руки они не станут, займутся дальнейшими исследованиями в этой области; осо-

бенно просто это будет сделать в том случае, если и профессор у них. Так что сами они нам ни в коем случае не помощники и не попутчики. Будут все отрицать. Равно как и швейцарцы, — взял слово молчавший до этого Борис Вексельрод, мужчина в больших очках с огромными диоптриями. — Поэтому нам самим придется все выяснять. И пока мы этого не сделаем, мы не можем быть спокойны. Не можем, — повторил он с нажимом и мельком взглянул на сложный циферблат своего «Фрэнка Мюллера».

— Хорошо, я дам необходимые указания, — заговорил последний из участников совещания, достал тонкую дамскую сигарету и закурил. Это был Тарас Бруденко (настоящая фамилия Бероев), представитель правительства в совете директоров компании, помощник Президента России. Ему было понятно, что главный невысказанный вопрос, который мучил присутствующих «коллег», касается, главным образом, заполняемости собственных счетов в закордонных банках. Эти землю будут рыть, лишь бы не потерять ни копейки. Можно, конечно, и их припугнуть, вплоть до смены памперсов, личным мужеством никто из них не отличается. Но это позже. Сейчас главное другое.

— Складывается впечатление, что все возможное сделано для того, чтобы миссия была провалена. Будто специально, черт возьми, будто специально... — закончил он задумчиво.

Присутствующие молчали.

08 мая 20... года, 00 часов 10 минут. Анси, департамент Верхняя Савойя, Франция

Брэндон, Фрэнк и Дени вырулили на «Рейндж Ровере» из двора виллы на узкую дорогу и двинулись в сторону Бельгарда, избегая автострад и крупных департаментских дорог. Оттуда им предстояло подъехать к швейцарскому Мейрану, но с той стороны, где пограничный пункт работает только днем — через деревеньку Сатиньи по проселочной дороге.

Вчера часа полтора с утра они потратили на то, чтобы разработать хоть какой-то план. Как ни странно, профессор подал несколько довольно дельных идей. Собственно, его мысли и легли в основу всей концепции. Их первая остановка — ЦЕРН. Там, по словам коллеги Дени, профессора Алена Дюмона, все было подготовлено к приему прибора. Работу можно было бы начинать без раскочки — сразу. Однако здесь возникло препятствие в виде мнения Армона. Внимательно выслушав рассказ Фрэнка относительно всего произошедшего на базе «Муари-2000» и особенно

того, что касалось посещения лаборатории № 4 в шестом лабораторном корпусе, профессор минут на двадцать погрузился в размышления. Брэндон и Фрэнк не мешали ему. Потом профессор заговорил:

— Все-таки, Фрэнк, я думаю, что ты видел не человека.

— А кого? Привидение? Тень отца Гамлета?

— Фрэнк, не до смеха! — одернул его Брэндон.

— Фрэнк встретил то, что на сленге црушников называется «Санта Клаус». Что-то неземное. Инопланетянина.

— Вы это серьезно, Армон?

— Серьезней некуда.

Теперь надолго затихли Брэндон и Фрэнк.

— Брэндон, похоже, что это может быть правдой, — заговорил Фрэнк. — Сопоставь все, что связано с этими чужаками и мальчишкой в лаборатории. Клянусь, тот священник в ресторане тоже заказал себе фисташковое мороженое, и как только я раньше не вспомнил этого! Он ушел раньше, чем принесли заказ, и официант матерился по этому поводу. А трость? Я долго не мог сообразить, что же в ней меня так насторожило, и только теперь понял. Эта трость больше похожа на гобой или флейту, да, именно на гобой — вроде трость, а присутствуют какие-то небольшие клавиши, патрубки, отверстия... Это не трость, это какой-то прибор!

— Возможно... даже наверняка, но сейчас не об этом. Что все это значит и как отразится на нас? Им понадобился прибор. Зачем? Допускаю, что не для получения патента. Скорее, речь идет о своего рода запрете на изобретение и использование принципа СИТ на Земле. Чужие, по каким-то только им известным причинам, не заинтересованы, мягко говоря, в этом. Следуя этой логике, они и со мной должны решить вопрос — заставить замолчать или просто устранить. Веселая перспектива. Мы должны получить помощь!

— От кого? Кто захочет нам помогать? — удивился Брэндон.

— Ну... не знаю... русские или американцы. Хотя вряд ли. И те и другие, да и саудиты, конечно, заинтересованы не допустить производства СИТ. Кто нам может помочь? Тот, кто от этого выиграет! Тот, кто не добывает нефть, газ, уголь... Да те же швейцарцы!

— Этого еще не хватало! — взвился Фрэнк. — Мы только что друг другу набили морды, а теперь давай помогать? Да вся Швейцария поставлена на уши, ищет нас, а мы сами к ним пойдем! Под каким соусом мы к ним подкатимся?

— Я не вижу другого выхода.

— Профессор, Фрэнк прав. Нам нужны хоть какие-то гарантии, вы не можете не понимать этого.

— Хорошо. Брэндон, у вас есть связь, которую нельзя отследить?

Брэндон и Фрэнк переглянулись.

— Есть.

— Долго я смогу говорить, пока не вычислят? — поинтересовался Дени.

— Две минуты максимум.

— Тогда набирайте, — Дени продиктовал номер.

Фрэнк набрал на мобильнике цифры и протянул трубку Армону.

— Ален? — выдохнул тот.

— Дени? Ты где? Что с тобой? Мы тут все... — всполошились на том конце.

— Ален, дорога каждая секунда. Слушай меня внимательно...

Дени очень кратко, тезисно обрисовал ситуацию и изложил свое видение решения проблемы. Выслушав такой же короткий ответ, он дал отбой.

— Все. Нас ждут в ЦЕРНе. Въедем в Швейцарию со стороны Сан-Жени-Пуйи по проселку — там нет пограничного КПП. Нас встретят в деревне Сатиньи.

— Кто нас встретит? — поинтересовался Фрэнк, открыв заднюю панель телефона и выковыривая симку.

— Дюмон и представитель Генштаба Швейцарии. С ним вы обговорите гарантии. Ничего другого предложить не могу. Но все равно нас могут перехватить и на территории Франции.

Брэндон и Фрэнк переглянулись.

— Ну что, старина, рискнем? — спросил Брэндон.

— Ничего больше не остается, шеф, — пожал плечами Фрэнк и сломал сим-карту.

— Тогда за дело! Фрэнк, подготовь все необходимое, а мы с вами, профессор, посетим парикмахера — придется расстаться с пышной шевелюрой и усами. Потом мы соорудим документ с вашим новым имиджем.

Дени собрался было возмутиться, но передумал и махнул рукой: лес рубят — щепки летят.

Машина неслась в сторону Бельгарда по узкой коммунальной дороге. В этот час ночи было пустынно — им встретилось едва ли более трех-четырёх встречных, да одну они обогнали. Ехать оставалось около часа.

Глава 9. Ноктюрн «Supernova»

07 мая 20... года, 15 часов 20 минут. ЦЕРН, подземные лаборатории протонного суперсинхротрона (SPS)¹. Мейран, кантон Женева, Швейцария

— Да вы с ума сошли, профессор! Это же террористы! *Террористы!!!* У них на руках кровь невинных людей, мирных жителей, полицейских, наших гвардейцев! Они вне закона! — брызгал слюной полковник Воган. — А я-то, дурак, примчался сюда по первому вашему зову, думая, что вы действительно знаете что-то важное! А у вас, видите ли, план! Да еще какой! Работать совместно с бандитами! Никогда! Ни-ко-гда! Я отдаю приказ арестовать их в Сатиньи. Все!

— Да, полковник, вы можете их арестовать. Но имейте в виду, что сейчас они наши союзники. Более того — они очень важные и единственные свидетели, встречавшиеся с чужими. Если вы думаете, что, находясь в камере, они станут разговорчивее, то вы ошибаетесь. В общем, они нам нужны на нашей стороне, а не как противники. Полковник, мы столкнулись с тем, что, быть может, намного важнее открытия профессора Армона. Я повторяю: давайте встретимся с ними и спокойно обсудим сложившееся положение. И с точки зрения прибора, и с точки зрения чужаков, и еще... с точки зрения монополии на изобретение.

— Монополии?

— Да, именно. Кто-то же нанял обе группы! Полковник, на встречу мы поедем с вами одни или вы возьмете одного-двух человек для сопровождения?

Полковник стоял спиной к профессору и, заложив руки за спину, незряче смотрел на прибитую к стене зеленую доску, исписанную графиками и формулами. Внутри него все кипело и протестовало против возможного сотрудничества с террористами. С другой стороны, он понимал всю неординарность происходящего. Видимо, до какого-то момента придется с ними сотрудничать, а потом...

— Я возьму лейтенанта Дица и одного из его «Скорпионов». Все.

— Ну что ж, на том и порешим.

Ален встал, снял белый халат, повесил его на крюк возле двери и вышел в коридор.

Воган проводил его недобрым взглядом и протянул руку к телефону.

¹ SPS — Super Proton Synchrotron.

08 мая 20... года, 00 часов 35 минут. Дорога № Д 984. Департамент Эн, Франция

«Ну и что теперь прикажете делать», — невесело размышлял Дени, сидя на заднем сиденье несущегося в ночи «Ровера». Что будет дальше? Его ищут заказчики Брэндона и Фрэнка, и даже помощь этих двух опытных террористов вряд ли будет эффективной, в случае если их вычислят. Его ищет вторая группа, чужие и, вполне возможно, кто-то еще. Так. Давай-ка разобьем всю эту толпу по их интересам. Что хотят заказчики Брэндона? Получить аппарат и Дени. Что хочет вторая группа — аппарат и Дени, что могут хотеть остальные, «земные», группы — аппарат и Дени... Что хотят «чужие» — Дени, а аппарат уже у них, это точно. Трудно представить себе, что они стоят на близкой к нам ступени технического развития и гоняются за этой разработкой. Просто им невыгодно наличие аппарата и самого принципа его работы на Земле. Почему? Этот вопрос придется оставить до лучших времен. Значит, им нужен Дени. Но, видимо, чтобы уничтожить. Получается, что «земляне» отличаются по интересам от «чужих». «Землянам» нужен аппарат и Дени. Для чего? Одним, судя по всему, для того, чтобы скрыть изобретение. Это выгодно странам-производителям нефти, газа, угля и постиндустриалам... Трудно поверить в их альтруизм и меценатство: вряд ли кто из них поделится открытием, чтобы улучшить жизнь бедных стран, понастроить там «башен Теслы», электрифицировать самые дальние уголки планеты вплоть до мелких и затерянных в океанах островов. Одно слово — золотой миллиард. Да и вопросы создания мощнейшего оружия не позволят им действовать иначе. Постиндустриалы... да, примерно, то же самое. Остаются бедные страны, что нас мало интересует, и развитые, но которые не зависят полностью от своего промышленного производства. Швейцария. Да, почти идеал. Доля в ВВП от банковских операций — более 10 процентов! На швейцарские банки приходится до 45 процентов мирового управления собственностью и имуществом частных и юридических лиц. Страна входит в первую десятку государств мира по конкурентоспособности экономики. И почти полное отсутствие полезных ископаемых, а главное — нефти, газа и угля.

Да. Швейцарцы. Кто еще? ООН? Может быть... Но ведь это сборище международных бюрократов, отвратительный террариум ползучих пресмыкающихся чиновников, пекущихся только о своих личных интересах. Все остальное, о чем они так воодушевленно и пафосно вещают с международных трибун, брызгая слюной, не более чем словесная трескотня; отвлекающая нор-

мальных людей от той мышинной возни, которой занимаются в своих корыстных интересах эти международные упыри. Нет, ООН отпадает — сборище подонков! Что там еще у нас есть? ОБСЕ? Такая же банка с пауками!

Получается, что выбора нет. И не будет. Если не швейцарцы, то больше никто... А с другой стороны — гельветы тоже могут повести себя очень эгоистично. Так что же делать? Где выход? Замкнутый круг.

Если бы он только знал, что его звонок Дюмону был все-таки зафиксирован американцами, отслеживающими его и полковника Вогана! Дело было не в оплошности Брэндона, Фрэнка или Дени. Их местонахождение зафиксировано не было, в разговоре двух ученых не произнесено ни одного названия — одни только им одним известные намеки, время разговора тоже было соблюдено для исключения засечки. И тем не менее Макс, примчавшийся частным рейсом в женевский аэропорт «Контрэн» с американской военно-воздушной базы в Испании, и Феликс не зря потратили несколько часов, слушая запись разговора и вычисляя те места, где чаще всего могли пересекаться ученые и где сейчас они назначили встречу. В конце концов они пришли к общему знаменателю. Но времени на разработку детального плана и проведение операции практически не оставалось.

08 мая 20... года, 01 час 40 минут. Сатиньи, кантон Женева, Швейцария

Ночью не видно ни ровно подстриженного кустарника, ни аккуратных домиков, окруженных игрушечными оградами, ни чистых тротуаров, ни брусчатки или гранитной плитки, выложенных перед въездами во внутренние дворики вилл. Неоновые лампы скудно освещают лишь перекрестки и калитки у домов швейцарской деревеньки Сатиньи. Все остальное тонет в темноте спокойной теплой майской ночи. Пухлый серп грязно-желтой луны завис где-то у горизонта, а в небе переливаются горным хрусталем яркие прохладные звезды. Почти полное безмолвие и бездвижие, и лишь ночные мотыльки роятся вокруг редких фонарей, обжигая себе крылья и падая на землю.

Профессор Дюмон и полковник Воган стояли на окраине деревни. Невдалеке, почти незаметный в черноте кустов обочины, стоял армейский джип «Ламборгини» с лейтенантом Дицем на переднем сиденье и одним из «Скорпионов» за рулем. Перед ними, почти неразличимая в темноте, лежала Привокзальная площадь. До назначенной встречи оставалось пятнадцать минут.

* * *

Мысленно проклиная науку, ученых с их эпохальными изобретениями, ЦЕРН с его синхротроном, Швейцарию с ее шоколадом и сыром и еще много чего, Феликс и три его человека (все надежные агенты, кого он успел собрать за отпущенный срок), пробирались короткими перебежками вдоль неширокой асфальтированной дороги, стараясь производить как можно меньше шума. Машину они оставили за полтора километра до Сатиньи. У каждого на голове слегка зеленел в темноте прибор ночного видения, а на шее висела компактная израильская штурмовая винтовка «Тэйвор». У двоих агентов винтовки были снабжены 40-миллиметровыми подствольными гранатометами.

«Все кончится тем, что проведу я остаток своей жизни в швейцарской тюрьме, и хрен меня обменяют на кого-нибудь», — не весело подумал Феликс и обернулся. Группа не отставала.

Они вышли на окраину деревушки и еще не успели углубиться и на сто метров в улочки, как Феликс присел и сделал знак агентам замереть. Он словно зверь: еще не увидел, но уже ощутил присутствие жертвы. Жестами он дал целеуказания, и группа рассыпалась в стороны перед У-образным перекрестком. Впереди, метрах в ста, возвышалось здание железнодорожной станции. Сейчас она была закрыта, ночью здесь поезда не ходили.

* * *

«Рейндж Ровер» скатился на обочину. Фрэнк заглушил мотор, погасил фары и открыл дверь. Минуты две все трое просидели в машине, напряженно вслушиваясь и всматриваясь в окружающий мрак.

— Все, пора, — прошептал Брэндон.

Они вышли из машины и практически на ощупь направились в сторону вокзала. Проводником выступал Дени — он хорошо знал эти места и мог ориентироваться здесь даже ночью. На всякий случай они сошли с дороги, перебрались через насыпь железнодорожного полотна и двинулись к месту встречи по почти неразличимой тропе вдоль путей. Подойдя вплотную к станции, они обогнули здание, прошли мимо трансформаторной будки и оказались совсем рядом с привокзальной площадью. Брэндон осторожно высунулся из-за угла и оглядел слепую темноту площади. «Ни черта не видно», — тоскливо подумал он, оглянувшись на своих спутников и застыл: чуть позади Фрэнка и Дени, слегка выделяясь серым, стоял человек в сутане. Чужак, понял Брэндон.

— Месье О'Хара, сожалею, но профессор пойдет со мной, — послышался негромкий голос, и почти одновременно «Узи» Фрэнка и Брэндона тихо прошелестели двумя короткими очередями. Фигуру чужака отбросило назад, и он провалился в темноту. Что-то металлически звякнуло об асфальт.

— Вперед! — скомандовал Брэндон и рванул на площадь.

Выскочив на открытое темное пространство и пробежав метров десять, Брэндон остановился и присел. Обернувшись, он обнаружил сзади лишь Фрэнка.

— Профессор!.. — прошипел он.

Фрэнк метнулся обратно к зданию, но оттуда уже показалась смутная фигура Дени.

— Быстрее, быстрее! — сипел Брэндон, и они все вместе бросились бежать через площадь.

* * *

Заслышав тихие, но отчетливо слышимые шлепки выстрелов, Феликс замер, завертел головой, определяя направление, и перебежками направился в сторону станции. Агенты, соблюдая интервалы, двинулись следом. Забежав за угол трансформаторной будки, он встал: в инфракрасной оптике было видно, как размытая фигура, одетая в какой-то балахон, с трудом поднимается, шаря по земле руками, будто что-то разыскивая.

— Стоять! — негромко скомандовал Феликс, одновременно отпрыгивая в сторону.

Фигура на секунду замерла и... вдруг исчезла. Но за мгновение до этого за спиной раздался жуткий вопль, и ночь осветилась огнем — один из агентов Феликса превратился в живой факел. Мозг Феликса заработал в аварийном режиме: он мгновенно вспомнил подробнейшую карту местности. Рядом, метрах в двадцати, на площади есть небольшой фонтан — только бы в нем была вода!

— Фонтан! На площади! — шепотом крикнул он, и два агента, схватив горящего, извивающегося человека, быстро потащили его. Приборы ночного видения сейчас были не нужны — огонь освещал все вокруг метров на тридцать.

Дотащив обгорающего до фонтана, агенты перевалили тело через высокий парапет и бросили. Послышался громкий всплеск, шипение, и свет померк. Слава Богу, мелькнуло в голове у Феликса.

— Джо, остаешься с ним и действуешь по обстановке. Сэм, ты — со мной. Вперед! — Понимая, что операция почти провалена, он не мог позволить себе не использовать все возможности, любой, даже самый призрачный, шанс. Кроме того, он понимал, что про-

исходит нечто выходящее за рамки обыденного, а значит, надо попытаться выяснить, что это.

Опять опустив инфракрасные окуляры прибора, пригибаясь, он побежал в ту сторону, где ему послышался шум и топот ног. Вдруг прямо перед ним возникла фигура в балахоне. Не раздумывая ни секунды, с ходу, Феликс выстрелил навскидку, но пули ушли в пустоту — фигура исчезла.

— Что за бред... — пробормотал он и продолжил бег. Сзади тяжело дышал в затылок Сэм.

* * *

Брэндон, Фрэнк и Дени сломя голову неслись к месту randevu с Дюмоном. Сзади раздались крики, и что-то ярко вспыхнуло, выбелив мрак ночи на многие десятки метров вокруг. Через несколько шагов они увидели Дюмона, Вогана и Дица с автоматом «Бруггер-Томэ» наперевес. В руках у полковника была «Беретта-92».

Дени оступился, неловко пробежал по инерции еще несколько шагов и растянулся на асфальте, выронив длинный предмет, похожий на гобой, который держал в руках. «Гобой» звякнул об асфальт, раздался негромкий низкий гул, и из «нижнего» его конца вырвался ослепительный белый луч, упершийся в станцию. Какую-то долю секунды ничего не происходило, только слегка дрогнул и поплыл воздух над площадью. В следующее мгновение на месте здания вспух бело-голубой фурункул сверхновой и с оглушительным грохотом погас, разбрызгав далеко в стороны быстро тускнеющие искры расплавленного камня и металла. Всех обожгло раскаленной ударной волной. На площади земля рдела темно-рубиновым ожогом. Судя по всему, деревушка лишилась своей железнодорожной станции. Волосы у всех встали дыбом — наэлектризованность атмосферы была предельной.

— В машину! — не своим голосом закричал полковник и замахал рукой. Вся группа, кроме лейтенанта, бросилась к «Ламборгини». Диц поднял свой «Бруггер» на уровень глаз, упер приклад в плечо, и вовремя: из серой мглы на него выскочили две фигуры. Лейтенант, присев, открыл огонь. Одна тень, раскинув руки, грохнулась на землю, вторая быстро и профессионально откатилась в сторону, скрывшись в гуще кустов. Просвистели несколько пуль. Дицу разорвало щеку и ухо. Превозмогая боль, он дал три короткие очереди по кустам, повернулся и тоже побежал к джипу. Ошметки щеки звучно шлепали по шее лейтенанта.

Около уже заведенной машины на земле распластался незна-

комец, над ним склонился другой. Судя по растекающейся луже крови, ранение было серьезным.

— Фрэнк!..

Воган тоже присел и попытался нащупать пульс на сонной артерии у раненого.

— Все. Он мертв! Уходим. Уходим!

Незнакомец поднялся с колен, вскинул свой «Узи» и выпустил всю обойму в сторону исчезнувшего в кустах агента.

* * *

Через полчаса, когда вокруг уже повсюду завывали полицейские, пожарные и медицинские сирены, Джо, оставив обгоревшего агента, который не подавал явных признаков жизни, тащил к машине хрипящего Феликса. Пуля из «Узи» Брэндона попала ему, лежащему в кустарнике, в плечо, сломала ключицу, зацепила легкое и застряла, расколов правую лопатку. Все это выяснится позже, на операционном столе, а сейчас было ясно одно — он надолго выбыл из строя.

— Кто этот дьявол, кто?!.. Нелюди, оборотни... — сипел он, цепляясь одной рукой за куртку Джо и сплевывая с губ пузырящуюся розовую пену.

Глава 10. Дети подземелья

08 мая 20... года, 04 часа 15 минут. ЦЕРН, подземные лаборатории Большого Адронного Коллайдера (LHC)¹. Босси, кантон Женева, Швейцария

Завезя раненого Дица в кантональный госпиталь, где его сразу повезли в операционную, оба профессора в сопровождении разномастной троицы приехали в городок Босси, к одному из малоиспользуемых шлюзов для спуска на стометровую глубину, где располагалась и сама «кольцевая труба» коллайдера, и все вспомогательные помещения. Здесь научные лаборатории, помещения для операторов, комнаты с компьютерными терминалами главной супер-ЭВМ ЦЕРНа (500 терафлопс¹) и несколько крошечных комнат для отдыха дежурных лаборантов и обслуживающего персонала располагались на двух уровнях: нулевой — на той же глубине, что и «труба», первый — шестью метрами выше.

¹ LHC — Large Hadron Collider.

² Терафлопс (TFLOPS) — величина, используемая для измерения производительности компьютеров, показывающая, сколько операций с плавающей запятой в секунду выполняет данная вычислительная система. 1 терафлопс = 1 триллион операций в секунду = 1000 миллиардов операций в секунду.

В наземном бункере шлюза Босси пришлось задержаться. На швейцарских охранников удостоверение полковника не произвело ровным счетом никакого впечатления. Дюмону пришлось разбудить начальника охраны ЦЕРНа лейтенанта Джоди Циммерманн, которая приехала очень оперативно, быстро вникла в ситуацию и отдала необходимые распоряжения, не забыв, однако, взять письменное заявление с Вогана и твердо заявив, что пропустит остальных только в ее сопровождении. Пришлось согласиться, тем более что никто не возражал против присутствия рядом тридцатилетней красивой русоволосой женщины, военная форма которой только подчеркивала ее ладную фигурку. Наверху было приказано остаться лишь «скорпионовцу», который тут же развалился в кресле, прислонил к стене свой «Бруггер» с ночным прицелом и длинным глушителем и, достав пакет «НЗ», принялся шуршать фольгой.

Один из двух скоростных лифтов доставил всю группу на нулевой уровень, двери медленно раздвинулись, и пахло прохладным сыроватым воздухом подземелья. Пройдя слабо освещенными коридорами, группа столпилась у железной двери. Дюмон достал свою карточку-ключ и вставил в приемник. Замок отщелкнулся, и профессор открыл дверь, за которой оказалась довольно просторная лаборатория. Жестом он пригласил всех войти.

Пятерка расселась на стульях, а Дени положил на стол «гобой» чужака. Выглядел артефакт необычно: он напоминал утирированный вороненый пистолет с непомерно длинным стволом и отдельными хромированными деталями. Верхняя часть представляла собой ручку, очень похожую на рукоятку пистолета. Вместо спускового крючка вдоль всей передней части рукоятки располагалась длинная скоба. На месте «затворной» части, имеющей около 200 миллиметров в длину, виднелись несколько кнопок, а с другой стороны — пятипозиционный фидер. «Ствол» «гобая» постепенно сужался, чтобы окончиться короткой дульной насадкой. Калибр «ствола» составлял 25 миллиметров.

— Длина — восемьсот двадцать миллиметров, — закончил предварительный осмотр Дени. — Принцип работы «гобая» пока непонятен, но похоже, что это воздушный электрический разрядник большой мощности. Как мы сами не сгорели при выстреле, черт его подери?..

— Дени, необходимо прямо сейчас сформировать группу, которая будет заниматься изучением «гобая». Часть группы будет восстанавливать твой СИТ. У тебя есть соображения, кто нам нужен?

— Да, конечно. — Дени назвал несколько фамилий.

— Отлично! — Ален сел к телефону.

— А теперь позвольте мне, — поднялся полковник. — Я так понимаю, что наши действия должны быть направлены по нескольким векторам. Первый вектор — изучение «гобоя» и воссоздание образца СИТ; второй — обеспечение безопасности исследований и персонала, с соблюдением полной секретности на уровне грифа «государственной важности». Профессор Дюмон, прошу вас в обязательном порядке собрать подписки о неразглашении со всех, кого вы привлечете в группу. Третий — проведение разведмероприятий по выяснению стран или корпораций — заказчиков похищения прибора, а также разработка срочных мер по нейтрализации их возможной враждебной деятельности. Четвертый — контакт или противодействие «чужим». — Воган посмотрел на Брэндона. — Что вы можете сказать по поводу ваших заказчиков, кто они?

— Это что, допрос? — вскинулся Брэндон.

— Нет. Пока нет. Вы прекрасно поняли, что я сказал, и информация, которой вы располагаете, может нам всем помочь. Так вам есть что сказать?

— Почти ничего, что может представлять практический интерес, — выдал из себя Брэндон и рассказал то немного, что знал.

— Лейтенант! — полковник повернулся к Джоди Циммерманн. — Надо обеспечить значительное усиление охраны тех лабораторий и шлюзов, где будет работать группа Армона. Но надо сделать так, чтобы это не бросалось в глаза. Речь идет только о шлюзах на территории Швейцарии. Я очень надеюсь, что сегодняшнее празднование годовщины Победы во Франции отвлечет их от наших мероприятий. Ясно?

— Так точно! — спокойно ответила Джоди. — Могу ли я рассчитывать на помощь со стороны Департамента обороны, Генштаба для усиления защиты объектов на поверхности?

— Да, конечно. Сколько объектов планируете задействовать?

— Шлюзы Босси и Колле, они оба в лесу, усиление их охраны не будет столь заметно, как в других местах, например в Мейране.

— Согласен. — Полковник повернулся к профессорам: — В лабораториях этих шлюзов вы сможете наладить работу группы? — Дени и Ален кивнули. — Хорошо. Продолжайте, лейтенант.

— Трансформаторные подстанции в Женто и Вернье. Пока все.

— Приступайте! Помните — полная секретность. Если есть малейшее сомнение — немедленно отстраняйте людей и докладывайте мне.

— Слушаюсь. Кто со мной свяжется?

— Лейтенант Диц, если его залатают в госпитале, либо капитан Ванцетти. Они оба в курсе происходящего, и я им полностью доверяю. Я дам необходимые распоряжения.

— А куда прикажете мне? — поинтересовался Брэндон.

— А вы сейчас поедете со мной. Хочу взглянуть на парней, убитых в Сатиньи и Муари, и вам показать — авось кого признаете. Есть вопросы?

— Разрешите, полковник? — выпрямилась Джоди.

— Да, лейтенант.

— Я считаю, что в любом случае необходимо доложить о происходящем Президенту Конфедерации.

— Несомненно, лейтенант. С вашего позволения это я возьму на себя. А теперь — за дело!

*08 мая 20... года, 09 часов 15 минут. Дом Правительства.
Москва, Россия*

— ...компьютерщики говорят уверенно — звонок был сделан из французского департамента Верхняя Савойя на мобильный швейцарский номер. Точнее сказать нельзя, разговор длился менее двух минут. Кроме этого, разговор представителя нашего европейского центра с исполнителем подтверждает эти выводы. Однако и в этом случае исполнитель был осторожен и прервал разговор не дожидаясь истечения двух минут.

— Что еще?

— Практически все. Эти сим-карты, к сожалению, не дают возможности прослушать разговор, но мы определили номер вызванного абонента.

— И кто это?

— Невозможно сказать со стопроцентной уверенностью, контракт оформлен на дирекцию ЦЕРНа, а значит, этим номером пользуется в служебных целях один из членов руководства центра.

Тарас Бруденко слушал доклад начальника управления связи Федеральной службы охраны и все больше мрачнел. Дело может обстоять даже хуже, чем он предполагал вначале. Если сим-карта активировалась, то, скорее всего, это сделал один из командиров группы.

Если бы задание было просто провалено — это одно. Хуже, что есть выжившие, и еще хуже, что эти выжившие продолжают теперь уже неподконтрольную Центру деятельность. Но самое ужасное — профессор с ними, причем не в качестве пленного! Что это может означать? Это может означать, что бандиты и профессор непостижимым образом спелись и начали действовать совместно. Какая у них цель? Что они хотят? Строят наполеоновские планы или просто скрываются? Но в любом случае они должны осознавать, что им одним, без серьезной поддержки крупного игрока, не позволят ничего сделать. Причем игрок этот должен быть очень серьезным, не менее чем европейского масштаба. Значит, они будут искать такого игрока. Кого? Они связывались с кем-то из ЦЕРНа, о чем это говорит? Черт знает что! Неужели придется расконсервировать «спящих»? Но они — только на крайний случай. А сейчас какой случай, обычный, что ли? Думай, Тарас, думай!

На столе зазвонил один из восьми телефонов, но вместо того чтобы снять трубку, Бруденко нажал кнопку на «Каскаде» и вызвал секретаршу.

08 мая 20... года, 07 часов 05 минут. Постоянное Представительство США при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве, Швейцария

Энтони Рассел, американский резидент ЦРУ в Женеве, сидел за столом в своем кабинете и сверлил взглядом собеседника — смертельно уставшего, не выспавшегося и голодного Макса Грубера.

— ...не считаю, что операция провалена. Мы получили подтверждение нашим предположениям: первое — прибор СИТ существует и работает; второе — Армон жив и действует совместно с О'Харой (один из трупов, обнаруженных на месте боя, опознан и принадлежит его помощнику Ричарду Шеннону); третье — чужие («Санта Клаус») существуют и охотятся за изобретением, — бубнил Макс.

— Ничего себе наборчик успехов! И что прикажете со всем этим делать? Отличная работа, ничего не скажешь! Прибор, видите ли, действует! Но у кого он действует? У нас? Нет! Профессор и О'Хара живы, но где они? Что они затевают, с кем вошли в контакт? И наше великое открытие века — «Санта Клаус» существует! Слава Богу, а я-то волновался, спать не мог, пузыри в подушку пускал! Но чужие не только существуют, но, как это ни странно, действуют сами по себе, не так как нам хочется, и их ло-

гика нам малопонятна и враждебна. Ох, Макс, чувствую, что нам придется собирать чемоданы. После такого доклада в Центр там быстренько примут соответствующее кадровое решение... по нам с тобой.

— Тони... ты же понимаешь, что силами нашей агентуры мы больше не в состоянии влиять на развитие событий. Необходимо привлечение новых сил и на совсем другом уровне.

— Куда ты клонишь, Макс?

— Пришло время «Сигмы», Тони.

— А третью мировую войну случайно не планируешь начать? Ты все сказал? Теперь слушай меня. Где ты хочешь, чтоб они действовали? В Швейцарии, во Франции? Ты представляешь себе последствия, если будет «утечка»? А если «Сигма» допустит реальное боестолкновение с ранеными, трупами, жертвами среди мирного населения, разрушениями? Это не скандал, это хуже... нет, лягушатники наверняка такой вой поднимут — уши заложит! Опять принципиально выйдут из НАТО или демонстративно войдут куда-нибудь, в какой-нибудь другой международный «орган». Ты ведь знаешь известное определение, характеризовавшее позицию Франции до ее возвращения в военную организацию НАТО? Нет? Так вот. Позиция французов по отношению к НАТО такая же, как у яиц: участвуют, но не входят. Да и сейчас они придерживаются ее. Швейцарцы тоже молчать не будут. Раздуют свое коронное про нейтралитет, несколько веков без войны... Правозащитнички всех мастей полезут, Гринпис, антиглобалисты, чтоб их всех приподняло и пришлепнуло! Я думаю, что даже направь мы подразделение «Сигмы» в Россию, воплей было бы меньше — наши с русскими покروшили бы друг друга на винегрет, президенты высказали бы друг другу свои озабоченности, пободались бы в ООН, и все вернулось бы на круги своя. А тут так не прокатит, не прокатит, Макс. Иди, готовь проект депеши!

— Я вставлю уровень «Сигмы», — упрямо скривил рот Макс.

— Черт с тобой, вставляй! Как вы мне все надоели со своими принципами и капризами! Привыкли рассуждать, ковыряя в носу, а как до дела доходит, то все профукиваете. Фантазеры, вашу мать! Иди, Макс, с глаз моих долой! Пусть мне сообщат, когда закончишь.

Субтильный Макс почил за благо без задержки выскользнуть из кабинета и направился в спецотдел постпредства. Посмотрев на часы, он с тоской осознал, что заказать кофе и

круассан сможет не раньше чем через полтора часа. Под ложечкой засосало.

08 мая 20... года, 09 часов 40 минут. Шлюз Колле, кантон Женева, Швейцария

«Рейндж Ровер» подкатил к мрачным сооружениям шлюза, больше похожим на капонир линии Мажино¹ времен Второй мировой войны. Метрах в двадцати, трудноразличимая в кустах, стояла бронемашина «Пиранья-2». Рядом с ней и около самого шлюза Брэндон насчитал семерых гвардейцев группы «Скорпион», один из которых был вооружен пулеметом «ФН Миними СПВ». Полковник вышел из джипа и направился к входу. Над бункером шлюза уже была натянута маскировочная сетка, скрадывавшая абрис сооружения и более гармонично вписывавшая его в окружающий живописный ландшафт.

Они вернулись из поездки по моргам Женевы и Сьерра, где Брэндон смог, как ему казалось, опознать один труп — судя по всему, это был Сэм, один из мелких агентов, привлекавшийся иногда НСС США для участия в несложных акциях. Но что это давало? Теперь с большой степенью уверенности можно сказать, что вторая группа, с которой они столкнулись и на базе, и в Сатиньи, это американцы. Ну и что дальше?

По поводу бойца, находящегося в коме, Брэндон не сказал ничего. Но он узнал Сержа.

— Брэндон! — вернул его к действительности голос Вогана. — Что вы там застряли?

Брэндон повернулся на каблуках и направился к ожидавшему его полковнику.

Пройдя КПП внутри шлюза, где кроме двух дежурных охранников теперь находились и двое спецназовцев, Воган и Брэндон вошли в скоростной лифт, который быстро доставил их на нулевой уровень коллайдера. Выйдя из кабины лифта и пройдя несколько десятков метров по сырым коридорам, они заглянули в просторную комнату, над дверью которой было обозначение: «Сектор «К», уровень 0, № 17». В комнате было сильно накурено и довольно душно. Рассевшиеся на стульях люди слушали человека в белом халате.

— Таким образом, я делаю вывод: необходимо сконцентрировать все наши усилия на изучении «гобоя», работая одновре-

¹ Линия Мажино — система французских фортификационных сооружений на границе с Германией. Построена в 1929–1934 гг. Длина около 400 км.

менно над воссозданием прибора СИТ профессора Армона. Поверьте, эти две параллельные прямые пересекутся, как в неевклидовой геометрии! Чужаками же должны заниматься не мы, а армия. Они враждебны, сейчас только мешают нам, и мы должны защищаться, — выступавший выждал паузу, осмотрел присутствующих и сел.

— Ничего себе! Мы в кои-то веки получили подтверждение и возможность контакта и... собираемся воевать? Не уверен, что это правильная позиция! — подал голос горбоносый пожилой ученый, что-то черкавший в своем блокноте.

Воган взглядом нашел Дюмона и кивком головы предложил тому выйти в коридор.

— Что это за дискуссии, профессор? Вы должны работать, а не заниматься всякой демагогией, словоблудием и пустобрехством! Кто разрешил? — накинулся в коридоре на профессора Воган.

— Стойте, стойте, полковник. Ученые не солдаты, они должны вникнуть в проблему, осознать ее, повертеть туда-сюда... В две минуты они вам не решат, что делать и как. И прошу не повышать на меня голос! Я на вашей стороне и делаю все, что в моих силах.

— Ну хорошо, хорошо. Извините. Что происходит?

— Научный диспут.

— И что он решит?

— Что нам делать в приоритетном порядке. Не волнуйтесь, полковник, все, кто сейчас в этой лаборатории, — здравомыслящие прагматики. Они примут правильное решение. Им просто надо дать немного времени, чтобы высказать свои точки зрения.

— Черт! И когда они примут решение?

— Минут через тридцать-сорок, не больше.

— Ладно... Вот что, профессор. Передайте им, что в целях их же безопасности им запрещено покидать сектор. Все необходимое им будет доставляться немедленно, по заявке. Здесь мобильники действуют?

— Нет.

— Вот и хорошо. — Воган повернулся, собираясь уходить, но Дюмон поймал его за локоть.

— Полковник, считаю, что эту информацию должны им сообщить вы сами. И не спорьте!

Воган сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев, поиграл желваками на щеках, но промолчал и решительно зашел в лабораторию.

Спустя пять минут из-за закрытой двери послышался гул недовольных голосов и возмущенные возгласы. Дюмон взглянул на Брэндона, стоящего поодаль, и усмехнулся.

За сорок минут, конечно, ученые мужи не смогли ничего решить — им на это потребовалось три часа. Но они определились...

— Как разобрать эту хрень? — вопрошал один из профессоров, склонившись над «гобоем». — Просканировать что ли сначала?..

— Стоп. Просканировать — обязательно. Но у меня есть знакомый, который может разобрать и собрать все, что угодно, — от мотора машины до авионики самолета, — вмешался другой ученый. — Эй, Армон! Ты сможешь вызвать сюда...

— Кого и когда угодно. Говори адрес и телефон, — мгновенно отозвался Дени.

Спустя два часа в подземельях ЦЕРНа появился необычный «экспонат» — долговязый длиннорукий, длинноволосый субъект лет тридцати в драных джинсах, сандалиях на босу ногу и давно не стиранной майке с трафаретом «Rammstein». В руках у него был металлический ящик для инструментов. Субъекта тут же прозвали хиппи.

— Разберешь? — спросил его Дени, показывая на «гобой». — Только имей в виду — это оружие, и его принцип действия нам неизвестен.

— Ни винтов, ни гаек, ни клепок... Блин! Кто собирал эту фигню? — удивился хиппи, но, повертев несколько минут в руках артефакт, сел за лабораторный стол, раскрыл свой саквояж с инструментарием и углубился в работу.

* * *

Профессор Дюмон сидел за пультом терминала супер-ЭВМ ЦЕРНа. Перед его глазами на дисплее мелькали графики и цифры, которые он мгновенно считывал. Рядом с ним сидел Армон, готовый к любым неожиданностям. Немного наклонившись, Дюмон спросил в микрофон:

— Паро-вакуумные насосы отработали свое? Что? Какая концентрация вещества в трубе? Десять в минус тринадцатой степени миллибар? Сколько еще надо для идеала? Быстрее, черт возьми!

— Месье, вакуумные ловушки с трудом справляются с такой нагрузкой! Вымораживание на пределе! — прохрипело из небольшого динамика.

— Продолжать! Подключить резервные криогенные насосы!

— Продолжаем, но зафиксирована утечка жидкого гелия в секторе М-23!

— Все равно — работаем! Утечка серьезная?

— В пределах пяти граммов в минуту на тридцать пятом супермагните.

— Ерунда. Продолжайте.

Большой адронный коллайдер постепенно, как маховик гигантского мотора, начинал раскручиваться. Он медленно просыпался, как колоссальных размеров молох. Молох, который будет, возможно, способен воссоздать условия возникновения Вселенной... И тогда... Кто знает?

В обычном режиме для вывода его на рабочую мощность требуется не менее трех недель. Сейчас же, когда раскрутка началась двенадцать дней назад, для подготовки и проведения планировавшегося тогда эксперимента, было необходимо обеспечить требуемую вакуумную глубину выморозки рабочей части трубы и накопить нужную энергию. Все это не так просто, как кажется с первого взгляда. Но в экстренном режиме — в том, в котором сейчас работали коллеги Дюмона и Армона, можно было попытаться завершить подготовку за сутки — двое.

— Свяжите меня срочно либо с Паломарской, либо с Бюраканской обсерваторией. Если Паломар, то буду говорить с доктором Эвансом, если Бюракан — с профессором Арутюняном, — неожиданно попросил Армон.

— Сейчас, профессор, сейчас, сейчас... Готово! Говорите, на связи Бюракан!

В динамиках щелкнуло, и послышался далекий голос:

— Арутюнян. Слушаю вас.

— Ашот, здравствуй! Это Армон, если помнишь такого.

— Дени? Сколько лет, сколько зим! Рад тебя слышать, старина. Очень рад. Как продвигается твоя работа по тесловскому наследию? Надеюсь, успешно? Чем обязан в этот раз? Ведь ты, хитрец, никогда не звонишь просто так? Всегда тебе что-то надо от старины Ашота.

— Все верно, Ашот. У меня к тебе конфиденциальная просьба.

— О как! Ну, кто бы сомневался. Я весь внимание.

— Задача не из простых. Более того, я не уверен, что ты сможешь выполнить мою просьбу по чисто техническим причинам. Но ты единственный, кто реально может помочь. Я рассчитываю на тебя, Ашот.

— Не тани резину, Дени, выкладывай!

— Мне необходимо, Ашот, чтобы ты организовал тотальное сканирование неба Земли с помощью оптики, радио и что там у вас еще есть. Тебе придется привлечь к этому многие обсерватории мира — сканирование должно быть только стопроцентным. Можешь объяснять свою просьбу чем угодно, но не ссылайся при этом на меня и на ЦЕРН. Хорошо?

— Зачем это надо? — спустя долгую паузу донеслось с Кавказа, — что мы будем искать?

— Какое-нибудь необычное атмосферное или иное возмущение в околоземном пространстве. Скорее всего, искусственное...

— Дени, ты это серьезно? Может Спилберга с Лукасом посмотрелся?

— Ашот, серьезней некуда. Есть очень веские основания полагать, что над Землей барражирует НЛО. Нет! Я неверно выразился — корабль чужих. Я не шучу, Ашот. Поверь мне. Дело приобрело критический оборот. Настало время принятия серьезных решений.

Повисла мучительная пауза, затем в трубке проворчало:

— Дени, если бы мне это сказал кто другой, я бы посмеялся, ей-богу. Но тебе верю. Хорошо, говори, как мне с тобой связаться, если потребуется?

Часть 2

Звездные войны

Глава 1. Станция

8 мая 20... года, 13 часов 30 минут по Гринвичу. Космическая станция МКС, 343 километра над поверхностью Земли

Астронавт Тони Грэгсон, бортинженер экипажа МКС-29, добрался наконец до новейшей лаборатории «Купол», поочередно открывая и вновь закрывая за собой герметичные люки жилых, служебных и научных модулей, которых было уже пристыковано к станции немало. Лабораторный модуль «Купол» был скорее похож на небольшую смотровую площадку и являлся цилиндром диаметром 4 и длиной 8 метров. Один конец модуля был оснащен стыковочным узлом и крепился к модулю жизнеобеспечения «Нод-3», а вот другой... Другой конец модуля представлял собой прозрачную сферу из сверхпрочного сапфира-углеродного стекла, откуда открывался совершенно фантастический вид космического пространства, Земли и Луны. «Купол» был также оснащен небольшим, но достаточно мощным

телескопом-рефлектором и пультом управления наружными манипуляторами. Внутри, как и на всей станции, было тесновато, но для двух человек места вполне хватало. Напротив пультов управления различной астрономической техникой располагались два небольших ложементов, которые использовались экипажем в случаях небольших коррекций орбиты и при стыковке с прибывающими на станцию кораблями. В модуле Тони был один — их, астронавтов, на станции дежурило четверо, но работы хватало каждому. Попав на МКС, он с удивлением обнаружил, что свободного времени, кроме как для сна и приема пищи, практически нет. График проведения экспериментов, исследований, других научных изысканий, а также мероприятий по поддержанию и проверке работоспособности различных систем и узлов станции был сверхплотен у всех членов экипажа. Рухнули его надежды ежедневно вести записи в дневнике. Придя со смены и поев в компании коллег, он буквально валился с ног, если это выражение применимо в условиях невесомости. Но эксперименты по наблюдению Земли, Луны, далеких и сверхдалеких космических объектов, которые выполнялись в «Куполе», всегда нравились Тони. Некоторые исследования, проводимые на станции, были на первый взгляд настолько «земными», что иногда забывалось, что ты находишься в космосе, и только невесомость возвращала к реальности. Но в «Куполе» все было по-другому. Панорама Вселенной и Земли завораживала и притягивала к себе. Создавалось ощущение причастности к вечности и к неразгаданным тайнам космогонии...

Проплывая между двумя небольшими иллюминаторами, Тони задержался у того, который смотрел на станцию. Первое, что делали, попав в «Купол», — осматривали доступные взгляду внешние панели модулей, ферм и пластины солнечных батарей МКС на предмет внешних повреждений. Внимательно оглядев станцию, Тони оторвался от иллюминатора и подплыл к стеклянному своду. Он пристегнул к комбинезону несколько ремешков, которые позволяли ему не отлетать далеко от рабочего места при неосторожном движении, щелкнул тумблерами, бросил взгляд на осветившиеся приборы и замигавшие индикаторы и проговорил в интерфон:

— Алекс, это Тони. Я в «Куполе». Системы работают нормально. Давление в норме. Наружный осмотр — норма. Приступаю к наблюдениям.

— Понял тебя, Тони. Успехов, — ответил командир экипажа,

русский космонавт с двенадцатилетним стажем и двумя космическими экспедициями за плечами, Алексей Богатырев.

Тони подождал, пока раскроются противометеоритные шторы, и потратил несколько минут на созерцание ночной Земли (они в эти минуты облетали ночную сторону) и необычайно ярких звезд, переливавшихся алмазами на угольно-черном фоне Вселенной. Ну, пора начинать. Астронавт запустил программу управления телескопом, вставил в компьютер флэшку с координатами и временем сегодняшних наблюдений и приник к монитору.

Спустя несколько часов, просматривая очередную серию снимков, Тони был удивлен фотографией поверхности северной части Атлантики. Сначала ему показалось, что над самой поверхностью океана почти незаметно для глаза раскручивается гигантская воронка тайфуна. Тогда он сделал еще несколько снимков при различной поляризации. Нет, это действительно не на поверхности, это в атмосфере. Тони защелкал клавишами. Ага! Похоже, что-то происходит в термосфере в районе линии Кармана¹. Но что это такое там происходит? Станция отлетела от подозрительного участка Атлантики уже на большое расстояние, и новые фотографии можно будет сделать через полтора часа, когда аппарат снова пролетит над этим местом. Может, и к лучшему, подумал Тони, будет время подготовиться серьезно.

Через полтора часа Грэгсон снова недоуменно всматривался в монитор. Ни черта не понятно, что это за образование. Более того, невозможно точно определить высоту наблюдаемого феномена: от тридцати до ста километров. Ничего себе разброс!

— Алекс, Тони на связи.

— Как дела, Тони? Завершаешь?

— Алекс, над северной Атлантикой обнаружено необычное, возможно атмосферное, явление. Высота точно не определяется; может находиться в районе линии Кармана. Прошу...

— Тони, а не может это быть северное сияние? Оно же формируется именно на этих высотах.

— Нет, совсем не похоже, ничего общего. К тому же из космоса такие явления почти не видны. Алекс, прошу разрешения на использование дополнительной мощности.

¹ Линия Кармана — высота над уровнем моря, которая условно принимается в качестве границы между атмосферой Земли и космосом. Находится на высоте 100 км. Название получила по имени американского ученого Теодора фон Кармана.

— Что хочешь предпринять, Тони?

— При фотосъемке одновременно применить наш бортовой лазер для изучения атмосферы.

— Переориентация станции потребуется?

— Нет. Феномен в секторе работы лазера.

— Хорошо, согласен. Кстати, мы этот лазер еще толком и не опробовали, так что действуй. Предупреждение об импульсе за десять, пять и одну минуту. За двадцать секунд — обратный отсчет!

— Понял тебя, Алекс.

— Сейчас сообщу по общей связи всему экипажу.

Когда станция вновь приблизилась к месту атмосферного феномена, Тони был полностью готов. Телескоп и лазер были синхронизированы, камера телескопа приведена в режим видеосъемки с разными вариантами поляризации.

В течение последнего часа с ним неоднократно связывались члены экипажа Пьер Барсак и Ронни Белл. Они живо интересовались его открытием и с нетерпением ждали эксперимента. Ронни даже хотел приплыть в «Купол», но работа по отладке внешнего капризничающего японского манипулятора требовала его присутствия в дальнем модуле. Через два дня они ожидали прибытия грузовика «Прогресс», и к тому времени манипулятор должен работать.

Тони включил общую связь и начал обратный отсчет.

— ...два, один, ноль!

Лазер успел дать три импульса...

МКС тряхнуло. Погас монитор, потухли приборы, и включилось аварийное освещение.

— Всем осмотреться в отсеках! Доклад! — прозвучал голос Алекса по внутренней связи.

— Это Пьер, модуль «Дестини», нет электропитания, кроме аварийного, видимых повреждений нет, давление в норме...

— Это Ронни, модуль «Кибо» — идентичная картина, манипулятор опять заело.

— Это Тони, модуль «Купол» — работает аварийное электропитание, повреждений внешних панелей, обшивки, ферм и фотоэлементов станции не наблюдаю, давление нормальное. Продолжаю осмотр.

— Пьер, немедленно переходи в модуль «Нод-3» и попробуй оценить работоспособность систем обеспечения. Ронни — ко мне в модуль! Тони, продолжай внешний осмотр и попробуй определить, что случилось, — жестким голосом приказал Алекс.

Минуту спустя начали оживать некоторые приборы. Тони сквозь стекло сферы до рези в глазах рассматривал внешние панели станции и вдруг замер — все маневровые двигатели работали!

— Алекс, это Тони. Работают все маневровые двигатели, что в поле моего зрения!

— Понял. Отключаю.

Прошло несколько секунд.

— Алекс, они продолжают работать.

— Черт! Пробую еще раз!

Но попытки Богатырева ни к чему не приводили, маневровые двигатели продолжали работать. Топлива в них было не так уж много — на пять-семь минут работы максимум. Неприятно другое — они потеряют возможность ориентировать станцию до прилета «грузовика», а это сопряжено со многими трудностями и неприятностями.

— Алекс, двигатели третий, четвертый, пятый и шестой отключились. Первый и второй продолжают работать.

— Бензин кончился, — послышалось в ответ с холодным смехом.

— Это Пьер, я в «Нод-3». Начинаю перезагрузку систем.

— Давай, Пьер, давай.

Шли секунды, десятки секунд, а два двигателя продолжали работать. В «Куполе» засветился монитор и запустился компьютер. Погасло аварийное освещение, включились почти все приборы.

— Алекс, это Пьер. Системы перезапущены. Выходят на штатный режим.

— Хорошо, Пьер. Оставайся пока там.

Наконец Тони увидел, что двигатели «сдохли». Но только он собрался сообщить об этом, как его внимание привлекло другое — станция заметно потеряла стабильность и явно начала медленное вращение вокруг собственной оси со сложной конфигурацией. Так вот откуда легкое головокружение, которое он почувствовал!

— Алекс, это Тони. Двигатели выключились, но станция начала вращение!

— Тони, продолжай наблюдение.

Связавшись с ЦУПом, Алексей сжато изложил ситуацию. Ответил главный оператор ЦУПа Владимир Погодин:

— Алексей, на связи Погодин. Мы все видим по телеметрии. МКС получила небольшое боковое ускорение — не во всех двигателях было одинаковое количество топлива, и это привело к

медленному кувырканию. Сейчас мы попробуем просчитать, сможете ли вы исправить положение с помощью корректирующих двигателей.

— Хорошо, Володя. А что случилось?

— Вас зацепило каким-то мощным импульсом излучения. Сейчас проверяем. Ваша скорость немного снизилась, и это следствие импульса.

Тони слышал переговоры с Землей, так как Алексей не отключил общую связь. Тряхнув головой, будто сгоняя сон, он снова застучал по клавиатуре компьютера, вызывая на монитор последние фотографии. Электроника работала, но со сбоями и постоянно тормозила. Минуты через две запрашиваемый файл раскрылся. Не веря своим глазам, Тони всматривался в снимок и не мог оторваться. В месте атлантического феномена, при активации первого импульса лазера МКС, проявилось материальное тело, скрытое до этого искусственным атмосферным возмущением. Изображение на экране не требовало особых комментариев — это был объект темно-серебристого цвета сферической формы, отдаленно напоминающий перевернутую тарелку! В другой раз Тони с удовольствием посмеялся бы над «фотографом», создавшим подобный фотошедевр для апологетов уфологии, но сейчас было не до смеха — шедевр был его. Всегда собранный и четкий в реакциях, Тони висел в пенале «Купола» в трехстах километрах над Землей, смотрел на экран монитора и, наверное, впервые в жизни не знал, что надо делать. Наконец, стряхнув оцепенение, он проговорил:

— Алекс, тут такой косяк... Лови на свой монитор картинку. Трудно поверить, но, похоже, это «Санта Клаус», — и переслал фото Богатыреву.

— Что там? — слышались взволнованные голоса Ронни и Пьера. Тони сбросил снимок и коллегам на мониторы.

— Центр! Пересылаю фото. Жду указаний, — выпалил Богатырев и замолчал.

Через несколько секунд затих и ЦУП. Видавшие многое на своем веку руководители международной космической программы «Орион» с неподдельным удивлением начали просматривать материал, отснятый Тони в течение двух с половиной секунд. Но и этого вполне хватало, чтобы понять — на Земле наступила новая эра. Эра осознания своей ординарности, а не исключительности, эра тяжелых уроков и трудного познания, эра отказа от привычного и попыток приобщения к вечному...

Генерал Кременцов и полковник Рейли первыми пришли в себя и бросились к спецтелефонам — один звонил в Кремль, другой в Белый дом. Набрал номер на своем мобильном и всегда подтянутый и одетый с иголки полковник Блан — как не доложить в Елисейский дворец?

— Видео? — деловито осведомился руководитель научной части программы «Орион» доктор Ванхаймер. Уроженец Цюриха, этот швейцарец ничем не отличался от своих соседей-немцев — был предельно лаконичен и точен.

— Тони, видео? — переадресовал вопрос командир.

— Конечно, доктор! — откликнулся Тони. — Не обижайте...

— Немедленно сюда! — скомандовал швейцарец.

— Извините, доктор, — прервал Ванхаймера Погодин. — Алексей, мы тут подсчитали. Сейчас перегоним вам на комп программу выхода из вашего кувырка, все будет о'кей! Но есть один неприятный момент — МКС потеряла скорость, и два двигателя, работавшие дольше других, прижимали ее к Земле. Короче, потеряв немного скорости и получив незначительный вертикальный импульс, станция начала терять высоту со скоростью 1,1 метра в секунду.

— Неужели за какие-то секунды движки разогнали трехсоттонную станцию до такой скорости? — с недоумением спросил Богатырев.

— Ну, во-первых, скорость не ахти какая. С такой скоростью лифты в жилых домах работают. А во-вторых, двигатели первый и второй работали не несколько секунд, а почти восемь минут. Из этих восьми пять минут все двигатели работали одновременно и взаимокompенсировали тяги. Но после выключения третьего, четвертого, пятого и шестого почти ровно три минуты два двигателя создавали тягу, работая на понижение орбиты, и этого оказалось достаточно, чтобы придать эту вертикальную скорость.

— Это сильно осложнит наш полет? — спокойно спросил Богатырев.

— Да, Алексей, боюсь, что да.

— Алекс, с вами говорит профессор Сертиз, — вмешался в разговор трескущий старческий голос, принадлежащий заместителю руководителя космической программы «Орион», американцу Дональду Сертизу. — Вам надо активировать пустотные скафандры. Скорее всего, придется применить баллистическую посадку в спасательной капсуле.

— Минуточку, а станция, профессор?!

— Или ваши жизни, командир. Через двое суток, к моменту

подхода грузовика «Прогресс», потеря высоты составит более ста девяноста километров. Это уже в критической близости к линии Кармана. Фактически, это уже почти линия Кармана. В этом высотном коридоре вам будет крайне сложно, если вообще возможно, произвести стыковку. А без стыковки, вы не сможете дозаправить маневровые двигатели и остановить падение станции. Минуточку! Алекс, подожди, Хьюстон на связи... — перебил себя профессор. — Так, так, понял, Стив. Спасибо!.. Алекс, Хьюстон сообщает, что будет готов отправить шаттл «Констеллейшн» через трое суток, не раньше. Нет, это не выход!

— Автоматический режим? — встрял Ванхаймер.

— Стыковка с грузовиком в автоматическом режиме, без подстраховки экипажа станции? Нет, это тоже не выход! Велика вероятность ошибки, которую некому будет исправить. Подстраховка из ЦУПа малоэффективна. Но не может быть, чтобы не было решения. Профессор, задайте работу вашему коллективу! — не сдавался Богатырев. — Ведь какое-то время еще есть. Например, у нас имеются два американских скафандра «Базальт» и четыре российских «Орлана». Они опробованы, проверены. Запас кислорода в автономном режиме в американских — восемь часов, в российских — семь. При необходимости и те и другие оборудованы системой «подвесных» баллонов, продляющих жизнеобеспечение систем до десяти — максимум двенадцати часов. И дело вовсе не в кислороде, его можно взять и больше, дело в батареях скафандров — через двенадцать часов они гарантированно разрядятся. Реактивными ранцами оснащены «Базальты». «Орланы» — только маневровыми пиропатронами. Есть экспериментальный норвежский скафандр «Викинг». По заводским характеристикам термоизоляции и герметики он немного лучше, а по энерговооруженности — лучше вдвое. Его двигательная установка, по идее, мощнее в три раза «Базальтов». Но никто его еще не испытывал...

— Вы это к чему, сэр? — растерялся профессор Сертиз.

Тони слушал этот диалог и чувствовал, как у него холодный пот струйками побежал по спине. Что задумали на Земле? Что задумал Алексей? Что происходит, черт возьми?

— Экипаж, говорит командир, — прошкворчали динамики. — Приготовиться к активации программы ориентации. Пьер, переходи в стыковочный модуль «Звезда» и готовь скафандры к возможному выходу. Тони — в «Нод-3». Бегом! Ронни, запускай программу! Даю обратный отсчет!

Тони судорожно дернулся, оглядел всю панель приборов, дезактивировал накачку лазера и управление телескопом, включил режим пассивного ожидания и, отстегнув держащие его ремешки, легко направил свой полет в сторону гермолюка, соединяющего «Купол» с модулем «Нод-3». На прозрачный свод стали медленно надвигаться противометеоритные шторы, закрывая грандиозный космический пейзаж.

Замок гермолюка поддался легко, открылся, впустил Тони в «Нод-3» и закрылся за ним с легким всасывающим хлопком. Оказавшись в модуле, Тони огляделся, нашел рудиментарный ложемент перед пультом систем жизнеобеспечения, устроился в нем и пристегнулся. Убедившись, что все системы работают в штатном режиме, он доложил:

— Алекс, это Тони. Я в «Нод-3». Системы в норме.

— О'кей.

В это же время в модуле «Звезда» Пьер Барсак спешно готовился к расконсервации пустотных скафандров.

— Алекс, это Пьер. Какие готовить и сколько? Два?

— Готовь два «Базальта» и «Викинг». От «Орланов» приготовь пиропатроны.

— Алекс, готов к коррекции, — произнес сидящий рядом с командиром Ронни.

— Всем закрепиться в отсеках! Земля, начинаю обратный отсчет!

Тони теперь не мог наблюдать за работой двигателей, он лишь ощутил появление слабой силы тяжести, вектор которой постепенно менялся. Появилось неприятное ощущение медленного переворота через спину. Показатели приборов систем жизнеобеспечения были в норме. Спустя две минуты сила тяжести исчезла.

— Завершение маневра! — это рывкнул Ронни, сидящий в легком ложементе рядом с Богатыревым.

— Земля, визуально наблюдаю прекращение кувыркания. Подтвердите, — прозвучал голос командира.

— Сейчас, Алексей... Да, подтверждаем, коррекция прошла успешно... Но, э-э...

— Володя, ну что там еще? — нетерпеливо перебил Богатырев.

— Увеличилась скорость падения, Алексей. Не намного, но все же, — виновато проговорил оператор.

— В абсолютных цифрах?

— До 1,2 метра в секунду. И использовать корректирующие

двигатели больше нельзя. В них топлива — только-только для стыковки с грузовиком. Причем едва хватит на две попытки. Сейчас мы пытаемся выяснить, насколько можно ускорить пуск «Прогресса».

— Прямо как на лифте спускаемся... — это пробормотал Ронни.

— Господин Богатырев, вы к чему говорили о скафандрах-то? Что у вас за идея? — опять проявился профессор Сертиз.

— Действительно, что у вас на уме? — поддакнул Ванхаймер.

— Да вот, вспомнил картину художника Репина «Бурлаки на Волге».

— Что-что? Что такое бурлаки? Репин? Не понимаю...

Стало слышно, как кто-то на английском языке объясняет американцу и швейцарцу про бурлаков и Илью Репина. Спустя минуту вновь прорезался голос Сертиза:

— А-а, я, кажется, понял. Спасибо... Что ж, оригинально. Тянуть станцию своими же реактивными ранцами вверх, приподнимая ее. Да-а... А мне, извините, командир, почему-то больше импонирует сравнение с бароном Мюнхгаузеном, когда он на лошади в болоте тонул. Ну да ладно, сейчас мы просчитаем, выйдет из вашей затеи что-нибудь или нет. Я временно отключаюсь, командир, до связи!

— Считайте быстрее, профессор, мы ждем! Пьер! Как там скафандры?

— Алекс, я активировал программу для двух «Базальтов», «Викинга» и, на всякий случай, одного «Орлана». Пока все идет нормально, сбоев нет. Думаю, через два часа «Орлан» и «Базальты» будут в кондиции. Насчет «Викинга» пока затрудняюсь сказать точно, но тоже порядка двух часов. Пиропатроны подготовил.

— Отлично, Пьер! Ронни, иди готовь шлюзовую камеру четвертого стыковочного модуля и помоги Пьеру проверить и приготовить дополнительные баллоны с воздушной смесью. Ронни, кстати, сколько могут работать реактивные ранцы «Базальтов» при полной тяге?

— Восемь — десять минут, Алекс, не больше, при тяге в 0,12 тонны.

— А «Викинг»?

— Заводская характеристика — не менее двадцати пяти минут. Да и тяга по ТТХ мощнее почти в три раза — 0,32 тонны. Но это — на стенде в лаборатории. На практике, в открытом космосе, — кто знает...

— МКС! Вы уходите в тень! Связь через тридцать минут.

Отбой, — сквозь все более сильные помехи прорвался и исчез голос Погодина.

— Понял, Земля, отключаюсь.

Над головой Богатырева погас небольшой монитор видеосвязи с ЦУПом, затихли шумы в динамике. Воцарилась тишина, прерванная спустя несколько долгих минут спокойным голосом командира:

— Ну, и что это было, джентльмены?

Экипаж загалдел одновременно, как в курятнике.

Глава 2. Вакуум

— Таким образом, имеется шанс если не остановить потерю высоты, то, по крайней мере, значительно замедлить скорость падения. Это позволит в более или менее штатном режиме состыковаться с МКС грузовой «Прогресс», дозаправить станцию и попытаться откорректировать орбиту. Если не получится, то шаттл «Констеллейшн» поможет внести окончательную корректировку по высоте. Какие новости из Хьюстона? — профессор Сертиз нашел глазами своего ассистента.

— Взлет с мыса Канаверал планируют через шестьдесят восемь часов, профессор!

Дональд Сертиз положил мел, вытер влажной губкой руки, отошел от доски, исписанной формулами, и обвел усталыми глазами небольшой зал, в котором собралось около тридцати ученых и инженеров программы «Орион». Кроме них присутствовали представители космических агентств основных стран — участниц МКС: ESA (Европейский Союз), CSA (Канада), JAXA (Япония), NASA (США) и Роскосмоса. Чуть в стороне на треноге стояла видеокамера, и рядом с ней светились четыре больших экрана, обеспечивая прямую видеоконференцию с несколькими космическими центрами Земли: Хьюстонским (мыс Канаверал), Лонг-Бич (океанский стартовый комплекс «Sea Launch»), Гвианским (космодром «Куру») и Плесецким.

— Прошу высказываться, коллеги, — произнес профессор и сел.

В зале поднялся легкий гул — ученые обменивались мнениями, кто-то делал расчеты на бумаге, кто-то тыкал пальцами в клавиши научных калькуляторов, но выступать никто не спешил. Сидевший рядом с Сертизом доктор Ванхаймер снял очки, протер стекла, водрузил оправу обратно на нос и, хищно повернув голову налево и направо, выстрелил:

Дискуссия закончена?

Все молчали.

— Все это очень интересно, господа ученые, даже занимательно. Будто читаю Жюль Верна в русском переводе, — едко доносилось из зала. Говорил полковник Рейли, одновременно листая блокнот, лежащий у него на коленях. — Только идя на поводу русского менталитета, можно представить себе такое. Додуматься вручную таскать с орбиты на орбиту космическую станцию! Это вам что, тачка с песком? Какие колледжи вы оканчивали, господа ученые? Какие оценки получали в школе? Да это то же самое, что пытаться буксировать авианосец африканской пирогой! Выбросьте эту идею из головы. Необходимо, вместо озвучивания пустопорожних идей, придумать настоящий, серьезный, научно обоснованный план спасения станции. Я категорически против вашего нелепого предложения. Это — потеря времени, а значит, проигрыш и гибель МКС.

— Понятно, — сказал слегка озадаченный Сертиз. — Вернее, совсем непонятно. А что вы предлагаете делать? Ну же, смелее. Я хочу услышать ваши предложения. Молчите? Ясно. Кто еще хочет высказаться?

— Позвольте? — прозвучало с монитора, транслирующего группу ученых на космодроме «Куру». — А мне сдается, что расчеты близки к истине, и попробовать стоит. В любом случае это шанс. Ну а экипаж, если будет неудача, использует спасательную капсулу и совершит баллистический спуск. Ничего не поделаешь.

На экране было видно, что все стоящие вокруг говорившего молодого человека в халате одобрительно закивали.

— Команда Sea Launch поддерживает эксперимент с использованием тяги пустотных скафандров. Предлагаем окончательно определиться самому экипажу. Ведь рисковать будут они, — доносилось из Лонг Бича.

— Хьюстон? — повернувшись к экрану, спросил Сертиз.

— Придется поддержать вашу авантюру, черт возьми! Хотя лично мне это напоминает ремонт бритвы посредством ее битья о паровую батарею! — проворчал Стив Варсон, руководитель НУПа в Хьюстоне.

— Плесецк?

— Поддерживаем... хоть и не очень нравится мне все это, — проговорил директор космодрома Царев.

— Можно подумать, что все в восторге от сложившейся ситуации, — едко заметил кто-то.

Это еще не все.

— Продолжайте, Плесецк.

— Мне только что доложили... В аварийном режиме готовится «Клипер—3М». В отличие от частично многоцветного «Клипера-1», эта модификация полностью многоцветная, трехместная, с герметичным грузовым отсеком, стыковочным узлом и кессонной камерой. Монокок кабины достаточно большой, в нем располагаются три противоперегрузочных ложемента и два спальных места для экипажа, свободного от вахты. При необходимости спуск аппарата можно производить с пятью космонавтами на борту, двое из которых закрепятся на спальных местах. В любом случае это намного безопаснее баллистического спуска в спасательной капсуле. Еще один момент. Переход экипажа МКС на «Клипер» возможен без стыковки — кессон способен принимать по два космонавта одновременно каждые двадцать пять минут. То есть переход экипажа можно произвести в штатном режиме за один час. Опытный пилот у нас есть.

— Сроки готовности «Клипера» к старту?

— Сейчас... — Было видно, как Царев отвернулся от камеры и что-то спрашивает у одного из своих сотрудников. — Понятно... понятно. Профессор, мои спецы обещают максимально разгрузить «Клипер», оставив лишь все необходимое для систем жизнеобеспечения. Тогда, в облегченном варианте, с одним пилотом на борту, запуск можно будет произвести с самолета-матки, без подготовки разгонного блока ЖРД «Фрегат», а использовать уже полностью готовые к старту твердотопливные бустеры «Мезон», аналог ваших «Скайлифтов». Правда, со времен «Бурана» мы такие запуски не практиковали, придется монтировать на транспортник-матку специальные направляющие и закреплять на них «Клипер». По времени реален срок... двадцать-тридцать часов, плюс подлетное время — еще три-четыре часа. Не больше.

— Господин Царев, прошу вас продолжать подготовку «Клипера» — это очень важно. Думаю это реальный шанс на благополучное возвращение экипажа МКС в случае неудачи с ручной буксировкой. Спасибо, это хорошая новость.

— Господин Царев, — влез в разговор Ванхаймер. — Поставьте на «Клипер» дополнительно пару малых бустеров класса «Элевейтор». Конструкция позволит?

— Да, доктор, позволит. Согласен, подвесим на всякий случай два разгонных блока «Протон», мало ли что, тем более что весит они всего по сто пятьдесят килограммов каждый.

— Владимир, — обратился к Погодину профессор Сертиз. — Как у нас со связью? Можете соединить с МКС?

— Да, уже могу!

* * *

— ...чем согласованнее будет работа всех троих, тем выше результат. Главное, постараться соблюсти единый вектор усилия. Я считаю, что шансы замедлить, а то и вообще прекратить падение станции, очень высоки, — говорил профессор Сертиз. — И это не только мое мнение. Практически все считают, что попробовать стоит. Тем более что у нас есть еще одна хорошая новость. Русский «Клипер-3М» будет готов стартовать через сорок часов. К моменту его подлета у вас еще будет достаточный запас высоты даже в случае неудачного «ручного» перемещения станции. Однако все считают, что окончательное решение должно быть за вами. — Профессор замолчал и откинулся на спинку стула.

— Мы обсудили этот вопрос и готовы попытаться перетащить станцию. — На мониторе связи был виден Богатырев, а из-за его плеча медленно всплывал Белл. — В космос выйдут Пьер, Тони и я. На МКС остается Ронни. Мы с Тони возьмем «Базальты», а Пьер, который лучше нас знаком с норвежской моделью, — «Викинг». С вашего разрешения приступим к подготовке.

— Алексей, Царев говорит.

— Да, Иван Петрович! Слушаю вас.

— Алексей, судя по всему, к вам полетит Сергей Григорьев на «Клипере». Ты его хорошо знаешь. Если потребуется доставка оборудования или чего там еще, связывайся со мной без промедления! Успеха!

— Ну, с Богом! Приступайте, Алекс. Успеха! Мы на связи, — закончил Сертиз.

* * *

Первым высунулся из люка кессонной камеры Богатырев. Несмотря на весомый опыт полетов в составе экипажей МКС, это был его первый выход в открытый космос. От развернувшейся бесконечности перехватило дыхание, показалось, что...

— Алекс, не выбирайся наружу, не закрепив страховочный фал!

Громкие слова Ронни вернули его к действительности. Он не только пошарил по складкам скафандра руками в толстенных жестких перчатках, нащупал тонкий фал и пристегнул карабин

к наружной скобе комингса люка. После этого медленно «вывинтился» наружу и всплыл над (или под — трудно сказать) модулем.

— Ронни, все нормально, я снаружи, закрепился. Задраиваю люк!

— О'кей! Тони, готовься — ты следующий.

— Понял, Ронни.

Богатырев закрыл массивную крышку люка и запер ее. Теперь пройдет не менее пятнадцати-двадцати минут, пока появится Тони. Можно осмотреться, еще раз проверить системы скафандра и изучить на предмет повреждений ближайшие детали внешнего корпуса станции.

Хватаясь руками за различные монтажные детали корпуса, он начал медленно продвигаться в сторону основной оси МКС, сформированной из нескольких десятков ферм и модулей. На «носу» и «корме» раскинули свои многометровые крылья пластины солнечных батарей. Вскоре Богатырев почувствовал, что порядком замерз — МКС пролетала над ночной стороной Земли, погрузившись в ее тень. Пришлось включить обогрев скафандра. Добравшись до центральной монтажной фермы, он пристегнул карабином к скобе второй фал, а первый отстегнул от скафандра и тоже прикрепил к скобе рядом. Теперь его коллегам будет достаточно надеть страховочное кольцо на закрепленный им трос и по нему быстро добраться до монтажной фермы.

— Ронни, фал закрепил.

— Понял, Алекс.

В тени Земли было очень темно, и даже ксеноновый фонарик на шлеме и светодиодный на грудном щитке скафандра не особо выручали. Вдруг Богатырев почувствовал, что натянутый им между шлюзовым модулем и монтажной фермой фал дрогнул. Судя по всему, из люка выбирался Тони, что и подтвердилось спустя секунду голосом в наушниках:

— Тони, закрепи страховочное кольцо на тросе!

— Сделано. Задраиваю люк.

— Пьер, к выходу!

— Понял, Ронни.

В нескольких метрах от Богатырева проступили очертания громоздкой фигуры в скафандре. Космонавт медленно перебирал руками трос, но уверенно и довольно быстро приближался к монтажной ферме. Оказавшись рядом с командиром, Тони закрепил свой фал на корпусе станции и отстегнул страховочное кольцо.

— С прибытием, — усмехнулся Богатырев.

— Хай! — ответил Тони.

— Пьер, у нас на связи постоянно будет находиться главный инженер проекта «Викинг» Олаф Свенссон. Если будут заморочки со скафандром — задавай вопросы, он уже в эфире.

— Здравствуйте, Пьер! — послышался приятный мужской баритон. — Это Олаф. Готов ответить на все ваши вопросы.

— Спасибо, Олаф. Но пока, слава Богу, все идет нормально. Выбираюсь из шлюза.

— Пьер! Страховочное кольцо! — напомнил о себе Богатырев.

— Закрепился, люк задрал. Плыву к вам, ребята.

Когда вся «буксировочная» команда оказалась в сборе, Ронни скомандовал:

— Всем закрепить по два фала на корпусе! Готово? Отстегнуть страховочные кольца! Заблокировать инерционные катушки фалов!

В это время станция вынырнула из земной тени, и глазам Ронни и всех находящихся на связи со станцией на Земле предстала захватывающая видеокартинка: три могучие фигуры космических рыцарей, облаченных в тяжелые пустотные доспехи, стояли в ряд на монтажной ферме МКС. От пояса каждого к корпусу тянулись по два тонких троса. Средняя фигура была немного выше и шире в плечах своих товарищей — это был Пьер в «Викинге».

— Приготовить двигатели к работе!

— Готово!

— Ослабить блокировку катушек фалов! Дать самую малую тягу!

Три космонавта медленно воспарили над корпусом фермы.

— Стоп! Заблокировать фалы! Начинаем ориентацию! Проверяю... Так, так... О'кей! Ну, с Богом! Малая тяга! — скомандовал Ронни.

И спустя несколько секунд:

— Полная, полная тяга!

Из заплечных ранцев скафандров вырвалось едва заметное синее пламя, фалы натянулись и завибрировали, принимая на себя всю нагрузку тяги в 0,56 тонны. «Базальты» управлялись двумя выдвижными штангами наподобие подлокотников, «Викинг» — одной штангой, оканчивающейся джойстиком. Система гироскопов помогала компенсировать неловкие движения как в невесомости, так и в условиях силы тяжести, равной единице. Таким образом, пустотные скафандры позволяли, при наличии

элементарных навыков, уверенно управлять ими. Именно поэтому всем трем космонавтам удавалось довольно четко удерживать единый вектор усилия.

Истекли десять минут, и синее пламя реактивных ранцев погасло на скафандрах Алексея и Тони. Норвежский аппарат продолжал тянуть. Богатырев и Тони достали специальные пистолеты и стали стрелять пиропатронами, создавая пусть небольшую, но дополнительную тягу.

— Пьер, когда ты почувствуешь, что двигатели выключились, не забудь воспользоваться двумя спасательными бустерами. Они проработают не более полутора минут, но мощность у них все-таки 0,12 тонны на двоих, — послышался в наушниках приятный голос Олафа.

— Спасибо, Олаф. А если сейчас? — спросил Пьер.

— К сожалению, не выйдет. Они запускаются только при условии неработоспособности основного двигателя, будь то поломка или отсутствие топлива.

— Понял.

— Докладываю предварительные показания телеметрии и мониторинга МКС, — донесся с Земли голос Погодина. — Скорость снижения станции уменьшилась и составляет 0,85 метра в секунду. С момента пуска реактивных ранцев прошло шестнадцать минут. Оценочный запас топлива в «Викинге» — десять минут. Продолжай, Пьер!

У Алексея и Тони закончились пиропатроны, и они просто висели рядом с Пьером, ранцевый двигатель которого все еще продолжал работать.

Но вот истекли двадцать шесть минут, и реактивная струя, вырывавшаяся из миниатюрных дюз, иссякла.

— Пьер, активируй бустеры! — раздался в гермошлемах голос Олафа.

— Включаю! — ответил Пьер и нажал аварийную кнопку на джойстике управления.

Из сопел двух небольших твердотопливных ускорителей вырвалось малиновое пламя, и фал, ослабший было после выключения ранцевого двигателя, снова натянулся и задрожал, передавая усилие от скафандра к станции. Шли секунды, выгорали твердотопливные брикеты...

Наконец выгорели и спасательные ускорители.

— Возвращайтесь, вы и так уже почти два с половиной часа снаружи, — посоветовал сидящий в служебном модуле Ронни. — Проход шлюза в том же порядке, как и выход, — первый Алекс.

Все трое по очереди пристегнули страховочные кольца к фалу, отстегнули карабины от корпуса станции и, перехватывая руками фал, двинулись в сторону комингса шлюзовой камеры. Спустя час все трое благополучно прошли кессон и сняли скафандры. Алексей и Тони поплыли в служебный модуль к Ронни, а Пьер остался для обслуживания скафандров: заправить топливо, добавить воздушной смеси, проверить и подзарядить аккумуляторы. Инструкции и опыт требовали, чтобы все системы МКС регулярно проверялись и обслуживались, в особенности средства спасения. Когда он закончит со скафандрами, то ему, наверное, придется прогнать тестовую программу и у спускаемого спасательного аппарата, или, как его называют русские, «фары». Аппарат действительно внешне напоминает автомобильную фару. После многочисленных экспериментов, тренировок и реальных спусков, прогонов в аэродинамической трубе, споров и километров расчетов и выкладок оказалось, что эта форма наиболее устойчива при спуске с орбиты. Пьер припомнил, что первые спускаемые аппараты русских «Восток» были шарообразной формы, но практика, как всегда, внесла свои коррективы.

В динамиках зашипело.

— Говорит ЦУП. Погодин. Докладываю данные телеметрии. Скорость падения уменьшилась почти наполовину. С учетом расчетного времени подлета грузовика «Прогресс», через 49 часов МКС окажется на орбите на высоте 225 километров, что вполне приемлемо для нормальной штатной стыковки. Подготовка «Прогресса» проходит в ускоренном режиме. Эй, господа руководители полета и ученые, продолжаем ли мы готовить «Клипер» и «Констеллейшн»?

— Пока не будет полной ясности, я бы продолжил подготовку «Клипера»... да и американского «Констеллейшн», — проговорил Царев из далекого Плесеца. — Я, например, планирую заправить «Клипер», поставить на носитель и загнать эту этажерку в подходящий по размерам ангар. По крайней мере три-четыре дня мы сможем поддерживать всю систему в полной готовности к взлету. Стив, а как у тебя? — перевел он разговор на Хьюстон.

— Как, как... Иван, будто ты не знаешь! Если я подготовлю «Констеллейшн» к запуску, я не смогу держать его на стартовом столе более полутора... ну, ладно — двух суток! Это максимум по технике безопасности! Потом мне придется сливать окислитель, проверять аккумуляторы, перепрограммировать... Да что я тебе

объясняю! Я могу подготовить аппарат через шестьдесят... семь часов, но я должен быть уверен, что старт будет дан! Иначе меня и представители Белого дома, и конгрессмены, и мои собственные инженеры-заправщики, и стартовики поедом съедят. Предлагаю вот что: мы готовим «Констеллейшн» к запуску на мысе Канаверал по почти полной программе, кроме заправки окислителем. Шаттл будет находиться на старте столько, сколько позволит погода и аккумуляторы; сама заправка будет произведена в случае необходимости на старте и займет около пятнадцати часов. Ничего лучше я придумать не могу, черт возьми!

— Не кипятись, Стив. Мне твое предложение нравится, — откликнулся Царев. — Что мы имеем в сухом остатке? Первое — запускаем «Прогресс». Если все проходит в штатном режиме, то ни «Клипер», ни «Констеллейшн» не понадобятся и будут сняты с дежурства. Второе — в случае сбоя со стыковкой «Прогресса», командуем запуск «Клипера», который будет иметь две задачи: дозаправку МКС для корректировки орбиты, а в случае невозможности выполнить это и критически низкой орбиты станции — прием на борт экипажа и его доставку на Землю.

— Понятно, — проворчал с экрана Стив Варсон. — И если «Клипер» не выполнит своего задания, то на авансцену выступает «Констеллейшн», так?

— Как догадался, Стив?

— Брось эти шуточки, Иван! Не время!

— Действительно, господин Царев, давайте будем серьезны! — влез в разговор Сертиз. — Вы предложили, на мой взгляд, оптимальный план разрешения создавшейся аварийной ситуации. Трехступенчатая система страховки — «Прогресс», «Клипер», «Констеллейшн» — должна сработать в любом случае...

— Если не вмешается другая сила, — донеслось с МКС.

— Какая сила, Алексей? — удивился Погодин.

— Вы же видели фото, что удивляетесь?! Я практически уверен, что в околоземном пространстве находится космический аппарат чужих, да это и не только мое мнение, это мнение всего экипажа. Мы предлагаем назвать его условно... Гость. К сожалению, контакт получился, мягко говоря, холодный. У нас вот какое предложение: необходимо немедленно, повторяю — немедленно, организовать круглосуточное наблюдение за околоземным пространством с помощью всех имеющихся у нас средств: оптики, радиотелескопов, радаров...

— Вы кого имеете в виду? Участников проекта «Орион»? Спонсоров МКС? — подал голос Ванхаймер.

— Нет! Всех, кто имеет в своем распоряжении подобную технику! Оповестите все обсерватории и радиоастрономические обсерватории мира, все радиолокационные военные станции слежения, поднимите в воздух на постоянное дежурство комплексы АВАКС и их аналоги. Мы тоже на МКС удвоим усилия по сканированию атмосферы. Господи, даже астрономы-любители могут помочь!

— Стоп-стоп-стоп! — вмешался в разговор генерал Кременцов. — Как это, поднять в воздух на дежурство, приказать РЛС сканировать небо? Здесь вам не песочница в детском саду! Я не могу дать такой приказ без согласования с Генштабом!

— Полностью согласен с генералом! — тут же поддержал Кременцова полковник Рейли. — Смею добавить, что здесь пахнет не согласованием с Генштабом, а многосторонними переговорами ядерных держав для выработки единой позиции. Может быть, в рамках ООН?

— Полковник, пока вы с генералом будете согласовывать и переговариваться в многостороннем формате, рак свистнет!

— Что?.. Кто свистнет? — Рейли растерялся.

— Это значит, долго будете переговариваться, до морковкинго... это, как его... а ну вас! — в сердцах плюнул Богатырев.

— Господа офицеры, а ведь экипаж прав — дорога каждая минута, — подал голос полковник Блан. — Может, пока наука и астронавты обмениваются мнениями, мы с вами организуем свою — армейскую — видеоконференцию?

Кременцов и Рейли согласно кивнули, и вся троица быстро покинула основной контрольный зал ЦУПа.

Глава 3. Воздушный старт

08 мая 20... года, 22 часа 50 минут. Шлюз Колле, кантон Женева, Швейцария

— Алло! Дени?

— Да-да, Ашот, это я! Надеюсь, у тебя есть новости для меня? — Армон искренне обрадовался звонку.

— Не знаю, с чего начать, Дени. Все не так просто. Но слушай. Сегодня около 19 часов по Гринвичу на станции МКС...

Дени внимательно слушал своего коллегу по научному цеху и вдруг вспомнил, как впервые встретился с ним на одной научной конференции в Париже лет шесть назад. Их познакомил ответственный секретарь конференции, и они быстро нашли общий язык. Веселый и общительный Ашот Арутюнян ему от-

кровенно импонировал. Это был еще молодой человек около сорока, с очень светлыми, почти седыми волосами, что было не совсем обычно для армянина. Они невольно обменялись любезностями. Астрофизик Ашот с удивлением узнал, что Армон довольно неплохо подкован в его дисциплине: читал и Карла Сагана¹ и Шкловского² и Хокинга³. Знаком был и с работами Амбарцумяна⁴. Физик Армон был со своей стороны приятно удивлен серьезной подготовленностью астрофизика в вопросах теоретической и прикладной физики, электромагнетизма, а главное — его знаниями исследований и экспериментов Теслы. За разговором они и сами не заметили, как оказались в небольшом парижском ресторанчике на улице Сент-Оноре неподалеку от Лувра. Быстро сделав заказ гарсону, они продолжили увлеченный разговор. Ашот оказался потрясающим популяризатором и рассказчиком. О самых запутанных и сложных для понимания космогонических идеях, топологических многомерных матрицах виртуальных пространств, о конечности бесконечной Вселенной и многом другом загадочном, мрачном, подчас пугающем и непонятном он рассказывал так просто и интересно, что Армон его спросил, не пишет ли он научно-популярные статьи или книги. На это Ашот рассмеялся и сказал, что еще на научные статьи у него иногда находится время, а на такие вещи, как книги, — нет. «Ведь иногда хочется и элементарно отдохнуть, съездить куда-нибудь, окунуться в море, пропустить пару-другую бутылочек пива, черт возьми!» — полушутя-полусерьезно закончил он.

Позже, уже далеко за полночь, они сидели в небольшом номере гостиницы, которую устроители конгресса сняли на время форума, и, наполнив стаканы виски и льдом, продолжали интересную для обоих беседу. Когда Армон подробно изложил Ашоту все факты, связанные с таинственными экспериментами Теслы,

¹ Саган Карл Эдуард (09.11.1934—20.12.1996) — известный американский астроном. Многие работы посвятил проблемам происхождения жизни и ее существования вне Земли.

² Шкловский Иосиф Самуилович (01.07.1916—03.03.1985) — выдающийся советский астрофизик. Совершил целый ряд открытий в области теоретической астрофизики.

³ Хокинг Стивен Уильям (р. 08.01.1942) — известный английский физик-теоретик.

⁴ Амбарцумян Виктор Амазаспович (18.09.1908—12.08.1996) — выдающийся советский астрофизик. Занимался проблемами внегалактической астрономии и космогонии. Основатель Бюраканской астрофизической обсерватории.

армянин догадался, над чем работает англичанин, и обещал, в случае обращений, непременно помогать. «Мне тоже небезразлично, можно ли передавать энергию без проводов!» — подкрепил он тогда свое обещание.

После этой встречи в Париже, Дени и Ашот частенько звонили друг другу и иногда встречались на научных симпозиумах. Ашот не забыл своего обещания и при обращении Дени всегда старался ему помочь, и небезуспешно. Его подсказки были точны и предметны. Комментарии Ашота если не вели Дени сразу же к решению задачи, то неизменно указывали на какой-либо момент, который он сам упустил из виду, но который не ускользнул от взора способного глобально мыслить астрофизика. Сейчас же Дени нужна была помощь совсем другого рода. Он рассчитывал на то, что незаурядный научный авторитет и наличие огромного количества связей в самых разных кругах помогут Арутюняну осуществить задуманное сканирование неба.

— ...в общем, станцию «притормозили», но исправить положение они смогут только после прибытия грузовика через примерно двое суток. Мне удалось заполучить несколько фото, сделанных Грэгсоном, пересылаю их тебе. Далее. Заметно активизировалась деятельность военно-космических станций оповещения и слежения за космосом. Американцы зашебаршились на своих базах на Аляске и Скандинавии, у русских в повышенную боевую готовность переведены Габалинская РЛС «Дарьял» и оптико-электронный узел «Нурек» программы «Окно». В состав персонала комплекса «Нурек» входят несколько научных сотрудников, один из них мне и шепнул на ухо, что уже несколько дней они периодически наблюдают необъяснимые возмущения в атмосфере. Судя по всему, это то, что тебя интересует. Но, Дени, локализовать этот объект почти невозможно: он передвигается на первый взгляд бессистемно и фантастически быстро. Вычислить алгоритм его движения пока никто не смог. Вот коротко, что мне удалось узнать. Вопросы, Дени?

— Ашот, а не может быть такого, что станцию сбили с орбиты именно...

— Электрическим разрядом? Ты это хотел сказать?

— Ашот, ты все хватаешь на лету.

— Очень похоже, Дени, очень.

— Ашот, извини меня, но ты нужен здесь! Как быстро сможешь добраться до Женевы?

— Эй! Не так быстро! Ты уверен, что мое присутствие в Женеве продуктивнее отсутствия в Ереване?

— Абсолютно, Ашот. Я, Дюмон и еще несколько известных тебе личностей ждут тебя для проведения... гм, как это назвать... вселенского опыта.

— Ты меня заинтриговал. Но имей в виду, заказ билетов, вычисление пересадок...

— Ашот, ни о чем не беспокойся. Когда ты готов вылететь?

— Через полчаса.

— Диктуй данные твоего паспорта. Все билеты и визы будут ждать тебя в аэропортах. Просто поезжай в аэропорт и на стойке регистрации показывай паспорт. До скорой встречи!

Дени развернулся в кресле и нажал на тумблер панели управления:

— Вогана мне, побыстрее!

Спустя минуту в динамиках раздался голос полковника:

— Воган слушает!

— Полковник, дайте указание своим людям обеспечить оплату проезда, билеты и визы профессору Арутюняну, вылетающему ближайшим рейсом из Еревана в Женеву. Просил бы также обеспечить ему прикрытие в пунктах пересадок, на всякий случай. Данные паспорта высылаю вам сейчас же!

— Понял. Хорошо. Профессор, вы полностью уверены, что это нужно?

— Да, Воган!

Открылась тяжелая металлическая дверь, и в помещение протиснулся «хиппи» со своим чемоданчиком:

— Разрешите?..

— Заходи, заходи! С чем пожаловал?

— Да вот, покопался в той хрени, которую мне дали...

— Ну и?..

— Судя по всему, это прибор для передачи энергии на расстоянии. Принцип я пока до конца не понял.

— От какого источника энергии работает сам «гобой»?

— А вот здесь — сюрприз! «Гобой» собран с применением бериллиевых сплавов, способных выдерживать колоссальную температуру. Та батарейка, что была в нем, рассчитана на десять-пятнадцать выстрелов мощностью до трех-пяти мегаватт каждый. Похоже, что можно использовать и всю мощность для одного выстрела. Но это еще не все. Я не вижу никаких препятствий для присоединения этого «гобоя» к источнику энергии тераваттной мощности. Конструкция выдержит. Уверен. Схему

подсоединения я уже разработал. Сделать ее — несколько часов, при наличии материалов. Если, конечно, ваша контора осилит покупку таких составляющих...

— Пиши список, прямо сейчас, и передай его Дюмону. Все? Или есть что-то еще?

— Нет.

— Тогда — бегом!!!

Видимо, впервые в жизни хиппи осознал, что принимает участие не просто в каком-то конкурсе изобретателей и фантазеров, а в реальных, земных событиях, где живут и побеждают, проигрывают и умирают по-настоящему. Он развернулся и ринулся вон из помещения. Зацепился своей нестираной майкой за торчащий у двери кронштейн, но, продолжив движение, с треском порвал ее и вылетел в коридор, громко грохнув инструментным ящиком о цементный угол...

— Дюмон! — повернувшись к экрану и микрофону, проговорил профессор.

— Да, Дени, слушаю тебя.

— Сейчас к тебе придет наш хиппи, обеспечить, пожалуйста, срочную доставку всех тех материалов, которые он укажет.

— Понял. Что еще?

— Как коллайдер?

— Через десять-двенадцать часов выйдем на проектную мощность.

— Отлично. Скоро сюда прилетит Арутюнян. Помнишь его?

— Конечно. Рад буду с ним пообщаться.

* * *

Космонавты не верили своим глазам — на расстоянии трех-четырёх километров от МКС на той же высотной орбите материализовался Гость, которого сумел сфотографировать Тони несколько часов назад.

— Я в «Купол»! — прокричал Грэгсон и проворно нырнул в раскрытый межмодульный шлюз.

— Земля! Наблюдаю Гостя 90 градусов по курсу справа! — открытым текстом рявкнул в космос Богатырев.

— Спокойно, мы все видим, — донесся из ЦУПа голос Сертиза. — Ничего не предпринимайте. Замрите и наблюдайте.

— Как это — наблюдайте? Обеспечить контакт всеми... — кто-то предусмотрительно отключил микрофон Ванхаймера.

— Что-то мне все это совсем не нравится, совсем... — раздался голос Царева.

09 мая 20... года, 04 часа 45 минут. Космодром «Плесецк», Россия

Царев отключил свой микрофон и резко повернулся к стоящим за его спиной ученым и техникам космодрома «Плесецк».

— Какова готовность «Клипера»?

— Ну-у... — замылся один из присутствующих, — семь-восемь часов... Если уменьшить этот срок, то...

— Так! Слушать мой приказ! Закончить подготовку «Клипера» в течение часа! Бросить все и заниматься только «Клипером»! Проверить боеготовность челнока: полный боекомплект для пушек «Электрон», подвесить восемь ракет «Марс».

— Не получится, Иван Петрович, — возразил один из военспецов. — Придется снимать разгонные блоки.

— Что, ни одной не сможем подвесить?

— Две, наверное, сможем.

— Хорошо, пусть две. Майора Григорьева и командира экипажа самолета-носителя немедленно ко мне! Выполнять! Время пошло!

Через десять минут он уже разговаривал с двумя летчиками.

— Ребята. Вряд ли я ошибаюсь, намерения чужих явно враждебны. Чтобы с самого начала «контакта» у них не было иллюзий насчет того, что мы готовы постоять за себя, необходимо срочно вмешаться в события на орбите. Напугать их мы, конечно, сильно не сможем, но, в случае чего, помочь экипажу МКС — да. Вы готовы выполнить эту задачу? Связываться с Кремлем я не буду — беру всю ответственность на себя. Это пусть они со мной связываются.

— Так точно, товарищ директор, готовы! — хором ответили оба пилота.

— Тогда — действуйте!

— Есть! — отрапортовали летчики, отдали честь и, щелкнув каблуками, стремительно вышли из кабинета директора.

Выскочив на улицу, где каждого из них ждал свой «уазик», пилоты остановились и посмотрели друг на друга.

— Андрей, как твой экипаж? — спросил Григорьев.

— Не дрейфь, космос. Доставим на высоту пуска в лучшем виде! — подмигнув ему и шутливо пихнув плечом, ответил командир экипажа «ИЛ-76» МД Андрей Озеров. — Разбегаемся?

— Держи пять! — протянул ему руку Сергей.

Григорьев вскочил в «уазик» и укатил в лабораторно-технический блок — посидеть на унитазе, выпив пару специальных

таблеток для освобождения организма от всех шлаков, а потом надевать скафандр. Эта процедура занимала не меньше тридцати минут. Озеров же сломя голову помчался к своему «ИЛу» — подготовка к полету, чтение «молитвы»¹ займет около сорока минут.

Надевая скафандр и автоматически отвечая на вопросы обслуживающих его медиков и технарей, Сергей никак не мог сосредоточиться на одной, но очень важной мысли — что происходит? Почему такая спешка? Ему было известно о событиях на МКС, но о том, что происходило вокруг этих событий, он знал крайне мало.

— ...твою мать? Ты в каких облаках витаешь? — Мат одного из техников вернул его к действительности.

— Виноват, замечтался.

— Замечтался... Клапан пять?

— В норме!

— Клапаны шесть и восемь?

— Норма!

Хмурый техник улыбнулся и хлопнул его по плечу:

— Готов! Двигай!

Неуклюже шагая в громоздком скафандре и неся в руке «чемодан» с жизнеобеспечением этой спасательной скорлупы, Сергей наконец осознал, что его миссия необычна, если не сказать больше.

Неожиданно из скупое освещенного пространства возник Царев:

— Сергей, будет, может быть, очень трудно. Но чем сможем, мы поможем. К тому же на МКС Лешка Богатырев, да и американцы с французом вроде не из паникеров, и опыт у них есть. Вы должны справиться! Ну, давай, с Богом!

Сергей подошел к лестнице, которая вела в кабину «Клипера», установленного на «спине» «Ила» — предстояло подняться примерно на пятый этаж — такова была высота всего сооружения.

Уже усаживаясь в ложемент пилота, Сергей спросил:

— Андрей, а че здесь стоят под парами «сушки»?

— А, так, почетный эскорт.

— Зачем?

— Не знаю, Петрович приказал. Ладно, хватит болтать! Экипаж, начать подготовку к взлету!

Пока экипаж Озерова вслух читал «молитву», Григорьев, ше-

¹ Молитва — перечисление экипажем самолета вслух всех действий, необходимых для подготовки воздушного судна к полету.

веля губами, производил проверку всех систем своего «Клипера-ЗМ». На панели управления все больше и больше светодиодов перекрашивались из красного в желтый, а затем и в зеленый цвет. Сергей почувствовал толчок — «ИЛ» тронулся с места.

— «Полсотни два», готов к взлету? — перешел на сухой официальный тон Озеров.

— «Две сотни пять», готов! — поддержал Григорьев.

Только по приборам Сергей мог определить, что Андрей вынул на основную ВПП. «Клипер» был закреплен на «ИЛе» таким образом, что визуально наблюдать из кабины взлетную полосу, да и вообще землю, было практически невозможно.

— Я «две сотни пять», прошу разрешить взлет, — прозвучал в наушниках голос Озерова.

— Я «база». «Две сотни пять», взлет разрешаю. Ветер норд-норд-ост семь узлов. Удачи!

— Спасибо! Экипаж, взлетаю.

Пробежав по ВПП более двух километров, «ИЛ» медленно задрал нос и лениво оторвался от бетона. Его позиционные огни стали постепенно уменьшаться и тускнеть в ночном небе. Следом, один за другим, в воздух поднялась пара сопровождающих истребителей «СУ-47 Беркут».

— Сергей, будь готов, через десять минут входим в зону расстыковки на высоте девять и пять, скорость — восемьсот, — голос Андрея звучал спокойно и уверенно. Григорьев познакомился с ним только здесь, в Плесецке, две недели назад и ничего не мог сказать о качествах майора. Однако краем уха слышал, будто Озеров не раз попадал в непростые авиационные передряги и выходил из них с честью. Сейчас от слаженной и синхронной работы Сергея и всего экипажа «ИЛа» под командованием Андрея зависела успешная расстыковка и воздушный старт челнока.

— Андрей, понял тебя. Десятиминутная готовность, — сам себе скомандовал пилот «Клипера» и приступил к подготовке корабля к расстыковке и к запуску двигателей.

Спустя десять минут все были готовы к старту.

— «Две сотни пять», отключаю замки!

— «Полсотни два», отключение прошло! Есть расстыковка! Снижаюсь!

Это был самый опасный момент воздушного старта. В связи с тем, что «Клипер» крепился на «ИЛе» сверху, пилот транспортного средства должен был быстро, но очень аккуратно, сразу после расстыковки, уйти вниз и в сторону. При этом надо было подбирать газ, чтобы отстать от челнока и не задеть его огромным килем.

- «Полсотни два», мы отвалили. «Беркуты» тоже.
- Понял тебя, «две сотни пять». Даю форсаж! Счастливо!
- Удачи тебе!

Даже в разреженном воздухе на почти десятикилометровой высоте ожившие двигатели «Клипера» и два ускорителя завывали просто оглушительно. Еле заметный силуэт корабля, начавший было клевать носом, дернулся, перешел в горизонтальный полет и стал быстро удаляться, забирая все выше и выше, туда, где светились яркие холодные полярные звезды.

Транспортник начал плавный разворот для возвращения на базу — даже если что и случится, не дай Бог, с «Клипером», помочь он ничем не сможет. «Беркуты» тоже развернулись, качнули своими странными, загнутыми вперед крыльями, прощаясь, и стремительно исчезли во тьме неба. Керосин уже был на исходе, и им придется садиться на ближайшую базу ВВС.

* * *

Все системы «Клипера» работали нормально. Бустеры «Мезон» выполнили свою задачу и отстрелились. Корабль набрал необходимую орбитальную скорость, стабилизировался и начал сближение с удивительной парочкой — МКС и НЛО.

Сквозь лобовые стекла фонаря кабины на Григорьева медленно наплывала самая фантастическая картина, которую он когда-либо в жизни видел.

Глава 4. Орбитальный «сход-созвезд.

09 мая 20... года, 09 часов 10 минут. Шлюз Колле, Швейцария
В дверь постучали.

— Войдите! — откликнулся Дени.

Тяжелая металлическая створка приоткрылась и пропустила уставшего, голодного и немного растерянного армянина.

— Ашот!

— Дени!

Друзья обнялись.

— Ты голоден? Сейчас перекусишь здесь. Тебе принесут. Извини, но времени нет. — Он повернулся к пульту: — Ален! Бери чиппи и дуй ко мне. Здесь Ашот.

— Понял, сейчас будем.

В комнату постучали, и вошел техник из обслуживающего персонала ЦЕРНа. В руках он держал небольшой поднос, на котором в одноразовой посуде угадывалась лазанья, салаты, фрукты

и бутылка Перье. Поставив снедь на стол, техник бесшумно удалился.

— Ашот, ты давай налегай на еду, а я тебя введу в курс дела. Значит, так. О моих разработках ты знаешь. И мне удалось...

Астрофизик жевал и слушал поразительный рассказ друга. Все, что он слышал, с трудом укладывалось в голове: все эти НЛО, «гобои», мгновенно перемещающиеся чужие, американцы, еще кто-то и еще что-то.

В комнату ворвались Ален и хиппи и плюхнулись на стулья.

— Таким образом, — заключил Дени, — мы потеряли наш СИТ, но случайно заполучили «гобой» и более-менее разобрались в нем. Чужие нас вряд ли оставят в покое — секрет «гобоя» еще можно скрыть или уничтожить вместе с нами. Крупные игроки, те, которые нанимали Брэндона, американцев и других, проиграли уже потому, что принцип СИТ выходит из секретной зоны и становится, но еще не стал, достоянием всех. — В комнату заглянул Воган. — Заходите, полковник. Знакомьтесь — профессор Арутюнян.

Воган и Ашот пожали руки.

— Я заканчиваю. Считаю, что чужие, а может быть и еще кто-то, предпримут попытку завладеть своим «гобоем» и уничтожить носителей информации. Поэтому нам надо нанести упреждающий удар.

От этих слов брови полковника поползли на лоб.

— Профессор, какой удар, чем? У вас что, есть в заглазнике космическая рогатка, стреляющая астероидами?

— Нет, полковник. Бить будем их же оружием, но уже усовершенствованным нами! А профессор Арутюнян будет, если хотите, «наводчиком» у нашей пушки.

— Каким еще наводчиком? — в свою очередь оторопел Ашот.

— А мы дадим вам космический оптический прицел к рогатке, — улыбаясь, добил армянина Ален.

— Да вы что, сговорились, что ли?! Объясните все толком немедленно! — рассвирепел начальник Генштаба Швейцарии.

В динамиках зашуршало:

— Профессор Армон, вы просили докладывать обо всех значимых ЧП на Земле и в космосе...

— Да. Что случилось?

— Похоже, НЛО сбил орбитальную станцию МКС.

Воцарилось молчание. Первым пришел в себя полковник:

— Это Воган! Подробности?

— Полковник, пока мало что известно. Вроде НЛО не стрелял, а просто протаранил станцию и расколол ее надвое.

— Экипаж?

— Нет информации...

— Полковник, срочно прикажите вашим людям доставить всех нас вместе с «гобоем» на обсерваторию Ля Барилетт. Мы их предупредим о приезде, — повернулся к Вогану Дени.

— Это вроде где-то рядом?

— Да, полковник, километров пятнадцать.

В проеме двери показалась тусклая физиономия Брэндона — он сильно переживал потерю друга.

— Брэндон! — окликнул его Дени. — Давай с нами!

— Конечно, профессор! — просветлел ирландец и побежал собираться.

Дени обернулся и взглянул на Дюмона:

— Алэн, тебе придется остаться и контролировать выход коллайдера на рабочую мощность. После мы свяжемся и решим вопрос о передаче энергии на обсерваторию. Надеюсь, ее оборудование выдержит.

Через час у шлюза Колле собралась целая колонна: три армейских грузовика, в которых сидели ученые и были погружены различные ящики и контейнеры, джип «Ламборгини» Вогана и две бронемашины «Пиранья», битком набитые до зубов вооруженными гвардейцами. За погрузкой пришла проследить и Джоди Циммерманн.

— Все готовы? — садясь в джип, обернулся полковник. — Тогда вперед!

Военно-научная колонна покатила на северо-восток, в сторону отрогов гор Юра, туда, где на высоте 1528 метров гармонично встроилась в великолепный пейзаж швейцарская обсерватория Ля Барилетт.

09 мая 20... года, 11 часов 15 минут по Гринвичу. Околоземная орбита, высота 289 километров. Многоразовый космический корабль «Клипер»

НЛО, протаранив МКС, мгновенно переместился на восемьдесят километров в сторону и замер на этом удалении. Визуально наблюдать его было практически невозможно, но на дисплее радара засветка была. Собственно говоря, корабль чужих протаранил МКС своим защитным полем, а не корпусом, это и в иллюминатор было видно, и на видеозаписи потом. Но сейчас некогда было особо следить за действиями чужих и рассуждать о за-

щитных полях — надо было спасти экипаж развалившейся на-
двое станции.

С большим трудом Сергею и ЦУПу удалось связаться с МКС. Информация Богатырева была неутешительна: половина солнечных батарей уничтожена, от сильного толчка в одном из модулей взорвался кислородный баллон и разгерметизировал отсек. Пришлось срочно заdraивать переходной шлюз. Серьезно ранен Грэгсон — он без сознания. Счастье, что хоть трое из космонавтов оказались в момент удара в одной части станции. Хуже другое: Пьер остался один на меньшей, отвалившейся.

— Сергей, — шипел и потрескивал в наушниках голос Богатырева, — одна спасательная капсула осталась на оторванной части, другая, та, что рядом, не отвечает на автотестирование. Придется ее расстыковывать вручную. Пьер сообщил, что его фара в полной исправности. ЦУП, можем ли мы, надев скафандры, переправиться на осколок Пьера?

— Алексей, вряд ли это возможно, с учетом состояния Тони и того, что две части все дальше и дальше уходят друг от друга...

— Алексей, — вмешался Царев, — предлагаю следующий алгоритм действий: ты, Ронни и Тони переходите из своей части станции на борт «Клипера». Пьер делает то же самое чуть позже.

— Это невозможно, господин Царев, — сквозь сильные помехи послышался голос Пьера. — У меня нет здесь ни скафандра, ни исправной шлюзовой камеры.

— А спасательный высотный костюм есть? — это прорезался из Хьюстона Стив Варсон.

— Сейчас посмотрю, в модуле «Спектр» должен быть.

— Пьер! «Куру» на связи! В модуле «Спектр» высотный костюм есть. Предлагаем тебе постараться самостоятельно его надеть, перейти в спасательную капсулу и одному совершить спуск на Землю. А уж получится он плавным или баллистическим — посмотрим... В любом случае мы поможем с пилотированием.

— Стойте, а как же Алекс, Ронни и Тони? — возмущенно спросил Пьер.

— Они перейдут в «Клипер», у них и скафандры и шлюз есть.

— Согласен с таким планом, — донеслось из Хьюстона.

— Да, наверное, это оптимальный вариант, — согласился из ЦУПа Погодин. — И Сертиз и Ванхаймер тоже его поддерживают.

— Пьер, это говорит Янник Блан.

— Приветствую вас, мой полковник! — откликнулся француз.

— Пьер, предложение, которое ты сейчас услышал, дельное и, похоже, единственно верное. Я как представитель генштаба Франции и Аэропасаля его поддерживаю. Предлагаю тебе согласиться на него.

Возникла пауза.

— Пьер, это Богатырев. Все верно, соглашайся, другого пути нет.

— Хорошо, я готов. Диктуйте мне мои действия, — прошеле-стело в динамиках.

— Так, Алексей, пока мы переведем Пьера на запасную частоту и будем ему подсказывать. Вам же необходимо прямо сейчас надеть пустотный скафандр на Тони...

Спустя сорок минут из люка МКС вывинтился Ронни, закрепился и нырнул в люк по пояс, доставая бесчувственное тело Тони. Спустя еще двадцать минут над комингсом показался шлем Богатырева. Все трое были одеты в скафандры «Орлан», так как в других практически кончился кислород, а дозаправить они не успели. Реактивных ранцев у них не было, но они захватили пиропатроны. Скрепившись друг с другом и одним фалом со станцией, Ронни и Алексей завертели головами, стараясь найти позицию «Клипера», который должен был находиться в ста метрах.

— Включаю посадочные огни, — крикнул им Сергей.

— Ага, вижу! — откликнулся Ронни.

Аккуратно поддерживая Тони, они выстрелили несколько пиропатронов и медленно поплыли в сторону «Клипера». За ними неспешно разматывался закрепленный на комингсе люка страховочный фал. Через три минуты они достигли «Клипера», и Ронни, ловко извернувшись, умудрился закрепить фал прямо рядом с люком шлюзовой камеры.

— Сергей, открывай, гости! — невесело усмехнулся Алексей, отстегивая фал, соединявший всю троицу с МКС.

Бережно запустив в люк Тони, Ронни тоже следом влез в кес-сон челнока. Спустя пятьдесят минут Григорьев отпарпоровал:

— Экипаж МКС на борту «Клипера». Все в порядке. Состояние Грегсона стабильное.

— «Клипер»! Теперь подойдите поближе к Пьеру, он скоро будет готов стартовать.

— Есть подойти к Пьеру!

«Сидя» в центральном ложементе, Сергей заработал джойсти-ками управления двигателями. «Клипер» стал медленно разворачиваться носом к постепенно удаляющейся части МКС, где

находился Барсак. Ронни и Алексей расположились в креслах справа и слева от центрального ложемента командира, чуть позади. Алексей — в кресле второго пилота, Ронни — штурмана бортинженера. Вскоре они приблизились к слегка кувыркающемуся обломку МКС.

— Пьер, это «Клипер», как у тебя дела?

— Да вот, учусь одеваться сам, — довольно спокойным голосом ответил Пьер, пыхтя и сопя, влезая в высотный скафандр. — Сейчас, ребята, еще две минуты, и я буду готов.

— Не спеши. Время есть, запас высоты и кислород тоже, — подбодрили из ЦУПа.

— Все, готов! Перехожу в капсулу!

В динамиках послышались возня и тяжелое дыхание.

— Перебрался, задраиваюсь!

— Пьер, теперь слушай меня, — сухо проговорил Погодин. — Проверь герметичность люка... Хорошо, закрой шлем... хорошо... проверь ремни безопасности... Давление... Теперь проверяем...

Все это время «Клипер» висел рядом с обломком. Наконец экипаж услышал:

— Ну, Пьер, с Богом. Автоматика сама все сделает, а если придется перейти на ручное — ты прошел спецтренажер и, надеюсь, не забыл принцип управления фарой. Подожди... Если ты расстыкуешься через двадцать одну минуту, то предположительное место посадки будет Франция. Устроит?

— Хорошо бы на Елисейские поля, а еще лучше — на крышу «Мулен Ружа»! — взбодрился Пьер.

— Тогда включаю обратный отсчет! Полковник Блан, предупредите ваши спасательные службы!

— ...три, два, один, расстыковка!

Экипаж «Клипера» мог наблюдать, как спасательная капсула — фара — медленно отделилась от станции. После того как она отошла на расстояние в несколько десятков метров, у нее заработали маневровые двигатели, которые переориентировали фару, а затем направили вниз. Создавалось полное ощущение, что капсула не снижается, а падает на Землю. Причем все быстрее и быстрее.

— Отделение прошло нормально, наблюдаем спуск фары в штатном режиме, — сообщил ЦУПу Григорьев. — Удачи, Пьер!

— Мерси! Всех приглашаю в «Мулен Руж»!.. А здесь что, коньяк не разносят? — балагурил Барсак.

Капля капсулы продолжала уменьшаться и уменьшаться...

— Командир, — обратился к Сергею Ронни. — Корабль чужих начал снижение параллельно фаре.

После секундного раздумья Григорьев запросил ЦУП:

— Разрешите параллельное снижение?

— Будьте предельно осторожны... Разрешаю.

Глава 5. Ливия Мажико

09 мая 20... года, 11 часов 00 минут. Обсерватория Ля Барилетт. Кантон Женева, Швейцария

Обсерватория примостилась на полуторакилометровой горе, густо поросшей лесом, с единственной довольно узкой спиральной дорогой, ведущей к вершине. Кроме самого сферического купола здесь же располагалось несколько небольших вспомогательных построек — жилой дом, электроподстанция, котельная, будка КПП на въезде, радиостанция с двадцатиметровой антенной, старый, вросший в землю бетонный бункер с капониром времен, видимо, Первой мировой войны и роскошная кирпичная будка местного любимца Треша — огромного флегматичного сенбернара. Чуть в стороне белела шестиметровая тарелка спутниковой связи. Вид отсюда открывался оглушительный — озеро Леман, сверкающий Монблан, как наладони гряда высочайших альпийских вершин в дымчатом горизонте.

В главном зале обсерватории, наверное, впервые за все время ее существования происходила такая суeta и шум. Сооружались какие-то ramпы, коммуниковались компьютеры...

— И все-таки, профессор, что вы задумали? — не отставал от Дени Воган.

— Полковник, вкратце: мы немного переделали «гобой», повысили многократно его мощность, сейчас синхронизируем его с телескопом, который будет играть роль оптического прицела, и, когда корабль чужих попадет в прицел, выстрелим, используя всю мощность коллайдера. Это несколько сот мегаватт как минимум! Да, кстати, коллайдер!

Дени подбежал к компьютеру и по «скайпу» связался с Аленом.

— Ален, как дела?

— Вышли на проектную мощность, готовы к началу эксперимента.

— Ален, ты помнишь, мы с тобой вместе смотрели схему подъемных ЛЭП коллайдера и окружающих сооружений, включая

обсерваторию? Так вот, одна из мощных силовых линий велла именно к обсерватории.

— Да, Дени, припоминаю... Причем она никак не была связана с коллайдером. Схему подземных электрокоммуникаций мне, немедленно! — крикнул Ален кому-то из своих коллег.

К Дени подошел Арутюнян:

— Что-то новое?

— Ашот, а не могут ли здесь находиться мощные электрические накопители?

— Откуда? Да и зачем?

Дени поискал глазами директора обсерватории:

— Альбер!

К ним подошел пожилой человек в белом халате с добродушным улыбчивым лицом.

— Дени?

— Альбер, а если предположить, что в обсерватории находятся мощные электронакопители, где они реально могут разместиться?

— Дени, это фантазии. Нет здесь никаких накопителей. Да что мне тебе объяснять! Ты сам знаешь, что подобные накопители, если бы они существовали, занимали бы место не с чемодан размером...

— Дорогой Альбер, я все понимаю, но спрашиваю не из праздного любопытства, ведь ведут же сюда электрокабели толщиной с ногу Шварценеггера! Куда ведут, зачем?

Альбер Груман, директор обсерватории, задумался, отошел в сторону и присел на ящик, коих во множестве лежало на полу обсерваторной площадки.

— Вот! Дени! — заорал Ален по «скайпу». — Кабель проходит в стороне от Колле, но совсем рядом со шлюзом Босси, и, судя по схеме, имеет модули подключения!

— Ален, немедленно найдите это место, немедленно!

— Дени, в последний раз я полностью инспектировал все свое хозяйство лет двадцать назад. Тогда же приказал заварить намертво дверь в старинный бункер, который торчит здесь испокон века и весь зарос мхом, — вернулся к ним задумчивый Альбер.

— А ты туда заходил?

— Конечно, но там два помещения, а дальше — завал, и ничего нет...

— Полковник! Пойдемте со мной! Эй, здесь есть сварщик с аппаратом?

— Да! — послышалось почти из-под купола обсерватории.

— Будьте готовы, вы можете нам понадобится! Ашот, Альбер, вы знаете, что делать.

Дени, Воган и Брэндон выскочили на улицу и помчались к старому бункеру. Брэндон слегка поотстал — он тащил на плече огромное кайло. Подбежав к вросшему в землю реликту первой мировой, все трое остановились — стало ясно, что без земляных работ не обойтись. Дверь бункера на треть была засыпана плотно утоптанной землей.

— Блин! — вырвалось у Вогана. — Здесь работы до...

— Гранаты есть? — деловито осведомился Брэндон, отбрасывая ненужное кайло.

Полковник мгновенно поднес к лицу рацию:

— Диц, гранаты к бункеру. Быстро!

У них было несколько минут, и, пока Брэндон копошился у двери, готовя ее к подрыву, Дени обошел бетонный ДОТ.

Да, действительно, угадывалось что-то похожее на капонир долговременной огневой точки: бетонные плиты были подогнаны друг к другу под небольшими углами для облегчения рикошета снарядов, попавших в ДОТ, и имелось забитое землей отверстие, нет, не отверстие — бойница для орудия. На железной двери когда-то что-то было написано, но теперь разобрать это было невозможно. Единственное, что смотрелось современно в сооружении, так это следы от аргонной сварки по периметру всей железной двери. Если это действительно ДОТ, то...

— Полковник!

— Да? — откликнулся Воган.

— Что это за сооружение?

— ДОТ, профессор, никаких сомнений.

— А что, ДОТ так и строится — вырыл яму, закрыл бетоном и поставил внутри пушку? И все?

— Нет, конечно. Любой ДОТ — это целая система оборонительных сооружений. Кроме орудийного каземата должны быть, как минимум: бункер для боеприпасов, скрытые наблюдательные пункты, пулеметные казематы, бытовые, тайный выход, — четко отработал Воган.

— Спасибо. Искрывающе.

Подбежал Диц с забинтованной головой и с ним гвардеец с ящиком.

— Мой полковник, мы доставили не только гранаты, но и пластик и детонаторы на всякий случай!

— Хорошо! Гвардеец, помоги... э-э... Брэндону.

— Есть! — Гвардеец грохнул ящик с взрывчаткой у двери, где орудовал Брэндон. Тот неодобрительно взглянул на молодое лицо парня.

— Легче! Взрываем только дверь, сами еще поживем.

Когда пыль от взрыва рассеялась, они поднялись с травы и по-дошли к бункеру. Брэндон оказался мастером своего дела — дверь отсутствовала, а из проема на них смотрел слепыми глазами мрак подземелья.

— Фонари есть, Воган?

— Конечно.

— Ну, тогда пошли, — выдохнул Дени и прыгнул внутри ДОТа. Пушки здесь никакой не было, помещение было практически пустым, за исключением нескольких полустгнивших ящиков вдоль стен. Пошарив по стенам фонариком, он нашел дверь. К ней уже подошел Брэндон, осмотрел и крикнул:

— Гвардия! Давай сюда кайло!

— Не ори, несу уже, — ответил скорпионовец, прыгивая на пол ДОТа.

Он подошел к двери, примерился и двумя точными ударами сбил ржавый замок вместе с толстенными проушинами. Вся группа, посвечивая фонариками, осторожно втянулась во второе помещение. Эта комната тоже была почти пуста — валялось лишь несколько разбитых ящиков и мешок с сухим цементом, теперь превратившимся в камень. Следующая дверь была открыта, и Дени с Брэндоном вошли в нее. Отсюда начинался коридор, уходивший направо и налево и слегка вниз. Высота потолка коридора была очень мала — можно было поднять руку и коснуться влажного бетона. Посветив фонарями влево, они сразу обнаружили то, о чем говорил Альбер, — метрах в десяти громоздился завал до самого потолка. Пройдя по коридору направо, они через двадцать пять метров уперлись в крохотное помещение — наблюдательный пункт и место для снайпера, как пояснил Воган. Только вот наблюдать и стрелять было неоткуда — все сооружение, видимо, было засыпано землей уже много лет назад. Снаряды не пробивалось ни единого луча света.

— Брэндон, ты можешь что-то сделать с завалом? — спросил Дени.

Брэндон пожал плечами и направился к обвалившейся части коридора. Минут пять он буквально ползал по обрушению, совал в разные места черенок от лопаты, несколько раз зачем-то крикнул. Потом взял пластид и рассовал брикеты одному ему известным способом.

— Все, выходим.

Группа быстро вылезла из бункера и отошла метров на десять.

— Гарантии дать не могу, но, похоже, под завалом люк вниз. Я попробую его очистить, не повредив... попробую. Ложись!

Вся подземная экспедиция бросилась на землю, и спустя несколько секунд раздался глухой взрыв.

Первым в ДОТ сунулся Воган, отпрянул, остановив всех жестом руки, и прокричал:

— Диц, противогазы сюда!

Дело было в том, что поднявшаяся пыль не скоро уляжется, а времени — в обрез.

Уже через несколько минут вся группа в противогазах опять спустилась в ДОТ. Каково же было их удивление, когда они на месте завала сквозь туман неосевшего цемента и кирпичной крошки, увидели слегка выгнутый металлический люк в полу. Воган, Брэндон, Диц и скорпионовец вчетвером с огромным трудом приподняли за скобы и откинули крышку. Снизу пахло сыростью, даже через фильтры противогазов чувствовалась затхлость воздуха. Вниз вела простая металлическая лестница.

Первым начал спуск скорпионовец — включив налобный фонарь и сняв с предохранителя свой «Бруггер». За ним пошел Дени, потом Брэндон...

— Здесь огромное помещение! — донеслось снизу с легким эхом.

Дени спрыгнул с лестницы и осмотрелся, посвечивая фонариком. Помещение было очень большим — метров пятьдесят на пятьдесят по площади и по высоте метров пятнадцать. Но самое главное — в углах этого подземного ангара стояли четыре гигантских шкафа с трубами, пружинами, изоляционными катушками, и все огромных размеров. У каждого агрегата был свой стенд с приборами и индикаторами. Все было покрыто толстым слоем пыли.

— Вот вам и накопители! — дрогнувшим голосом произнес Дени.

— Господи, чье это? Кто это сделал? — враз охрип Воган.

— Да какая сейчас разница! Полковник, прошу вас, обеспечьте связь отсюда с обсерваторией и шлюзом Колле.

Уже через полчаса в ДОТ были проведены свет и телефонная связь.

— Ален, ну как там у вас?

— Нашли, Дени, нашли! Сейчас подсоединяем сверхмощные контакты и коммутируем нитку с сетью ЦЕРНа.

— Отлично! Сможешь организовать нам срочную доставку — прямо сейчас — электрокабелей сечения...

Работа закипела. Директор обсерватории только качал головой. Он привык к тихим научным будням и совершенно не был готов к такому переполоху, который творился сейчас у него на объекте.

Спустя час на гору взобрались две фуры под прикрытием двух «Пираний» и доставили необходимое оборудование. Из бункера к телескопу протянулись толстенные электрокабели.

В зале телескопа работа подходила к концу. Теперь параллельно тубусу телескопа шли две дополнительные трубы, одна из которых напоминала слегка измененный «гобой» чужих. К станине телескопа, или, вернее, «гобоя», были приварены электрокабели. Ашот сидел в подвесном кресле у основного окуляра телескопа и внимательно всматривался в небо.

Брэндон деловито проверил свой «Узи», потом «Беретту», надел на голову прибор ночного видения и собрался двинуться вдоль расчищенного левого коридора.

— Стой. Куда? — За спиной стоял Диц с «Бруггером» наперевес, чуть дальше него маячил знакомый Брэндону скорпионовец.

— Здесь открытый неизученный участок, лейтенант. Надо проверить.

— Хорошо, пошли вместе.

Втроем, с приборами ночного видения на головах, они двинулись вдоль темного, сырого коридора. Свет провели лишь до бункера с накопителями. Под ногами скрипела бетонная и каменная крошка, местами по стенам стекали струйки воды, а с потолка иногда противно капало за шиворот. Преодолев около пятидесяти метров, Брэндон и гвардейцы подошли к первой двери. Она не была заперта, а только прикрыта. Заглянув в нее, Брэндон понял, что это опять наблюдательный пункт, плюс позиция для стрелка. Диц и скорпионовец огляделись.

— Идем дальше? — спросил Диц.

Брэндон молча повернулся и продолжил движение по коридору. Еще несколько раз им попадались наблюдательные пункты, один раз — казарма с койками и камбузом, а через двести метров коридор раздвоился. Один коридор, тот, что слева, уходил в сторону без уклона, другой — правый — резко шел вниз.

— Я пойду вправо, — сказал Брэндон и направился вдоль коридора.

— Ладно, я — влево. Сержант, ты с ним. Держи связь, — отдал приказ Диц и растворился в темноте.

Скорпионовец, поправив прибор ночного видения и проверив оружие, пошел следом за Брэндон. Очень скоро он его догнал и пристроился сзади. Так они прошли еще метров восемьдесят. По пути попались еще два наблюдательных пункта, последний из которых оказался пулеметным казематом. Самое удивительное — около узкой амбразуры стоял на закрепленной в полу треноге пулемет. С одной стороны в стене были ниши, в которых стояло несколько коробок с патронами. Правее амбразуры пулеметчика располагалась амбразура наблюдателя-стрелка. Сержант потянул за пучок травы, и, к удивлению обоих, амбразура пропустила свет и оказалась не засыпанной землей. Вторая амбразура также была свободна. Подойдя поближе, они выглянули наружу.

— Отличная позиция, ничего не скажешь. Простреливается весь склон. А когда-то он еще не порос деревьями и укрыться вообще было негде. Этот ДОТ был бы крепким орешком для атакующих, — высказался сержант.

Брэндон посмотрел на него и подошел к пулемету. Сержант тоже приблизился.

— Немецкий МГ-08, образца 1915 года, — пробормотал Брэндон и провел рукой по затворной рамке. На ладони остался масляный след. — Хоть сейчас стреляй!

Любопытства ради они заглянули в несколько патронных коробок. В них, аккуратно переложенные пропитанной маслом бумагой, лежали пулеметные ленты.

— Чудеса, да и только, — пробормотал пораженный сержант. — Здесь совсем рядом, в нескольких километрах в сторону города Гланд, существует открытая для туристов фортификационная линия Променхаус, построенная в тридцатые годы. В народе ее называют «тропинкой Тоблеронов». Противотанковые плиты напоминают по форме наш шоколад «Тоблерон», вот и прозвали. И под Ивердоном, километрах в сорока отсюда, подземный форт Валлорб. Он тоже открыт для посещения. Но почему этот укрепрайон никому не известен?

— Мы многое забываем, — тихо проговорил Брэндон.

Пройдя еще метров тридцать по коридору, они оказались перед небольшой железной дверью, закрытой на проржавевший засов. Брэндон попробовал открыть задвижку, и она поддалась с легким хрустящим звуком. Сержант потянул за ручку двери и открыл ее вовнутрь. Проход почти до самого верха был забит плотно слежавшейся землей, а в узкую пустую полоску у самого потолка было видно, что снаружи все густо поросло травой.

— Тайный лаз, — прокомментировал сержант, закрыл дверь и задвинул засов. — Пошли назад.

Проходя мимо пулеметного каземата, Брэндон не удержался и снова зашел в него. В каземате не было темно — свет сквозь две амбразуры худо-бедно, но освещал помещение. Сержант остался в коридоре, что-то разглядывая на потолке.

— Слушайте, а знаете, зачем под потолком вот эти горизонтальные штанги протянуты? — Сержант оказался неплохим знатоком фортификационных сооружений. — Это для перевозки...

— Сержант, тебя как звать-то? — шепотом прервал его Брэндон.

— Юрген, — машинально ответил гвардеец.

— Так вот, Юрген, — по-прежнему шепотом сказал Брэндон, — сейчас нам придется вступить в бой. Связывайся со своим Дицем, только тихо. Там кто-то есть, — и Брэндон рукой махнул на амбразуру.

Сержант мгновенно подскочил к ней и посмотрел наружу. Так и есть — несколько человек в камуфляже и с автоматами крались вверх по склону. Не успел сержант поднять руку с рацией, как из коридора, со стороны тайного лаза, явственно послышалось царапанье металла о металл.

— Откапывают дверь! Черт, они знают этот ДОТ! Кто это? Опять америкосы, мать их? Или...

— Лейтенант! На северном склоне обнаружен противник. Пока видим четырех человек. Скрытно продвигаются к вершине. Они обнаружили тайный лаз ДОТа и откапывают дверь. Судя по всему, этот укрепрайон им хорошо знаком, — прошептал в рацию сержант.

— Понял, иду к вам. Объясните, где вы.

* * *

Воган выслушал доклад Дица и сразу начал командовать:

— Первая «Пиранья» — к КПП! Вторая — к северному обрыву. Один пулеметчик и два стрелка — к северному обрыву. Остальным занять круговую оборону.

Подбежав к своему джипу, он сорвал трубку армейской рации:

— База Дюйе! База Дюйе, ответь! Воган на связи!

— Слышу вас, полковник!

— Немедленно поднимайте обе вертушки! Цель — живая сила, квадрат семьдесят пять — шестьдесят, северный склон горы Доль.

— Есть, полковник!

Территория обсерватории резко обезлюдела, даже Треш забрался в свою будку от греха подальше.

Буквально через пятнадцать минут Воган увидел, что со стороны озера к обсерватории приближаются две черные точки — это летели вертолеты «Еврокоптер».

Только полковник собрался навести их на цель, как произошло невероятное — обе боевые машины мгновенно исчезли в ослепительной вспышке взрыва. И почти никаких обломков. Спустя несколько секунд докатился гром взрыва.

* * *

— Что там происходит? — удивился сержант, услышав грохот.

И тут же рвануло в конце коридора — нападавшие взорвали дверь тайного лаза. Брэндон перекинул через плечо «Узи», схватил патронный ящик и, достав ленту, начал заправлять ее в пулемет.

— Вода, здесь есть вода? А то заклинит!

Сержант показал ему рукой в угол каземата, где из стены торчал кран, а под ним стояла канистра. Брэндон метнулся в угол и с трудом отвернул вентиль. Тонкой струйкой потекла ржавая вода. Подставив канистру, он вернулся к пулемету. Оглушительно грохнул «Бруггер» сержанта. Это он выпустил короткую очередь в сторону взорванного лаза, прикрываясь железной дверью пулеметного каземата. В ответ раздались очереди из темноты, и пули защелкали по металлу и бетону, рикошетируя и высекая снопы искр.

— Это Диц. Я различаю вас в оптике. Занял позицию в десяти метрах позади вас в районе наблюдательного пункта, — заскрипела рация Юргена.

— Понял, лейтенант. Вступили в бой.

Брэндон наконец справился с лентой и подскочил к канистре. Она набиралась, но медленно. Он не стал ждать, подтащил ее к пулемету, откинул кожух дульного резервуара и вылил туда все, что было. Поставив ее опять под струю, передернул затвор и принял к пулемету. Под ухом опять грохнул автомат сержанта, и тут же его поддержали две короткие очереди лейтенанта. В темноте коридора кто-то надрывно закричал.

Брэндон взялся за удобную револьверную ручку, вложил в плечо приклад и настроил прицельную рамку.

На склоне грохотнул взрыв, и спустя несколько секунд перед изумленным взором Брэндона по склону вниз прокатился дымящийся и разбрызгивающий ошметки огня броневики «Пи-

ранья». Прежде чем скрыться из поля зрения Брэндона, он на секунду замер перед невысоким каменным уступом и медленно перевернулся набок, продолжая валиться вниз. Судя по всему, он слишком близко подобрался к обрыву и подставился под огонь ПТУРА. Больше не размышляя, Брэндон нашел прицелом одну из фигур в камуфляже, которая пряталась за небольшим деревом метрах в ста пятидесяти, и нажал на курок. Весь каземат наполнился невыносимым громом. Выпустив три короткие очереди, он увидел, что ствол дерева расщепило и оно повалилось на землю. Бойца в камуфляже не просматривалось. Если он попал, то бойца должно было просто порвать на куски. Зато одна из пуль противника влетела в соседнюю амбразуру и расплющилась о стену. Брэндон перевел огонь на следующего атакующего. Разворотив в ключья то место, где только что скрывался диверсант, Брэндон с удивлением осознал, что те и не думают отступать. «Они что, были готовы к такому отпору, готовы умереть? — поразился Брэндон. — Кто же они?» Он опять нашел цель и спустил курок. На склоне рухнуло еще одно дерево...

В коридоре тоже грохотало и освещалось вспышками рикошетов пуль. Все опять заволакивала пыль... «Откуда она, здесь ведь сыро», — отстраненно подумал Брэндон...

09 мая 20... года, 13 часов 05 минут. Постоянное Представительство США при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве, Швейцария

Энтони Рассел повернулся на стук в свой кабинет и произнес: — Войдите.

Дверь приоткрылась и впустила Макса Грубера. Сделав несколько шагов, он нерешительно застыл посреди комнаты. Но резидент и не думал предложить ему присесть.

— Они приняли твоё идиотское предложение по подключению группы «Сигма».

— Почему идиотское? Я все взвесил...

— Взвесил он! Ты знаешь, что сейчас творится под Нионом, в районе обсерватории? Нет? Ну так поинтересуйся! Почему именно я вам всем должен докладывать о том, что творится под вашим носом, работнички? Там идет настоящий бой с применением бронетехники и авиации. Есть убитые и раненые, уничтожена бронемашина «Пиранья», сбиты два боевых вертолета «Еврокоптер»... Кораблем чужих сбита орбитальная космическая станция МКС! Шаттл «Констеллейшн» срочно готовится

к взлету! Русские на своем «Клипере» уже на орбите! А мы здесь гелеграммки пишем в Центр: «Сигму» нам давай. Какая, к едрене фене, «Сигма»?! Происходит черт знает что! Это катастрофа планетарного масштаба! Заварили кашу, долбари из спецназа.

— Я же говорил, что... — попытался встрять Макс.

— Что ты говорил? Что?! Говорят, что Женева — сборище всех шпионов мира. Нет, это сборище непуганых идиотов!

— Шеф, а если спокойнее, что произошло?

Рассел молча подошел к своему столу и, взяв один из листков, протянул его Макс:

— Читай.

Пробежав глазами весь текст, Макс растерянно взглянул на Рассела:

— Шеф, «Сигма» здесь ни при чем. Они еще не долетели, они в воздухе! Я только что связывался с разведкой шестого флота.

— Что? А кто же тогда... — Резидент метнулся к столу и нажал на кнопку. — Немедленно соедините меня с командиром разведки шестого флота. Немедленно! Я жду!

Макс, не спрашивая разрешения, присел на один из стульев.

— Тони, в чем дело, черт возьми? У нас и без тебя дел полон рот! — рывкнули динамики компьютера.

— Полковник, где сейчас группа «Сигма»?

— Блин, я только что все сказал твоему Максусу! Вы что там, перепились, что ли?

— Да у нас тут...

— Знаю. Что ты хочешь?

— «Сигму» надо вернуть! Срочно! Будет колоссальный скандал. Вы не понимаете, во что мы ввязались!

— Еще чего захотел, канцелярская крыса! Боевая задача поставлена. Да, условия усложнились, но задача будет выполнена. Будет, понял? Более того, считаю, что в данной ситуации практически все спишется на эту неизвестную группу и чужих, ха! Обеспечьте оговоренную поддержку «Сигме»! Она прибывает... через десять минут! Все!

— Полковник!

Динамики замолчали.

Рассел затравленно взглянул на Макса.

— Что делать? Что?!

— Вы, шеф, делайте что хотите, а я действую по утвержденному плану!

— Я звоню президенту! — закричал Рассел.

— Хоть Папе римскому! — разозлился наконец Грубер и, хлопнув дверью, вышел.

09 мая 20... года, 13 часов 15 минут. Обсерватория Ля Барилетт. Кантон Женева, Швейцария

Полковник Воган впервые попал в такую переделку. Бой шел нешуточный: нападавших оказалось не менее десятка, все хорошо вооружены и обучены. Их никак не удавалось сбросить с северного склона. Более того, атакующие смогли захватить часть помещений ДОТа, уничтожили одну «Пиранию». Внизу, в коридорах и казематах, тоже шел упорный бой. Воган поднес к губам рацию:

— Профессор, как вы там?

— Полковник, у нас почти все готово, продержитесь еще с четверть часа!

— Понял! — Полковник поднял свой любимый двадцатичетырехкратный цейсовский морской бинокль и не поверил глазам: над озером, на высоте не более трехсот метров, явно в их сторону летел какой-то объект. Еще один НЛО? Нет, вряд ли. Воздушная поддержка? Но он не запрашивал...

Пока все эти мысли билась в голове Вогана, объект приблизился и сделал плавный разворот над обсерваторией. Теперь стало ясно, что это В-2 «Невидимка». Полковник никак не решился дать команду сбить гостя — а вдруг свои? Черт его знает, что происходит!

Тем временем «Невидимка», отстреливая тепловые ложные цели, сделал еще один разворот, и из него посыпались черные точки — парашютисты. Полковник насчитал семь куполов. Сто семнадцатый опять повернул к озеру и почти на бреющем стал удаляться, продолжая отстреливать ложные теплоцели и разгоняясь. Но не помогло: ослепительная вспышка поглотила бомбардировщик в своей белизне. И опять — почти никаких осколков, только свет и дым да грохот через несколько секунд.

Глубоко вздохнув, полковник Воган вызвал Генштаб и попросил подкрепление.

* * *

В дыму и пыли подземелья почти ничего не было видно. Где-то явно начинался пожар. Чему здесь гореть? Брэндон продолжал молотить из пулемета по склону, но не был уверен в том, что попадает по целям. Но даже такой огонь приносил пользу, он не

давал возможности противнику перегруппироваться и вести эффективный ответный огонь. Вдруг пулемет замолчал... Раздосадованный Брэндон опустил руки: забыл залить воду в охлаждающий кожух. Но жаловаться было грех: три коробки патронов отстреляны. Брэндон сорвал с плеча «Узи» и шагнул к двери.

— Юрген, ты здесь?

— Где же еще? — послышалось снизу. Сержант лежал на полу коридора, скрываясь за дырявой железной дверью каземата, вишащей на одной погнутой петле и перекрывающей почти весь коридор.

— Надо отходить, сержант. Как Диц?

— Не отвечает уже минут пять.

— Он не менял позицию?

— Нет, он у последнего наблюдательного пункта!

— Тогда прикрой меня — я туда!

Когда заработал автомат Юргена, Брэндон со всех ног бросился вверх по коридору, туда, откуда они не так давно пришли. Почти упав у открытой двери наблюдательного пункта, он увидел на полу Дица. Приложив руку к шее лейтенанта, он ощутил слабое биение артерии.

В районе только что оставленного им пулеметного каземата раздался взрыв, взвизгнули осколки и наступила тишина.

— Юрген! — крикнул в дым и пустоту Брэндон. Нет ответа.

Тогда он поднял «Узи», дал длинную очередь в сторону дальнего секретного лаза, схватил неподвижного Дица за шиворот и поволок его вверх по коридору. Добравшись до развилки, где они с Дицем разошлись, он приостановился, чтобы поменять руку, которой тянул лейтенанта, и не посмотрел в боковой коридор, а зря: из темноты выступили две фигуры с штурмовыми винтовками «Хеклер-Кох» наперевес...

Двум спецназовцам «Сигмы» тоже не повезло: выпустив несколько пуль в Брэндона, они не заметили, что отстрелили одну из ручных гранат, закрепленных на груди ирландца, и она откатилась прямо им под ноги. Один из спецназовцев погиб на месте, второму оторвало кисть руки, и он свалился на бетонный пол. Коридорный перекресток оказался завален телами убитых и раненых.

* * *

Воган подозвал к себе младшего сержанта и приказал:

— Возьми пулеметчика и двух гвардейцев, спускайтесь в коридоры ДОТа и займите оборону метрах в пятидесяти от каземата

с накопителями. Приказываю: отбить все попытки проникнуть в каземату! Возьмите мешки с песком, они есть в одном из наблюдательных пунктов. Все, выполняй!

— Есть, мой полковник! — Боец убежал.

Полковник взял из джипа «Бруггер», призывно свистнул одному из скорпионовцев и в его сопровождении двинулся в сторону западного склона горы, туда, где приземлился десант с «Невидимки». Много пройти не удалось. Ударила автоматная очередь и, чудом не задев полковника и гвардейца, впилась в будку Треша, отколов от нее куски кирпичей. Спустя секунду невредимый, но до смерти перепуганный альпийский спасатель, с обломками коньячной бочки на ошейнике, промчался, подвывая, мимо залегших вояк, распространяя вокруг себя запах спиртного и страха. Полковник и гвардеец переглянулись и расположились под прикрытиями: один затаился за высоким канализационным люком, второй за красивой цветочной клумбой.

— «Пиранья-два»! Прикрой сектор пять! — гаркнул в рацию полковник.

Практически тут же со стороны КПП ударила тяжелая очередь крупнокалиберного пулемета. В сотне метров от гвардейцев на землю посыпались срубленные ветки деревьев и щепы. В оптический прицел «Бруггера» Воган увидел сразу трех десантников «Невидимки» и, не раздумывая, дал туда две короткие очереди. Его поддержал гвардеец, а главное, наводчик с «Пираньи». От КПП снова ударила длинная очередь, разбросав землю, камни и ветки там, где только что были десантники.

Ожила рация Вогана:

— Мой полковник, это «броня». Мы на подходе. Какие будут указания?

— Это Воган, уничтожить все цели в пятом секторе!

— Есть уничтожить цели в секторе пять!

Полковник обернулся к гвардейцу:

— Отходим, а то и нас накроют!

Короткими перебежками они двинулись обратно. «Пиранья-два» их прикрывала, поливая опушку леса и склон короткими частыми очередями.

На западном склоне горы началась канонада — три «Леопарда-2» и две «Пираньи» с расстояния в четыреста метров обрабатывали пятый сектор.

Глава 5. Космические слайперы.

09 мая 20... года, 12 часов 15 минут по Гринвичу. Околоземная орбита, высота 220 километров. Многоразовый космический корабль «Клипер»

«Клипер» снижался, не теряя из вида фару с Пьером на борту. Но в восьмидесяти километрах от них точно так же шел на снижение корабль чужих.

— НЛО нанес лучевой удар по поверхности!!! — взорвался динамик голосом Погодина. — В районе Женевского озера!

— Зачем? Что там такое? — недоуменно спросил Сергей.

— Выясняем, сейчас свяжемся с французами и швейцарцами! Как у вас?

— Пока без изменений. Удаление от НЛО девяносто километров, от фары — семьсот метров. Так что там у Женевского озера происходит?

— Подождите, подождите... Сейчас. Ничего себе! Ребята, — невольно перешел на просторечье Погодин, — вы не поверите. Там происходит боестолкновение с применением авиации и тяжелой бронетехники. Это данные со спутника КА-366. Алло, Варсон, вы тоже это видите?

— Да, черт побери! — прогремело в динамиках. — И это называется мирная нейтральная добропорядочная Швейцария! Рейли, вы можете дать какие-нибудь пояснения, или вы, Блан?

— Месье Варсон, извините, мне сейчас не до этого. Но я запросил информацию. Жду доклада от своих, — проворчал полковник Блан.

— Пьер, ты все ускоряешься, мы за тобой поспеть не можем. Скоро прервется связь. Поковник Блан сообщил, что все готово к твоему приему в «Мулен Руж», — говорил в лингофон Алексей.

— Надеюсь, друзья. До встречи! Как там Тони?

— Удачи тебе, Пьер! Не волнуйся за Тони, он без сознания пока, но так даже лучше, — зашумел экипаж МКС-29.

Точка капсулы исчезла из поля видимости, и только по приборам «Клипер» и ЦУП отслеживали теперь его высоту и курс.

— Пьер, держись, сейчас начнет нещадно трясти! — предупредил из ЦУПа Погодин. — А связь оборвется. Высота двести пять... двести четыре... двести три...

— «Клипер», а где у нас воинственная тарелка, черт ее дерит? — неожиданно раздался голос Царева.

— Удаление... ого! Уже сто десять! — быстро ответил Григорьев.

— Вы вот что, ребятки, не отпускайте ее далеко, но и не особенно приближайтесь. Предчувствие у меня...

Никто на Земле и в космосе не решился спросить Царева, что это за предчувствие. Все ждали развязки.

— Что это, что это?! — неожиданно раздалось в наушниках. — «Клипер», «Клипер»! НЛО нанес лучевой удар по фаре! По фаре, вы поняли?

— Поняли, ЦУП! — Сергей посмотрел на Алексея и Ронни. — Сволочь! Надо сбить гада!

Две пары глаз спокойно смотрели на командира.

— Что делать, говори!

— Леш, ты меня подстраховывай, читай эшелон, скорость, а ты, Ронни, раз уж сел на место оператора, слушай. Вытяни бирюзовый рычаг управления, утопленный сейчас в пульте, да-да, правильно... Включи реле подкачки...

Через семь минут новоиспеченный космический орудийный наводчик был готов к выполнению задания. Он задал лишь один вопрос:

— Почему ракет только две?

— Ронни, пришлось цеплять бустеры.

— Понял.

«Клипер» медленно накренился влево и дал сначала слабую тягу. Расстояние между ним и НЛО стало сокращаться.

— Экипаж, полная тяга на форсаже бустеров! — выкрикнул Сергей.

«Клипер» начал быстрый разгон.

— Удаление от цели сто пять... сто четыре, — это считывал приборы Алексей.

— Цель вне зоны поражения! — докладывал Ронни.

— Эй, на «Клипере», вы что там задумали? Отставить! ОТСТАВИТЬ... ВАШУ МАТЬ! — загредел в наушниках голос генерала Кременцова.

— Василий, оставь их в покое — они сами способны принять решение! — ответил из Плесеца Царев. — Что там у нас с Пьером?

— Судя по телеметрии, фара не разрушена, но все больше скатывается к тяжелой, крутой баллистической траектории. Больше сказать ничего невозможно, связь отсутствует, но на радаре капсула есть! — откликнулись из ЦУПа.

— Удаление восемьдесят! — пробубнил Богатырев.

— Появилась засветка цели! Ввожу координаты в машину! — радостно сообщил Ронни.

— Добро, Ронни, сейчас еще ближе подойдем, чтоб наверняка...

09 мая 20... года, 14 часов 15 минут. Обсерватория Ля Барилетт. Кантон Женева, Швейцария

— Полковник, мы готовы! — раздался в рации голос Дени.

Воган, уже выйдя из пятого сектора, бегом направился в главный купол обсерватории. Там по-прежнему царила суматоха, но уже не столь нервная, как два часа назад. Телескоп теперь был похож скорее на осьминога — весь опутан проводами, кабелями, шнурами... У станины телескопа сидел в кресле оператора Ашот Арутюнян, рядом, вперившись в монитор компьютера, — Дени, чуть поодаль — Альбер.

— Дени, он в прицеле! — крикнул Ашот.

— Ален! Как у тебя с мощностью, можешь поделиться? — связался с ЦЕРНом Дени.

— Конечно, Дени, эксперимент вот-вот начнется, задействовано девяносто процентов мощности. Сколько тебе кинуть? — ответил Ален.

— Сто мегов! Сможешь? Выдержат ли накопители?

— Если они продержат всю мощность не более десяти секунд, то — да! Поэтому сброс — только по сигналу!

— Жду, не отключаюсь.

Шли минуты, минуты...

— Есть! Девяносто пять процентов вероятности поражения цели! Готов! — закричал Ашот.

— Сброс! — приказал по скайпу Дени.

— Даю!

Даже из зала обсерватории было слышно, как подземелье бункера наполнилось всепоглощающим гулом. Все замерли. Настал момент истины.

— Ашот? — тревожно позвал Дени.

— Огонь, — с этим словом Ашот переключил тумблер, освобождая сто мегаватт энергии и направляя по ионизированному воздушному каналу в космос.

* * *

— Удаление пятьдесят пять, высота сто пятьдесят! — бубнил Алексей.

— Держу цель!

— Вижу, гада, на радаре, — проговорил Сергей. — Ронни, даю добро на запуск.

— Понял. Первая... Пуск! Пошла. Вторая... Пуск! Пошла, — прокричал Ронни. — Ракеты ушли. Ждем.

— Как подводники с торпедами, не хватало только секундомера, эх, «маринески»¹... — тихо, скорее про себя пробормотал Алексей.

Неожиданно все увидели на мониторе радара, что НЛО дернулся и четче проступил на экране.

— Попали? Уже? — удивился Григорьев.

— Нет, первая только на подлете... пять секунд до контакта! — ответил Ронни. — Три... две... одна...

На радаре НЛО чуть распух и опал, спустя две секунды это повторилось.

— Попали?!

— Уверен. Но повредили ли, черт его знает, — с сомнением в голосе ответил Ронни.

— «Клипер» ...вашу мать!!! До попадания ракет НЛО был атакован лучевым импульсом! Защита, видимо, отключилась, и ваши «марсы» попали точно. Наблюдаем хаотичное падение НЛО! С отделением мелких фрагментов... Дымовая полоса, пожар. Вы его сбили! СБИЛИ!

— Каким лучевым импульсом? Вы это о чем? И почему НЛО падает? Он что, настолько потерял в скорости, что сходит с орбиты? — опешил Григорьев.

— Сергей, не знаю, действительно непонятно. Но ты не забывай, что, по наблюдениям, НЛО не обязательно иметь орбитальную скорость, чтобы держаться на орбите, они же иногда просто висят на любой высоте, и все! — ответил Погодин.

— Расчетный квадрат падения? — оживился Богатырев.

— Сейчас... секунду... Так, если не изменятся горизонтальная и вертикальная скорости, то компьютер дает расчетную точку примерно двенадцать — четырнадцать градусов северной широты и сто сорок один — сто сорок семь градусов восточной долготы. Это у нас западная часть Тихого океана... Ого, как бы тарелка не затонула в Филиппинском желобе или Марианской впадине!

— А какова ее скорость? — включился в разговор Ванхаймер.

— Горизонтальная — пять тысяч шестьсот километров в час, вертикальная — тридцать пять метров в секунду... Стоп! Скорости медленно, но падают; похоже, пилот, если в ней есть пилот, пытается что-то сделать!

¹ А. И. Маринеско — Герой Советского Союза, командир подводной лодки С-13, совершивший «атаку века» и потопивший крупнейший транспорт фашистской Германии «Вильгельм Густлофф».

— Господин Пирогов, прошу вас держать нас в курсе полета НЛО постоянно! — попросил профессор Сертиз.

— Стив! — позвал Хьюстон Царев.

— Да, Иван, слушаю тебя!

— Я бы на твоём месте срочно известил ваши ВМС. Тарелку надо будет искать! А я сейчас узнаю, наши суда там есть или нет... В любом случае батискаф понадобится. Так что и с Академией наук придется говорить.

— Я думаю, у полковника Рейли это получится лучше, — ответил Варсон. — Вы слышите наш разговор, полковник?

— Да, Стив, уже связываюсь с базой ВМС «Арпа-Харбор» и базой ЮСАФ «Андерсен» на Гуаме.

— Что с Пьером? — подал голос Ронни.

— Фара спускается по сумасшедшей баллистической траектории... — виновато ответили из ЦУПА.

— Так! Начинаем спуск! Экипаж, проверить все системы! — Григорьев принял решение. — Плесецк, будьте готовы к нашему приему. Напоминаю, на борту раненый. Прошу ЦУП подготовить для возможного перелета воздушное судно.

— Хорошо, Сергей, — ответил из ЦУПа Погодин.

— Эй, Сергей, мне тут здорово начистили задницу по поводу твоего несанкционированного запуска на «Клипере», так что терять мне уже нечего. Даю приказ подготовить для вас ТУ-160. Ждем вас в Плесецке.

— А как же его вооружение? — усмехнулся Алексей. — Кто же его пропустит в свое небо?

— Ракетоносец будет нести только оборонительное вооружение — ракеты «воздух-воздух» и «воздух-космос». Надеюсь, мне поверят на слово.

— Придется, — это пробормотал полковник Блан.

— Входим в верхние слои атмосферы, — вместо ответа сообщил Григорьев.

«Клипер» круто накренился и заскользил к Земле, постепенно окутываясь ореолом горящей атмосферы.

После точного энергетического удара «гобоя» из обсерватории Ля Бариллет, НЛО резко обозначился в видимом диапазоне спектра на высоте ста пяти километров от Земли. По его более чем стометровому корпусу пробежало несколько исполинских электрических разрядов, рассыпавшихся миллионами искр. Спустя несколько секунд, не встретив препятствия в виде силового поля,

две экспериментальные ракеты «Марс» класса «космос-космос» вонзились в левый борт тарелки и взорвались внутри, пробив внешний корпус. Тарелка, которая на самом деле имела скорее форму сплошной подковы или эллипса с одной срезанной острой стороной, резко потеряла орбитальную скорость, выбросила из своего чрева несколько дымных огненных сгустков вместе с обломками и, сделав пару бочек, с тяжелым переваливанием через левое «крыло», устремилась к Земле, с небольшим углом атаки, оставляя за собой черный дымный след.

09 мая 20... года, 16 часов 30 минут. Постоянное представительство США при Отделении ООН в Женеве

На позывной Макса откликнулись три человека. Не прошло и получаса, как все они собрались в условленном месте и забрались в фургон американского постпредства с дипломатическими номерами. Один спецназовец был серьезно ранен — у него была оторвана кисть и рука на уровне плеча туго перетянута жгутом. Необходимо было срочно его госпитализировать. Пока спецназовцы переодевались и помогали переодеться в гражданское шипящему от боли раненому, Макс по рации связался со своим отделом в постпредстве и предупредил, чтобы врач срочно был готов выехать в кантональный госпиталь вместе с дежурным дипломатом и пациентом.

Постпредский врач, увидев ранение, зашептал:

— А как мы объясним, что конкретно произошло?

— Скажете, что при сварочных работах взорвался газовый баллон! — обращаясь не к врачу, а к побледневшему дипломату, раздраженно ответил Макс. — Возьмите, — он протянул сотруднику листок бумаги, на котором были написаны имя, фамилия и другие данные раненого.

— Объясните, что документы подвезут позже, не до этого, мол, было. А я распоряжусь направить в госпиталь факс с нашими гарантиями оплаты операции и лечения. Идите!

Отправив раненого в госпиталь, Макс подождал, пока двое оставшихся спецназовцев умоются и приведут себя в порядок. После этого, хмуро взглянув на мало что выражающие лица, он жестом пригласил их следовать за собой и направился к кабинету Рассела. Ничего хорошего от этой встречи он не ждал, но и не очень уж боялся за свою задницу: в конце концов, решение о проведении такой операции принималось в Центре, вот и пусть между собой там разбираются. А если его и отзовут — так оно и к лучшему: ему здесь уже порядком надоело...

09 мая 20... года, 21 час 40 минут. Дом Правительства. Москва, Россия

Тарас Бруденко сидел в своем кабинете и сосредоточенно грыз ногти. Его самолюбие было уязвлено. Кто же знал, что все так получится?

Дело в том, что несколько часов назад он был срочно вызван к Президенту, который потребовал от него объяснений по поводу участия агентов ФСБ и ФСО в европейско-американской научно-фантастической шпионской заварушке. Присутствовавший на первой части беседы шеф ФСО сделал вид, что все это прошло не просто мимо него, а вопреки его четким указаниям, и он еще разберется с этим делом и навешает тем, кто к этому причастен, с чем и был отпущен без особых комментариев. Все комментарии достались Тарасу...

Заранее заготовленная на такой случай аргументированная речь Тараса не произвела ровным счетом никакого впечатления на Президента, он оказался на удивление осведомленным, вплоть до мелочей, во всем происходящем и четко дал понять, что просто так все это дело не оставит. Более того, во время аудиенции в кабинет неожиданно зашел премьер и тоже вездливо стал расспрашивать, явно хорошо ориентируясь в теме. Единственное, что удалось Бруденко, так это скинуть часть вины на Президента Чечни, якобы его служба безопасности совсем от рук отбилась и часто действует совершенно самостоятельно, не утруждая себя докладами руководству. Президента и премьера эта аргументация не очень смутила. Более того, премьер, нагло усмехнувшись, напомнил ему, что знает, с каким тейпом дружит «хохол» Тарас Бруденко, и поэтому алгоритм решений помощника для него — открытая книга.

Тарас понял, что уже, видимо, сдан своими подельниками в лице Штилера, Сафарова и Вексельрода. Сколько он для них, сволочей, сделал! Сколько позволил перевести денег за границу, сколько залоговых и других аукционов подтасовал так, что только они и могли их выиграть! И за все за это — такая неблагодарность! Была бы его воля — перестрелял бы всю эту олигархическую шпану на месте!

В пылу обиды он и не вспомнил, что этими людьми ему были открыты счета в западных банках, куда затем они же и кидали небольшие деньги.

Концовка аудиенции была более чем удручающая — немедленная и безусловная отставка, и тогда его оставляют в покое и не трогают счетов в банках, или...

Нет, нет и нет! Мы еще посмотрим, кто кого!

Но набранные номера мобильных его «друзей» не отвечали...

Ну, ничего, ничего... Он что-нибудь придумает. Что-нибудь такое, от чего у его противников волосы дыбом встанут. Он уже видел, как в прямом эфире на первом канале... Так-так, надо бы позвонить Кириллу Рюнсту, пока до него не докатились слухи о его отставке. Пусть на своем канале выделит ему немного времени. Тарас набрал по вертушке номер Кирилла.

— Рюнст слушает.

— Привет, Кирилл! Это я — Тарас.

— А-а-а... Привет, рад слышать тебя. — Однако тон, которым это было сказано, не оставлял сомнений в том, что собеседник испытывал как раз обратные чувства к звонившему.

«Как, неужели уже все знает, скотина? Откуда?» — оторопел Бруденко. Тем не менее постарался взять себя в руки и продолжил разговор:

— Кирилл, мне тут пришла в голову интересная мысль. Хотелось бы заручиться твоей поддержкой по поводу одной передачи. Надо встретиться! Я бы тебе все рассказал. Вместе обсудим сценарий...

— Тарас, ни сегодня, ни завтра я — никак. Ты же сам знаешь — то госссовет, то совещание, то переговоры, то министры. Давай так: позвони мне на следующей недельке, и тогда обо всем договоримся.

— Ладно, Кирилл... Спасибо, пока.

Тарас шваркнул трубку на рычаг кремлевки. Всё! Если знает этот шоумен, то знают все. Нет никакого смысла кому-либо звонить, он реально выпал из обоймы. Совершенно ясно, что утечка организована специально. Его переиграли и не дали времени предпринять ответные действия. А если Президент, вдобавок к этому, «забудет» свое обещание насчет банковских счетов? Что тогда? А что, если ему перекроют кислород с выездами, как он сможет контролировать свои финансы? А если?.. Как он мог быть таким самоуверенным? Идиот! Почувствовав, что почва начинает уплывать из-под ног, он бессильно сжал кулаки так, что хрустнули пальцы.

Глава 7. Океанский «Stone Skipping»

10 мая 20... года, 05 часов 20 минут. Филиппинское море, западная акватория Тихого океана, район о. Гуам

Взлетевший более трех часов назад с авиабазы «Андерсен» на острове Гуам самолет Боинг Е-3 Sentry (дозорный) Авиационной

системы раннего предупреждения и управления (АВАКС), или «Борт 39-45», позывной «Флай» («Муха»), находился примерно в ста семидесяти километрах на юго-запад от острова на высоте семи тысяч метров. Экипаж работал в штатном режиме, несмотря на то что взлет был срочным, а полетное задание получено уже в воздухе. И это задание было из ряда вон выходящим: обнаружить и сопроводить приземление (скорее, приводнение) объекта «Санта Клаус», то есть НЛО!

Командир экипажа майор Гленн Грант, прочитав телеграмму с полетным заданием, врученную ему бортрадистом Беном (по кличке «Большой Бен» из-за своего двухметрового роста), внимательно посмотрел на младшего сержанта. Тот, поняв невысказанный вопрос, попытался вытянуться по стойке смирно, саданулса головой о верхний край порога двери пилотской кабины и, сморщившись от боли, отрапортовал:

— Командир, здесь все точно. Ошибки в дешифровке нет, я дважды перепроверил.

— Хорошо, свободен.

Сержант, с трудом развернувшись в узком проходе, потирая темечко, протопал в свою маленькую конуру, напичканную электроникой, и с трудом втиснулся в нее. Впрочем, весь самолет был просто до предела забит этим добром. Хотя для экипажа условия были еще сносные — места командира, второго пилота, штурмана, бортмеханика и радиста были просторны по сравнению с рабочими местами шестнадцати операторов РЛС. В кабине экипажа работал автономный климат-контроль, не то что в остальных отсеках самолета — один на всех без индивидуальной регулировки.

За кабиной экипажа располагался первый отсек, где находились рабочие места старшего оператора РЛС и его помощника, и чуть дальше — двух операторов сопровождения и целеуказаний и четырех операторов дальнего обнаружения. Во втором отсеке располагались восемь операторов. Каждый из двенадцати операторов дальнего обнаружения обслуживал тридцатиградусный сектор горизонта. Четвертый отсек — бытовой. Небольшая кухня с микроволновками и холодильным шкафом; через переборку крохотная столовая (на каждом борту по столику, один — на два, другой на четыре места) с телевизором и небольшой видеотекой; еще через одну переборку шесть узких спальных мест для свободных от вахты членов экипажа и операторов и в самом конце — две туалетные комнаты. Дальше находилась только постоянно закрытая дверь в хвостовой отсек. Там ровными рядами вдоль бортов стояли электронные модули приема-передающих устройств

главной РЛС авиакомплекса. Шкафы с микросхемами протянулись на двенадцать метров к килю самолета, а там находился запертый на ключ командира люк, ведущий в хвостовую башню стрелка. Ложемент стрелка был подвешен на сервоприводных механизмах по центру кабины. Внушительного вида спаренная скорострельная авиационная 20-миллиметровая пушка М-61 «Вулкан» с двумя шестиствольными вращающимися блоками управлялась с помощью почти компьютерных джойстиков с программным обеспечением поиска, нахождения и сопровождения цели. Но место стрелка практически с самого момента сборки самолета и его пуска в эксплуатацию пустовало. Во-первых, сегодня этот авиационный артиллерийский «плутонг» был малоэффективен против истребителей даже старого, третьего поколения, а во-вторых, сейчас он был подключен к мощному компьютеру авиакомплекса и мог быть применен без участия стрелка, в автоматическом режиме, и даже с более высокой точностью.

Грант знал, что на рейд военно-морской базы «Арпа-Харбор» на острове Гуам вышли несколько боевых кораблей, в том числе атомный ракетный крейсер УРО ЮСС «Порт-Ройял» класса Тикондерога, пара скоростных сторожевых кораблей и малый противолодочный корабль с вертолетом на борту. «Неужели все это придется задействовать в этой экстраординарной операции?» — недоумевал командир.

Ровный гул моторов убаюкивал, а опущенные на стекла шторы светофильтров и цикадное пощелкивание множества электронных приборов создавали совсем уж нерабочую обстановку. Гленн искренне позавидовал своим коллегам, которые дрыгли сейчас без задних ног, покачиваясь в легких гамаках на веранде офицерского общежития авиабазы. Взглянув на второго пилота, он понял, что мысли его подчиненного бродят где-то там же. С другой стороны, когда еще доведется участвовать в подобной операции? Подумать только: они, возможно, увидят настоящий НЛО! Не дрожащие и скачущие кадры, снятые случайным свидетелем на слепую камеру мобильного телефона, не летящую шляпу, умело отретушированную с помощью фотошопа под летающую тарелку очередным психом или любителем розыгрышей, а реальный объект! С ума сойти...

— Гленн, курс двести семьдесят пять, пожалуйста! — прозвучал в наушниках голос старшего оператора Даррелла Смита и вернул Гранта в реальность. Сейчас работала команда РЛС, и, согласно инструкции, он должен был стремиться к наиболее точному следованию рекомендациям Даррелла относительно курса.

За все время барражирования в западной части Филиппинского моря, они меняли направление уже семь раз.

— Высота, скорость?

— Нет, Гленн, оставайся в этом эшелоне.

— Командир, — спустя несколько минут заговорил штурман. — Через пятнадцать минут придется сменить высоту до семи пятисот — сближаемся с гражданским рейсом 23-14.

— Слышал, Даррелл?

— Да, Гленн, это нам не помешает, крути свою баранку! — засмеялся оператор.

Нынешнее их задание и у Смита вызвало массу вопросов. Уже сколько он летает на АВАКСах, в том числе два с половиной года с командиром Грантом, ничего подобного в его карьере не было. Бывали иногда необычные засветки на экранах радаров, но они так и оставались непонятными и, видимо, все-таки атмосферными явлениями. Правда, не раз он слышал рассказы летчиков о встречах с НЛО, погонях, попытках сбить, но никогда не относился к ним серьезно. Он не склонен был упрекать авиаторов в вымысле, но считал, что в небе многое, при наличии толики фантазии и желания, можно принять за НЛО. Сегодня же он вместе со всей своей бригадой операторов и экипажем вынужден был констатировать, что в рассказах пилотов правды намного больше, чем можно было ожидать. В любом случае, какое бы задание ни было, выполнять его надо.

Грант произвел постановку «Боинга» на новый курс и включил автопилот. Неожиданно он почувствовал приглушенный внутренний радиообмен между операторами. Явно они что-то закли. Начинается, подумал летчик.

— Гленн, курс сто восемьдесят три!

— Выполняю! Штурман, следить за высотой и курсом! Бортмеханик — смотреть небо! Всем — пристегнуть ремни!

«Сентри», сильно опутив левое крыло, начал разворот на 90 градусов на юг.

— Есть, кэп! — ответил штурман. — Пошла потеря высоты и скорости. Курс двести шестьдесят два... двести шестьдесят...

— Джерри, выбирай газ, выбирай! — приказал командир второму пилоту.

— Выполняю! — тут же ответил пилот.

Все в самолете ощутили значительную потерю веса, некоторые — неприятные ощущения в желудке. Но тут же на новой, более высокой ноте загудели двигатели. Где-то на камбузе упала и разбилась бутылка.

— Обороты восемьдесят пять процентов! Восемьдесят шесть... восемьдесят семь... — докладывал второй пилот. — Скорости, семьсот девяносто...

— Высота шесть тысяч девятьсот девяносто... девятьсот восемьдесят пять... девятьсот восемьдесят три... — это бубнил свой штурман. — Полет горизонтальный! Высота шесть тысяч девятьсот восемьдесят пять! Курс двести сорок пять.

Тяжелый авиакомплекс постепенно нашел опору под крыльями, сбалансировал полет и закончил вираж, потеряв всего сто семьдесят метров высоты — сущий пустяк для такой махины и такого срочного маневра.

— Гленн, теперь, как только сможешь, курс сто пять, высота шесть тысяч двести, — как всегда, вежливо и спокойно попросил Даррелл.

На этот раз Грант заложил еще более крутой вираж, и спустя всего две минуты они, опять немного снизившись, легли на нужный курс.

— Гленн, прошу связи с базой.

Старший оператор имел полное право по регламенту связываться с базой самостоятельно, без разрешения командира, и даже, при необходимости, по секретному индивидуальному каналу. Но, по сложившейся традиции, операторы не прибегали к этой неприятной для командиров экипажей практике.

— «База один», я «Муха»! Веду две цели, даю координаты, азимут, скорость и динамику... — Даррелл перечислил все необходимые параметры. — Продолжаю вести обе, до вашего указания!

— «Муха», здесь «База один»! Ведите первую цель, высотную можете отпустить — это начал спуск с орбиты русский «Клипер». На нем и наши ребята, если вы помните. Его ведут отдельно и Плесецк и Хьюстон, так что они в надежных руках. Все внимание — первой цели! Если произойдет визуальный контакт — включить все бортовые камеры и снимать! Но главное — как можно точнее засечь место падения. Мы не знаем, утонет объект или нет, но если утонет — попробуйте поставить радиобуй.

— Буй? «База один», как вы себе это представляете, здесь такие глубины! Его быстро отнесет течением. Да и мы не вертолет и не бомбардировщик, чтобы сбросить с высокой точностью. Плюс-минус пятьсот метров, не меньше, — вклинился в разговор Гленн.

— «Муха», вы не рассуждайте, а выполняйте! У вас что, есть более рациональное предложение? Мы уж постараемся, чтобы ВМС подошли к точке как можно скорее. Более того — мы запеленгуем позывные со спутника.

— «База один», — не унимался Гленн, — я прекрасно помню, как мы с вами в прошлом году запеленговали упавшую «Сессну». Как морячки потом мучились? А ведь затонул аппарат не в самом глубоком месте, можно сказать, почти на Малой Магеллановой банке¹. Так что...

— «База один», «База один»! — вмешался в перепалку Даррелл. — Объект вошел в зону четкой фиксации. Азимут двести семьдесят пять, высота девятнадцать, удаление восемьсот двадцать, скорость два и четыре десятых маха! Оператор десятого сектора, вывести телеметрию цели на дисплей.

Началась обычная «спокойная суматоха» боевой работы.

— Даррелл, цель точно придет с кормы? — на всякий случай поинтересовался Гленн.

— Да, если не поменяет направление...

Пожалуй, это был тот редкий случай, когда Грант пожалел, что у его самолета нет зеркал заднего вида, как на машине.

— Герберт! — позвал бортмеханика Грант.

— Да, командир!

— Давай быстро отправляйся на пост стрелка, под соедини к компьютерному коллиматору артиллерийской спарки видеокamera и выведи управление сюда. Сможешь?

— Да, командир! Только...

— Люк я открою, не беспокойся.

Гленн поколдовал над компьютером, который монитором нависал у него с левой стороны, а клавиатурой постоянно мешал при работе с системами связи. Бортмеханик скрылся в проходе и двинулся к корме. Его продвижение сопровождалось шутками и комментариями операторов, которых он невольно задевал.

— «Муха», я «База один». В район предполагаемого визуального контакта вылетели два звена Ф-16, цистерна² тоже на подходе, на всякий случай, — доложили с Гуама.

Тяжелый «Сентри» нехотя набирал скорость.

— Гленн, разгоняй, как можешь, свой кероваз, — скороговоркой приказал Даррелл. — Объект нас догоняет, и очень быстро.

— Крис, полный газ! Взлетный режим! Взлетный!

— Есть, кэп, взлетный! — откликнулся второй пилот.

Турбины «Сентри» ответили нарастающим ревом, и все почувствовали, что их слегка прижало к спинкам сидений, кроме тех операторов, которые сидели спиной по ходу.

¹ Банка — отмель.

² Авиационный топливозаправщик.

* * *

Тарелка, оставляя за собою легкий дымный след, снижалась и теряла скорость. Первая пара Ф-16 пошла на разворот, пристраиваясь к ней в кильватер. Спустя полминуты вторая пара выполнила маневр и зашла на цель.

Скорость НЛО снизилась до одного и девяти десятых маха, потом до одного и шести десятых...

«Сентри» в это время разогналсЯ до рекордной для него скорости в девятьсот десять километров в час и шел параллельным курсом чуть сбоку и впереди.

— Всем наблюдать, снимать, отслеживать! — гаркнуло из штаба.

— Да чтоб вас всех приподняло и пришлепнуло!.. — в сердцах пробормотал Гленн.

— Ниже, ниже, Гленн! — заорал Даррелл.

— ...Вашу мать! Снижаюсь!

— Скорость объекта один и две десятых маха, удаление пятнадцать, высота шесть! — доложил оператор десятого сектора.

— Держать цель! — бросил Даррелл.

— «Муха», «Муха», я «Танго»! Вхожу в ваш квадрат... — это проявился заправщик KC-135 Stratotanker.

— «Танго», «Танго», я «Муха»! Немедленно покиньте квадрат тридцать три — пятьдесят! Повторяю...

«Вот только вашей керосинки здесь не хватало!» — выругался про себя Гленн.

В пилотскую кабину заглянул бортмеханик:

— Командир, я все сделал, можете выводить картинку на свой монитор.

Гленн пощелкал клавишами, и на его дисплее появилось изображение, получаемое камерой с хвоста самолета из кабины стрелка. Он пошевелил джойстиком управления артиллерийским комплексом, и вместе с орудиями камера послушно сместилась вбок.

— Отлично, молодец! — похвалил Герберта командир.

Тем временем корабль чужих, хоть и терял скорость, но все же нагонял «Сентри». Теперь он был в нескольких километрах от авиакомплекса, и его уже можно было увидеть невооруженным глазом, не говоря об оптических и цифровых трансфокаторах, установленных на видеокамерах.

— Скорость ноль девятью семь маха, удаление четыре тысячи триста метров, высота четыре и пять! — продолжал докладывать оператор.

— «Муха», «Муха», я «Сапсан»! Тарелка перестала дымить! — это прозвучал голос командира звена Ф-16, по-прежнему сопровождавших НЛО.

И действительно, дымного шлейфа за кораблем чужих больше не наблюдалось.

— Понял, спасибо. Штурман, где у нас там цистерна болтается? Они вышли из квадрата?

— Да, развернулись. Уходят на юг.

— Хорошо.

— Скорость восемьсот... Командир! Объект поменял курс! — удивленно воскликнул оператор.

— Азимут? — тут же запросил Даррелл.

— Сто тридцать! Удаление две тысячи, высота три и девять. Теперь заправщик по курсу! — тревожно сообщил оператор.

— Высота цистерны?

— Четыре и три!

— «Танго», «Танго», это «Муха»! Объект повернул вправо до ста тридцати, вы прямо по его курсу. Срочно поднимитесь до пяти!

— «Муха», я «Танго», понял, начал набор!

— Подбирай газ, подбирай, — приказал Грант второму пилоту. — Надо сбрасывать скорость...

Одновременно Гленн, управляя хвостовой телекамерой, поймал в объектив корабль чужих, зафиксировал цель и включил запись.

Тарелка, продолжая снижаться, больше не теряла скорость, а ее полет стал более ровным и плавным. Когда до поверхности океана оставалось около полутора тысяч метров, вокруг НЛО будто вспыхнуло почти невидимое, чуть голубоватое газовое пламя и окутало весь его абрис. Спустя несколько секунд объект практически исчез из видимого диапазона, и только легкие возмущения атмосферы и голубоватые всполохи могли указать на его местонахождение. В это время она догнала «Сентри» и пошла, снижаясь, параллельным курсом.

— «Муха», я «Сапсан», объект исчез из поля зрения! — спокойно, даже как-то равнодушно передал командир звена Ф-16, не страдающий, видимо, избыточной впечатлительностью.

— Засветка цели исчезла с радаров! Лазерные дальномеры не фиксируют объект! — доложили Дарреллу.

— Черт! Съемка ведется?

— Так точно!

— «Муха», я «Сапсан». Поправка: с трудом, но объект виден.

Посмотрев левее и немного вперед по курсу, Гленн тоже различил легкие невесомые и зыбкие очертания тарелки. Судя по всему, работало силовое поле. Оно было непроницаемо для радаров, но в видимом диапазоне не могло полностью скрыть объект, и он был виден не только как расплывчатый, туманный контур, но и как деформация предметов на удалении, на которые надо было смотреть сквозь защитное поле НЛО, как расплываются очертания далеких автомашин в жаркий день из-за раскаленного асфальта, над которым поднимается горячий воздух.

— Вижу, «Сапсан», спасибо!

— Операторам: вести объект визуально! — прозвучал приказ Даррелла.

— Что у вас там происходит? Я «База один»! Отвечайте! — раздалось с Гуама. — «Муха», «Муха», почему не докладываете?

Выматерившись про себя, Гленн кратко доложил на «Базу» суть происходящего в квадрате тридцать три — пятьдесят.

— ...Продолжаю снижение, но ниже пятисот не пойду — опасно. Скорость триста шестьдесят, — закончил он.

— «База один», я «Сапсан», доведу объект до поверхности, не волнуйтесь! — вмешался командир истребительного звена.

— Хорошо, «Сапсан», только максимум осторожности, максимум!

Дальше события разворачивались стремительно, масштабно и феерически.

Тарелка на скорости в 230 километров в час снизилась до уровня поверхности океана и коснулась силовым полем вершушек невысоких волн, гонимых легким теплым ветром. На несколько десятков метров в стороны со звуком оружейного выстрела разлетелась белая пена, а на поверхности осталось белесое пятно. Пролетев еще около сотни метров на высоте метра-полутора, тарелка снова, уже сильнее, ударилась полем о поверхность воды. Опять была выброшена пена, и опять тарелка скрикошетирила от воды. Это было похоже на полет плоской гальки, брошенной с берега параллельно поверхности воды и отскакивающей от нее при каждом касании, так называемый «stone skipping». Но скорость падает, каждый следующий удар о воду происходит все чаще и чаще до самого...

Наконец, при очередном, уже очень сильном ударе о воду, тарелка скапотировала и на приличной еще скорости под углом в 30 градусов воткнулась в море передним, срезанным ребром. Захлест волны, образовавшейся от такого удара, поднялся на высоту пятидесяти метров, а сама волна, с быстро погасшим буруном

сверху, достигла высоты десяти-двенадцати метров и солитоном¹ покатила на юго-запад. Несколько десятков секунд НЛО тонул, медленно покачиваясь с бака на ют. Это было фантастическое зрелище — практически невидимый призрачный корабль погружался в пустоту, созданную в воде вокруг него силовым полем. Наконец волны сомкнулись над верхней частью силовой сферы, и циклопический пустотный кокон с застывшим, как муха в янтаре, космическим кораблем внутри стал постепенно растворяться в лазурной глубине океана.

«Сентри» в это время уже делал обратный разворот для захода на точку затопления, чтобы сбросить радиобуй. Место погружения НЛО все еще выделялось на поверхности белесой плесью.

Гленн рискнул сбросить обороты почти до минимума и снизиться до критической высоты в 150 метров.

— Штурман! Наводи на цель! — приказал он машинально, хотя и сам отчетливо видел метрах в пятистах эту проплешину на легкой зыби поверхности. — Бортмеханик — к сбросу буя!

— Еще... еще... — шептал штурман. — Сброс!

— Есть сброс! Буй пошел! — тут же доложил Герберт.

— Взлетный режим, Крис! Набор высоты! — приказал Гленн второму пилоту.

— «Муха», я «Сапсан». Отбомбились. Отличная работа, буй сброшен точно. «База один», срочно пеленгуйте! Буй будет сносить ветром! — это вклинился в радиообмен командир звена истребителей.

— Без паники, «Сапсан», без паники. Уже пеленгуем...

Несколько минут в эфире хранилось молчание, а затем:

— Все! Пеленг получен, точные координаты есть. Всем спасибо за работу. Все — домой!

Вскоре, подлетая к базе «Андерсен», Гленн, выполняя разворот и начиная посадочную глиссаду, увидел, что два сторожевика, стоявшие на рейде, взяли курс на юго-восток, к месту затопления НЛО. Судя по большим белым бурунам, они шли самым полным и часа через четыре подойдут к нужному квадрату.

Окончание в следующем номере

¹ Солитон — одиночная аномальная волна. Эти волны достигают высоты 30 метров. Механизм их образования изучен слабо.

В ПОИСКАХ ЗОЛОТА ЗАТОНУВШИХ КОРАБЛЕЙ

Первые археологические находки на Филиппинах свидетельствуют о том, что человек существовал там уже 30 тысяч лет назад. Для европейцев этот архипелаг открыл Магеллан в 1521 году. Он назвал его островами Святого Лазаря, но позднее они были переименованы в Филиппины в честь наследного принца Филиппа, будущего короля Филиппа II. Испанцев поразило то, что местное население знало грамоту, умело читать и писать. Правда, писали они на листьях бананов и на коре пальм.

Испанская эпоха на Тихом океане длилась целых 250 лет и ознаменовалась, помимо прочего, созданием первого в истории регулярного морского сообщения, соединившего берега величайшего океана, которое обеспечивалось знаменитыми манильскими галеонами.

Крушение на рифах Сайпана

Главный город Филиппин — Манила — был портом приписки испанских галеонов, курсировавших через Тихий океан в мексиканский порт Акапулько.

Первый рейс в Мексику был совершен в 1573 году, последний — в 1811. Галеоны, водоизмещение которых иногда достигало двух тысяч тонн, проектировались в Испании, а строились на Кавитских верфях, к юго-западу от Манилы, из твердых тропических пород древесины, способной выдержать тяжелые условия перехода через океан.

Маршрут из Акапулько в Манилу занимал два месяца. Обратный путь из Манилы в Акапулько, однако, был дольше и опаснее. Для того чтобы совершить этот переход, необходимо было идти на север почти до широты Японии, чтобы поймать западные ветры, а затем повернуть в направлении Мексики и идти через океан с его штормами и тайфунами. Путь в оба конца был равен 18 тысячам морских миль. Почти два с половиной столетия галеоны курсировали в обоих направлениях с завидной регулярностью. И все это в эпоху парусников с примитивным навигационным оснащением, когда успех плавания зависел от пассатов и японского течения Куро시오, а также тайфунов, цинги, жары, болезни бери-бери и набегов пиратов.

Манильские галеоны обеспечивали регулярное сообщение не только с Азией и Латинской Америкой, но и с Европой, так как их рейсы были связаны с передвижением кораблей испанского флота в Атлантическом океане, курсировавших между Испанией и Центральной Америкой. Сотни кораблей, бороздивших воды трех океанов, создавали уникальную транспортную сеть, которая связывала три континента.

Испанский порт Манила стал одним из центров мировой торговли. Через него проходили грузы, направлявшиеся транзитом. Галеоны приходили в Манилу, чтобы заполнить свои трюмы товарами для европейцев: золотом, жемчугом, сапфирами из Сиама, слоновой костью, лаковой посудой, китайским шелком и фарфором, янтарем, сандаловым деревом, камфарой и нефритом, мускатным орехом, корицей, гвоздикой и перцем.

Именно благодаря испанской торговле у народов Европы возник огромный интерес к странам Азии и было создано несколько Ост-Индских торговых компаний.

Путешествия галеонов не обходились без их гибели. И ключи ко многим загадкам прошлого Филиппин хранятся на дне вблизи тихоокеанских островов. По мнению сотрудников Национального музея страны, много галеонов нашли конец в коварных проливах центральных Филиппин и более сорока — на пути следования, у других островов. Из них, например, галеон «Пилар», пошедший ко дну близ берегов Филиппин в 1750 году с двумя миллионами песо в звонкой монете. В 1802 году погиб галеон «Ферролена» с грузом золота и серебра...

Недавние находки остатков манильских галеонов и их грузов (одного — в бухте Кармен, что на севере филиппинского острова Таблас, другого — у острова Бинтан, в шестидесяти милях от Сингапура) говорят о том, что груз, лежащий под водой в этих местах, не утерян для истории.

Первой приступившей к поиску мест гибели галеонов стала компания «Тихоокеанские морские ресурсы». Началу работ в море предшествовала двухгодичная предварительная работа в архивах Севильи, Рима, Гуама, Мехико, США и Манилы. Были изучены тысячи страниц донесений, отчетов, записок, воспоминаний и судовых деклараций. Старинные документы позволили обратить внимание поисковиков на гибель галеона «Нуэстра сеньора», на то время самого большого испанского корабля с грузом на 4 миллиона песо.

Галеон потерпел крушение 20 сентября 1638 года, направляясь

из Манилы в Акапулько с грузом восточных шелков, фарфора, изделий из слоновой кости и драгоценностями, среди которых были блюдо и набор кувшинов из чистого золота, подаренные испанским королем японскому императору.

Трагедия произошла у южного берега острова Сайпан, второго по величине среди Марианских островов, через месяц после отплытия из Манилы. Поскольку благосостояние всей колонии часто зависело от успешного плавания корабля, снаряжаемого всего лишь раз в году, то соблазн перегрузить его был непреодолим. Товары были искусно спрессованы и упакованы китайцами, а затем втиснуты на предназначенные места. Даже многотонные пушки убирались в трюмы, чтобы освободить больше места для товаров на палубах, делая тем самым корабль беззащитным при нападении.

Сотни кувшинов с пресной водой хранились как под палубой, так и дополнительно висели над головами моряков и пассажиров, плотно привязанные к такелажу, сделанному из манильской пеньки. Путешествие и гибель галеона стали известны из судебного дела между торговцами Манилы, включая коррумпированного губернатора Коркуэра, и представителями мексиканской таможни.

В 1636 году только что назначенный таможенный агент по имени Кирога с особой тщательностью проверял манильские галеоны, чтобы выяснить, перевозят ли торговцы Манилы какие-либо грузы помимо зарегистрированных. Недовольные торговцы, нарушавшие правила, оплатили тем, что отказались предоставлять декларации о перевозимых грузах. Документы подтверждают наличие на корабле тайного груза. Жадность губернатора Коркуэра была безгранична. Среди пятидесяти девяти обвинений, выдвинутых против него во время официального расследования в 1644 году, было и такое, что губернатор обычно отправлял на галеонах лично награбленное добро — изделия из золота и драгоценных камней, полученные в качестве взяток за особое покровительство.

Коркуэр также обвинялся в назначении своего племянника дона Хуана Франсиско капитаном корабля, который должен был присматривать за награбленным добром губернатора. Это привело к тому, что через несколько дней команда корабля перестала ему подчиняться. На галеоне поднялся мятеж, во время которого многие матросы были убиты и ранены. Управление кораблем было заброшено, в то время как поднялся шторм. Поскольку па-

руса не были убраны, сильный ветер сломал мачты и вместе с такелажом выбросил за борт. Ветер и течение сбили корабль с курса и вынесли его на рифы Сайпана. Из команды, находившейся на борту галеона, спаслось всего лишь несколько моряков. Некоторая часть груза была спасена и извлечена из прибрежных вод островитянами.

В 1684 году поисковая экспедиция испанцев обнаружила и подняла тридцать пять из тридцати шести пушек и семь якорей из восьми. Оставшиеся грузы галеона разбросало по подножиям рифов или унесло на большие глубины.

Поисковый корабль «Тенгар» подошел к Сайпану в марте 1987 года и бросил якорь у его юго-западного берега.

В течение двух лет велись работы на месте гибели галеона, во время которых было обследовано все южное и юго-западное прибрежное дно острова Сайпан.

Угроза тайфунов препятствовала проведению работ с июля по декабрь, но уже в течение первых шести месяцев было обнаружено практически все, что осталось от галеона. Команда исследователей была специально подобрана и состояла из тридцати человек семи национальностей — китайцев, малайцев, сингапурцев, филиппинцев, австрийцев, англичан и американцев. За время поисков остатков галеона команда совершила более десяти тысяч погружений — при этом без единой серьезной неудачи.

Первые золотые находки стали попадаться ныряльщикам в начале второго сезона работ. Сперва был найден фрагмент золотого блюда ручной работы. На нем была изображена женщина с вазой с цветами. В левой руке она держала букет роз. Маленькая собачка прыгала у ее ног. Цветочный орнамент украшал фрагмент по краям. Впоследствии было найдено большинство из осколков блюда. Согласно документам Севильского архива по делам Индии, галеон перевозил на своем борту блюдо из чистого золота и набор с кувшинами, считающиеся подарком короля Испании японскому императору.

Во время официального расследования гибели галеона испанские власти обвинили губернатора Манилы Коркуэра в незаконном присвоении этих предметов на Филиппинах и их возвращении в Испанию в качестве личного груза губернатора. Золотое блюдо с изображением женщины было важной находкой, но были и другие, которые впечатляли гораздо сильнее. Так, ныряльщик с Борнео Энт Навин нашел маленькую золотую тувельку, инкрустированную алмазами и брил-

лиантами. В туфельке могли храниться духи или другая парфюмерия.

Повезло и Майклу Флэкеру, подводному оператору из Австралии, который поднял 32 золотые цепи, каждая из которых была по полтора метра длиной. Все цепи лежали вместе и были скручены золотой проволокой. Они были погребены под двумя метрами осадков под узким выступом так, что его руки с трудом смогли до них дотянуться.

Аквалангистами были подняты более чем 1300 единиц золотых ювелирных изделий: цепи, кресты, четки, пряжки, филигранные пуговицы, кольца и броши с драгоценными камнями. Некоторые из менее ценных находок с галеона также были очень интересны. Например, 156 кувшинов для хранения пищевых продуктов, найденных на глубинах от 45 до 60 метров. Они весили более сорока килограммов каждый.

Реставраторы тщательно проанализировали содержимое кувшинов. В двух из них была застывшая восточная ароматическая смола, используемая как ладан-фимиам.

На кувшинах были выгравированы имена владельцев или испанские и китайские символы, указывающие на их содержимое: соль, уксус, селитра и вино. Но большинство кувшинов содержали питьевую воду, так как манильские галеоны на торговом пути не делали остановок по пять-восемь месяцев.

Для обследования дна на глубинах, недоступных аквалангистам, «Тенгар» имел двухместный водолазный колокол. Также использовался робот с видеокамерой, управляемой с поискового корабля. А там, куда не могли спустить колокол, применяли обитаемый подводный аппарат, вмещавший двух пилотов и наблюдателя. Данные глубоководных исследований удостоверяли, что обломки крушения сбросило с рифа до глубины 80 метров.

Работа по консервации находок велась круглые сутки. После очистки каждый предмет был измерен, сфотографирован, зарисован на бумаге, снят на лазерный диск компьютера. Все детали, включая точное местонахождение предмета, были включены в компьютеризированную базу данных для итогового отчета.

Многие предметы были повреждены тайфунами и обросли кораллами уже после крушения галеона. Так, например, один кусок коралла в действительности содержал 564 отдельных изделия — стеклянные бусины китайского происхождения, керамические черепки, разукрашенные медные кнопки,

остатки листового золота, две серебряные рукоятки от шпаг и бронзовые китайские весы, использовавшиеся, вероятно, для взвешивания драгоценных камней. Некоторые предметы были сугубо личными. Так, на поверхности маленького золотого гребня можно было разобрать надпись «год 1618», нанесенную золотыми точками. Также было видно и имя «Донья Каталина де Гусман». Дальнейшие поиски выявили, что она была вдовой и в 1634 году жила в Маниле. Находилась ли она на борту затонувшего корабля? Неизвестно. Чаше всего гребни делались не из золота, а из других материалов, в основном из слоновой кости или панциря черепахи. В 1767 году на галеоне «Сан-Карлос» перевозился груз из 80 тысяч гребней.

Находки, нанесенные на археологические карты-планы, привели к следующим выводам: галеон несколько раз ударился о риф и, распоров днище, потерял балласт, а затем постепенно распался на части и терял свое содержимое вдоль всего рифа, что хорошо прослеживается на составленных планах. Кормовую надстройку корабля вынесло на мелководье, а центральный корпус подхватило течением и отнесло на глубоководье, где он, заливаемый водой, опустился на дно.

Трагедия на «Сан-Диего»

Почти 400 лет назад у берегов Филиппин в одном из морских сражений затонул испанский галеон. Недавно удалось обнаружить обломки судна и кое-что из его груза. Археологи-подводники даже не подозревали, что ценные предметы кухонной утвари времен династии Мин, множество глиняных кувшинов выведут на след трагедии, унесшей в морскую пучину 350 жизней.

Обнаружить судно, затонувшее столетия назад, — такое дано не каждому исследователю. Подобная находка для археолога-подводника — истинная награда за многолетние поиски и труды.

По свидетельству подводного археолога Френка Годдио, его знакомство с галеоном «Сан-Диего», исчезнувшим в филиппинских водах еще 14 декабря 1600 года, началось задолго до обнаружения судна — тогда, когда он начал рыться в архивах, изучая пожелтевшие документы со свидетельствами немногих уцелевших в этой трагедии.

Известны сегодня и количество экипажа, и число орудий, и тип груза — даже место катастрофы: в шести милях от неболь-

шого острова Лусон. Так, во всяком случае, значится в объемном протоколе, пылящемся вот уже почти 400 лет в испанских архивах и составленном свидетелем катастрофы, адмиралом Антонио де Моргой. Но так ли все случилось на самом деле?

В Маниле, столице Филиппин, контролируемой Мадридом с 1565 года, поднялся настоящий переполох: в прибрежных водах курсировал нидерландский галеон «Маврикий». И это тогда, когда весь испанский флот выступил на подавление исламских мятежей на юге архипелага!

Жителям Манилы до голландцев дела не было — лишь бы не трогали! Но кое-кто мыслил по-иному. Для председателя высшего совета Филиппин, влиятельнейшего лица всей колонии, столь неожиданно явившийся противник оказался весьма кстати. Уже два года Антонио де Морга состоял на службе у испанского короля Филиппа. Удар по пиратам-протестантам окончательно открыл бы для него дорогу в Америку, о которой он мечтал давным-давно.

Итак, де Морга приказал снарядить два торговых корабля: трехсоттонный галеон «Сан-Диего» и маленькое судно «Сан-Бартоломе», переоснастив их в крейсера и объявив себя адмиралом флотилии. Из «Сан-Диего» он сделал флагманский корабль, снабдив четырнадцатью пушками, снятыми с крепостной стены Манилы, и загрузив трюмы судна ста двадцатью семью бочками пороха и большим запасом пушечных ядер и мушкетных пуль. На случай преследования он взял на борт достаточно провианта и питья.

Новая роль де Морги совершенно не была ясна горожанам — юрист и специалист по управлению, он не обладал ни морскими, ни военными знаниями. Чтобы успокоить судовых офицеров, вице-адмиралом и комендантом «Сан-Бартоломе» был назначен опытный капитан Хуан де Алькега.

С де Алькегой вышло в море всего сто солдат и матросов. А на борту тридцатипятиметрового «Сан-Диего» находилось более четырехсот пятидесяти человек: филиппинцев, африканских моряков, японских наемников и слуг.

С самого начала дул крепкий норд-ост, едва не срывая паруса. Уже на первых милях, в бухте Манилы, всем стало ясно, что корабль безнадежно перегружен. Всем, кроме командующего. Матрос Бенито дель Уэрто, которому чудом удалось спастись вместе с другими двадцатью моряками, свидетельствовал: «Вода за бортом достигала портов орудий — корабль так оказался забит, что даже к пушкам подойти было нельзя».

Чтобы хоть как-то выровнять крен, почти весь экипаж сошел с наветренной стороны, но — тщетно. Судовладелец Луис де Бельвер сильно опасался за свой галеон и умолял хотя бы часть груза выбросить за борт. Но именно де Морга приказал весь хлам убрать с палубы вниз, так что там, среди всей этой рухляди, не осталось даже места, чтобы при необходимости позаботиться о раненых или погасить случайную искру — чудо, что весь корабль не взлетел на воздух!

14 декабря голландец ван Ноорт заметил на горизонте чужие паруса. Он немедленно дал команду сопроводительному шлюпу «Эндрахту» с дубликатами всех его многочисленных экспедиционных отчетов возвращаться на родину. На оставшемся «Маврикии» стали готовиться к бою.

Испанцы сразу начали атаку, но первый выстрел прозвучал с «Маврикия». Прямое попадание. Грот «Сан-Диего» сломался пополам, а один из насосов был разбит вдребезги. Де Морга приказал открыть ответный огонь, но шеф канониров рапортовал, что орудия зарядить невозможно. Тогда де Морга решился брать «Маврикий» на abordаж — к несчастью, забыв приказать убрать паруса. «Сан-Диего» на полном ходу врезался в противника, получив при этом пробоину ниже ватерлинии. У «Маврикия» в тот момент серьезных повреждений не оказалось.

Тем временем тридцать испанцев уже прыгнули на палубу «Маврикия» и принялись резать снасти и срывать с мачт паруса, готовясь поднять испанские флаги. Ван Ноорт и пятьдесят восемь человек экипажа забаррикадировались в трюмах. Перевес был явно не на их стороне, и голландец предложил начать переговоры о сдаче. В этот момент подошел «Сан-Бартоломе» — и сразу открыл огонь по «Маврикию», невзирая на то, что голландский корабль был уже почти занят испанцами. Лишь в последний момент вице-адмирал де Алькега наконец понял, что же произошло. На «Сан-Бартоломе» он бросился в погоню за «Эндрахтом», остановив его через несколько часов.

А что же происходило на «Сан-Диего»? Матрос Бенито дель Уэрто нашел своего командующего бледным и безразличным. Дель Уэрто махал перед его глазами захваченным вражеским флагом, заклиная де Моргу отдать наконец приказ на полный захват «Маврикия», ибо экипаж последнего фактически уже сдался. В ответ он услышал лишь лепет заикающегося командующего: «Делай, что можешь...» Все это никак не вяжется с героическими мемуарами самого де Морги, у которого едва ли не каждая стра-

ница полна описаниями ожесточенных схваток. Из неразберихи на «Сан-Диего» голландец ван Ноорт извлек свою выгоду. Из орудий второй палубы он приказал снова открыть огонь, одно временно пойдя на чисто военную хитрость: его люди взорвали дымовые шашки, и из люков стал медленно выползать густой дым, разжедая глаза нападавшим.

Опасаясь, что и «Сан-Диего» будет охвачен пламенем «Маврикия», де Морга отдал наконец свой первый приказ, оказавшийся самым непродуманным в его короткой карьеры командующего. Вместо того чтобы эвакуировать команду с поврежденного «Сан-Диего» на «Маврикий», он отозвал своих с борта голландского судна и приказал рубить абордажные канаты.

В течение нескольких минут неспособный к маневру «Сан-Диего» затонул в Южно-Китайском море, унеся с собой в пучину триста пятьдесят жизней. Полные отчаяния солдаты пытались расстегнуть тяжелые нагрудные панцири и латы, но не успевали этого сделать. Кое-кому все же удалось вплавь достигнуть суши. Между тем нидерландцы собрались на палубе и преспокойно открыли пальбу по потерпевшим кораблекрушение.

Де Морга оставил свое судно одним из первых, нарушив морскую заповедь, и поплыл на плоту, припрятав на себе два захваченных неприятельских флага. Плот с трусливым командующим толкал перед собой до самого острова Фортуна его секретарь...

Теперь, четыреста с лишним лет спустя, перед подводным археологом Френком Годдио стояла задача: на основе изученных документов попытаться обнаружить обломки «Сан-Диего» и найти вещественные доказательства всему происшедшему. Берег острова Фортуна находился в досягаемости пушечного выстрела, поэтому Годдио сразу ограничил поиски сравнительно небольшим участком у юго-восточного побережья.

Глубина воды там составляла семьдесят метров, а морское дно было покрыто коралловыми пластами примерно на высоту остова «Сан-Диего». Помочь исследованиям мог только магнетометр. Настроили детекторы, после чего исследовательский катамаран Френка Годдио, руководителя экспедиции, прошел контрольное поле метр за метром. На это ушло несколько недель, а результата не было.

Но однажды детектор все-таки среагировал, показав, что прямо под археологами находится железо. После долгого погружения один из аквалангистов всплыл на поверхность с радостной

улыбкой — под исследовательским судном всего в полукилометре от берега действительно находились обломки какой-то посуды.

В скудном свете корпус затонувшего корабля едва ли отличался от коралловых пластов, но то тут, то там под отложениями можно было угадать контуры якорей и пушечных лафетов.

Над местом находки поставили на якорь рабочую аварийно-спасательную платформу. В первый же день исследователи натолкнулись на реликты редкой красоты: тысяча неповрежденных предметов из небесно-голубого китайского фарфора времен династии Мин — первоклассный экспортный товар, удивительно хорошо сохранившийся за столько лет пребывания в морской воде.

Был найден и единственный в своем роде изящный сосуд для воды в форме баклажана. Что это? Чья-то собственность? Если да, то владелец расстался с жизнью так же, как и японцы-легионеры, присутствие которых доказывали найденные двадцать четыре бронзовые рукояти от самурайских мечей. Не меньшее культурно-историческое значение имели пятьсот семьдесят огромных глиняных кувшинов, служивших для хранения запасов мяса, овощей, приправ, масел, вин и воды. Кроме того, аквалангисты извлекли практически действующую астролябию и корабельный компас — во всем мире едва ли можно найти подобные великолепно сохранившиеся инструменты.

«После того как был убран балласт судна — сто пятьдесят тонн камней, — рассказывает Френк Годдио, — “Сан-Диего” поразил нас другой неожиданностью: части его корпуса удивительно хорошо сохранились. Прежде всего киль, многочисленные шпангоуты, даже руль! В общем, материала предостаточно, чтобы составить довольно точное представление о судостроении того времени».

Дальнейшая судьба тех, о ком шел рассказ, хорошо известна. В августе 1601 года, спустя полгода после филиппинской авантюры, Оливье ван Ноорт на своем «Маврикий» снова появился в гавани Роттердама — его земляки продолжали высылать флотилии в далекие восточноазиатские воды. Но только спустя сорок лет Нидерланды завладели довольно большой частью Индонезии, взяв под контроль торговлю специями, что впоследствии сделало эту страну одной из состоятельных наций мира.

Спасшийся адмирал де Морга прежде всего приказал арестовать Хуана де Алькегу, своего вице-адмирала и капитана «Сан-

Бартоломе». И прежде чем иные сведения об этих событиях достигли берегов Испании, при мадридском дворе все зачитывались искусно выдуманными сочинениями де Морги. В июле 1603 года горе-командующий получил-таки желанный пост в Мексике, в вице-королевстве Новая Испания.

Сокровища «Флор де ла Мар»

В то время как испанцы исследовали Новый Свет и достигли таких дальних краев в Тихом океане, как Филиппины, португальцы расширяли свое влияние на обширные территории мира, которые Папа Александр VI разделил между двумя иберийскими королевствами в 1494 году. Португальцы, вдохновленные рассказами Марко Поло о дворцах с золотыми крышами, а также о других удивительных богатствах Востока, начали исследовать океанские пути на восток задолго до Колумба. В 1488 году Бартоломеу Диаш обогнул мыс Доброй Надежды, а несколько лет спустя Васко да Гама достиг Индии.

Пятьсот лет назад адмирал Афонсу ди Албукерки отправился из Лиссабона с флотом из двадцати двух судов. Его задачей было обеспечение Португалии доступа к богатствам так называемых Восточных Индий. В качестве флага Албукерки избрал судно «Флор де ла Мар» водоизмещением 700 тонн.

Начав с завоевания Мозамбика на юго-восточном побережье Африки, флот Албукерки систематически продвигался вдоль континента, покоря и грабя захваченные земли. Завоеватели нанесли удары по Индии и прошли вдоль берегов Сиам и Бирмы. Они собрали огромное количество драгоценностей — золотые монеты, фарфор, ювелирные украшения, драгоценные камни, изделия из слоновой кости, специи, шелка.

В 1509 году, когда Албукерки все еще находился в Красном море, он отправил один из кораблей, находившийся под командой Диогу Лопеша ди Секуэйры, в Малакку.

Малакка была известна как торговый центр Востока, богатейший город мира. Гавань была переполнена судами, пришедшими из таких дальних мест, как Япония, Китай, Аравия, Индия и Африка. В Малакке торговали всеми вообразимыми экзотическими и роскошными товарами, от слонов до фарфора династии Мин. Золото имелось в таком изобилии, что торговцы расплачивались монетами по весу, а не по счету. Когда Секуэйра и его соратники прибыли в Малакку, их гостеприимно встретил султан Малакки.

Португальцам было позволено основать торговую факторию. Однако в скором времени султану стало ясно, что визит португальцев — только прелюдия к дальнейшему вторжению в город. Он захватил и уничтожил их судно, а пришельцев заточил в тюрьму. В феврале 1510 года Руй де Арауйо, один их португальских офицеров, пришедших с Секуэйрой, сумел передать письмо, предназначавшееся Албукерки. В письме он сообщал о плохом к ним отношении. Он передал полное описание Малакки, подробно рассказав о ее великих богатствах, и поторопил Албукерки с нападением.

Когда письмо Арауйо доставили адмиралу, он только вернулся в Индию после разграбления Сиам и Бирмы. Узнав о том, как в Малакке обошлись с его людьми, он пришел в ярость и ускорил подготовку флота.

20 апреля 1511 года Албукерки отправился в плавание с восемнадцатью судами, восемью сотнями соратников и двумястами наемников. Прибыв в Малакку, он послал на берег эmissара для встречи с султаном. Албукерки потребовал немедленного освобождения своих соотечественников, возвращения их собственности, а также платы за потерянное судно. Султан отказался выполнять какие-либо требования.

Несколько дней спустя Албукерки сжег несколько торговых кораблей, стоявших в гавани, и пригрозил спалить множество других судов, если его люди не будут отпущены. Перспектива португальской атаки казалась весьма сомнительной, поскольку Малакка имела население более ста тысяч человек; тридцать тысяч из них были способны носить оружие. В то время как у португальцев всего было около тысячи бойцов. Несмотря на такой значительный перевес, Албукерки решил атаковать Малакку. Кровавая битва длилась двенадцать дней, и были убиты тысячи малайцев.

Албукерки дал своим солдатам три дня на разграбление города. Добыча, захваченная португальцами в Малакке, потрясает воображение: более шестидесяти тонн золота, трофеи в виде золоченой мебели, трона султана, слитков и монет из драгоценных металлов общей стоимостью 15370265 крон — и это только сокровища, захваченные во дворце султана. Такое же количество золота было украдено из домов и складов богатых купцов. Португальцы заполнили более двухсот больших сундуков бриллиантами, рубинами, изумрудами, сапфирами и другими драгоценными камнями общей стоимостью в тридцать миллионов крон. Еще два с половиной миллиона крон было получено за

покрывала для слонов и коней, вышитые золотом, серебром и украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Среди трофеев также имелось две тысячи бронзовых пушек и тысяча железных пушек. Сам Албукерки взял себе только позолоченную мебель из дворца султана и шесть бронзовых статуй, изображающих львов. Никогда завоеватель не получал таких богатых трофеев.

К концу декабря, довольный тем, как идут дела в новой колонии, Албукерке погрузил трофеи на четыре судна — «Тринидад», «Энхобрерас», безымянную китайскую джонку и свой «Флор де ла Мар», который и нес львиную долю сокровищ. Он пообещал оставшимся, что вскорости пришлет подкрепления и припасы.

Вопреки увещаниям лоцманов, которые твердили, что наступает непогода и уже слишком поздно для безопасного возвращения в Португалию, четыре тяжело нагруженных судна Албукерки отправились в плавание. Через два дня после того, как они покинули Малакку, его маленький флот попал в жестокий шторм, и «Энхобрерас» и китайская джонка пошли ко дну, не оставив ни одного выжившего. Несколько часов спустя «Флор де ла Мар», с четырьмя сотнями душ на борту и с величайшими сокровищами, когда-либо находившимися на борту одного судна, напоролся на риф у северо-восточного окончания острова Суматра. «Тринидад», проходивший невдалеке, бросил якорь с целью оказания помощи, но волны были настолько сильные, что все шлюпки были разбиты в щепу. Тогда Албукерки приказал соорудить плот и прыгнул на него вместе с пятью другими судовыми офицерами, обещая остальным скоро вернуться с помощью.

Однако вместо того, чтобы вернуться на покалеченный корабль, Албукерки приказал капитану обрубить якорную цепь «Тринидада» и направиться к Индии. Через несколько часов «Флор де ла Мар» разломился и скрылся в пучине. Только три человека смогли выжить, доплыв до берега. По достижении Индии Албукерки написал королю: «Мы потеряли величайшее сокровище, какое я когда либо видел на земле».

Как только шторм затих, суматранские ныряльщики и рыбаки собрались на месте кораблекрушения и подобрали все, что было возможно. Однако большая часть драгоценного груза затонула на глубине тридцати семи метров, где скрылся, соскользнув с рифа, корпус судна. Шкипер «Флор де ла Мар» был одним из тех, кто покинул тонущее судно вместе с Албукерки. И хотя он указал на

карте место гибели корабля, затонувшие сокровища были забыты.

«В 1961 году я обнаружил эту карту сокровищ, а также стал наткаться на постоянные упоминания о трагедии, — пишет подводный археолог Роберт Маркс. — Я буквально помешался на идее поисков затонувшего судна, лежащего в индонезийских водах. Год за годом тщетно обращался я к правительству Индонезии за разрешением на поиски и исследование «Флор де ла Мар».

Этот знаменитый корабль снова попал в поле зрения в 1988 году, когда два охотника за сокровищами, итальянец Бруно де Винсентис и австралиец Пол Андел, заявили, что обнаружили его, используя сложное электронное сканирующее снаряжение со спутника, принадлежавшего США. Заявляя, что у них имеется соглашение с правительствами Малайзии и Индонезии, они принялись собирать значительные суммы с инвесторов во многих странах. Когда стало известно, что ни одно из государств не давало разрешения и сам факт находки подвергся сомнениям, эти два человека исчезли. Тем не менее их заявление о том, что сокровища судна оцениваются примерно в восемьдесят миллиардов долларов, взволновало всех искателей приключений и примерно через несколько недель более шестидесяти поисковых компаний подали заявления официальным лицам в Джакарте и Куала-Лумпуре.

В связи с тем что корабль залег в индонезийских водах, официально судно является собственностью Индонезии. Однако правительство Малайзии утверждает, что большая часть сокровищ принадлежит их стране, поскольку они были награблены в Малакке.

В конце концов правительство Индонезии согласилось вернуть Малайзии только те ценности, которые принадлежали султану Малакки.

Правительство Индонезии предоставило эксклюзивное разрешение на поиски П.Т. Джаятаме Истикаципте, представителю могущественной местной группировки в Джакарте. После этого в Сингапуре была создана поисковая компания. Ее возглавил бизнесмен по имени Тжетти, у которого уже был опыт работы под водой на островах Риау. Он организовал команду, состоящую из австралийских и американских водолазов, работавших в нефтяной индустрии. У них имелось три судна и новейшее поисковое снаряжение, но, потратив год и восемь миллионов американских долларов, они так и не

смогли найти корабль с сокровищами португальского адмирала.

Возможно, их неудача была вызвана неточной информацией о месте гибели корабля. В следующий раз в компании наняли археолога-консультанта. «На второй день нашей экспедиции, — отмечает археолог Р. Маркс, — мы нашли корабль или, по крайней мере, риф, где корабль погиб. Разбросанные всюду во множестве различные артефакты подтверждали, что это был искомый риф. Однако выяснилось, что в дополнение к мародерам XVI века, место крушения было ограблено современными подводниками. Риф был покрыт сотнями отверстий, проделанных взрывчаткой. Позднее я выяснил, что два американских водолаза, работавших на поисковую нефтяную фирму, подняли с рифа четыре богато орнаментированные бронзовые пушки, а также неизвестное количество золотых артефактов.

К счастью, они оставили кое-что для нас. Мы подняли несколько золотых фигур, мечи и другое оружие, фарфоровые предметы династии Мин и ряд других артефактов».

Подробное обследование при помощи сонара и магнетометра показало, что основная часть затопленного судна лежит на территории размером с пять футбольных полей, на глубине в тридцать семь метров.

К сожалению, место кораблекрушения покрыто слоем бетонообразной грязи толщиной от пятнадцати до восемнадцати метров. Грязь настолько прочная, что ни один из традиционных методов раскопок затопленных судов не дал результатов. Ряд артефактов, таких как керамические и стеклянные бутылки, смола, и деревянные останки корпуса судна, были подняты при удалении грязи ковшом. Однако ради сохранения сокровищ и других исторических ценностей раскопки были приостановлены до разработки более безопасного и эффективного метода исследования.

Гибель «Непобедимой армады»

...Гонимый холодным северным ветром, галеас «Хирона», шедший вдоль восточной оконечности Ирландии, отчаянно боролся со стихией. Огромные волны разбили его руль, и теперь галеас крутился в провалах между валами, дрейфуя в сторону скрывавшихся во мраке скал по правому борту. Впереди, не далее чем в тридцати милях, лежало западное побережье Шотландии. Еще немного — и «Хирона» оказалась бы в безопасности. Гребцы

боролись с ветром, непрестанно взмахивая веслами и тщетно пытаясь удержать корабль дальше от берега...

Однако ветер победил. Вопль впередсмотрящего заставил моряков немедленно отдать якорь, но слишком поздно: выступающий из моря выступ подводной скалы пропорол борт «Хироны», и галеас прочно засел между скал. Корма оказалась разбита, правый борт разломан, содержимое трюмов вываливалось наружу. Бешено крутящаяся вода поглотила пушки, ядра, оружие, личное имущество, сундуки с грузом и всю команду, более тысячи человек. Лишь пятерым удалось достичь берега живыми. Среди тех, кому не повезло, был молодой испанский дворянин. Возможно, в этот последний миг своей жизни он вспоминал о том, как несколько недель назад его суженая надела ему на палец золотое кольцо, сделанное специально по ее заказу...

Его тело погрузилось в заросли бурых водорослей, покрывавших морское дно. Кольцо упало с руки и закатилось в расселину. По прошествии времени штормы один за другим нанесли песок и камни на место, где лежало кольцо.

Четыре столетия спустя французский подводный исследователь Робер Стенюи, копаясь в архивах, сумел буквально по кусочкам воссоздать историю гибели галеаса «Хирона». Вскоре он со своими компаньонами обнаружил и само место крушения. На глубине тридцати футов, среди массивных валунов, на самом дне глубокой расселины подводные археологи нашли изящное золотое кольцо, лежавшее между одной золотой и несколькими серебряными монетами. Поднятое на борт поискового судна, кольцо переходило из рук в руки. На этом произведении ювелирного искусства были вырезаны изображение ладони, протягивающей сердце, и слова: «Большого я дать тебе не могу...»

22 июля 1588 года огромный испанский флот, насчитывавший 130 выпелов, вышел из порта Ла-Корунья на северном побережье Испании. В его составе находились десятки боевых галеонов и вооруженных торговых судов, транспорты, перевозившие лошадей, мулов и провиант, вспомогательные корабли, галеры и четыре галеаса, одним из которых был «Хирона». Галеасы тех времен были похожи на галеры, но гораздо меньшего размера.

Всего на борту кораблей, входивших в состав «Непобедимой армады», находилось 27500 человек: кроме дворян, моряков и солдат были также каторжники и галерные рабы. Возглавлял экспедицию герцог Медина-Сидония, выходец из очень знатного рода и, к сожалению, более чем посредственный адмирал.

Правда, в числе высших офицеров армады находился дон Алонсо Мартинес де Лейва, один из храбрейших испанских капитанов того времени.

Было условлено, что герцог Фарнезе, наместник Южных Нидерландов, будет ждать армаду в Дюнкирхене с готовой армией с тем, чтобы под прикрытием эскадры произвести высадку в устье Темзы. Однако этот план рухнул в самом начале. Войска Фарнезе, не получавшие жалования и страдавшие от голода и болезней, были уже деморализованы. Армада появилась у берегов Фландрии, растрепанная штормами, и, вместо того чтобы помочь сухопутной армии, сама нуждалась в помощи. Между тем английская эскадра, гораздо меньшая по численности, но лучше подготовленная, с опытными экипажами и умелыми командирами, спокойно поджидала неприятельский флот. В проливе Ла-Манш произошел ряд стычек, а затем поднялась буря, приведшая армаду в полное расстройство. Герцог Сидония отдал приказ возвращаться в Испанию, держа курс, как записал один из офицеров, «вокруг Англии, Шотландии и Ирландии, через почти неизвестные нам моря...»

Не более половины кораблей армады вновь увидели Испанию. Осенние бури разметали испанские корабли, выбросили на берега Шотландии и Ирландии двадцать или тридцать судов. «Ла Рата» лишилась мачт и грозила вот-вот отправиться на дно.

После двух ужасных недель одиночного плавания в Северной Атлантике она пришла в бухту Блэксол-бей на западном побережье Ирландии. Здесь капитан Мартинес де Лейва высадил своих людей, выгрузил сокровища и сжег судно. К счастью, в бухту зашел другой корабль армады, «Герцогиня Анна», и де Лейва смог погрузить на него своих людей и грузы. Это судно вышло в море, но село на мель, и на этот раз уже целых два экипажа с грузами двух кораблей оказались на берегу...

Вскоре разведчики принесли сообщение о том, что несколько испанских кораблей стоят близ города Киллибегз, в одиннадцати милях от места высадки. Мартинес де Лейва поспешил туда вместе с командами и сокровищами потерпевших крушение «Ла Раты» и «Герцогини Анны». Он обнаружил три корабля: один поврежденный и два совсем разрушенных. Среди моряков было много больных, люди голодали. Собрав из всех пяти экипажей наиболее сильных матросов, де Лейва восстановил единственное способное держаться на плаву судно — галеас «Хирону». На его борт были погружены экипажи пяти судов и наиболее ценное

имущество. Корабль был так перегружен, что де Лейва даже не рассчитывал достичь берегов Испании. Он намеревался идти к берегам Шотландии, где король Яков VII, сын королевы-католички Марии Стюарт, без сомнения, предоставил бы убежище ее испанским единоверцам. В ночь на 26 октября «Хирона» налетела на скалу и затонула.

Исследователь Робер Стенюи на протяжении нескольких лет занимался поисками погибшего галеаса. В документах говорилось о том, как он затонул, но не о том, где это произошло. Через десять дней после того, как галеас погиб, лорду-депутату в Дублинский замок пришло известие о том, что «упомянутая галера, отплывшая из гавани Киллибегз и шедшая вдоль берега к шотландским Оркнейским островам, разбилась, налетев на скалу Банбойе; корабль и люди погибли, спаслись только пятеро, едва добравшиеся до берега... Эта скала Банбойе находится недалеко от дома Сорли Боя».

Лорд Сорли Бой Макдоннелл являлся непримиримым врагом англичан. Его «домом» был замок Данлюс, чьи молчаливые стены все еще виднеются на верхушке крутых скал около Портбаллантрэ.

В декабре 1588 года лорд-депутат информировал Лондон, что слышал о «трех слитках латуни, лежащих в пределах видимости между скалами у Банбойе», и что лучший капитан армады, дон Мартинес де Лейва, утонул. В августе следующего года он доложил, что со дна моря подняты пушки «Хироны». В письме, содержащем эту информацию, также говорилось: «Сообщают, что там находится большое количество золота и серебра...» Позднее английский губернатор Джон Чичестер писал: «Макдоннелл поднял три сундука с сокровищами, которые были доставлены в замок Данлюс».

Робер Стенюи предположил, что Сорли Бой не смог достать все сокровища «Хироны», и потому отправился в Ирландию. Он решил, что люди Сорли Боя обнаружили место кораблекрушения. Стенюи был уверен, что Банбойе было названо только для отвода глаз. В пользу этого обстоятельства говорило и то, что все предыдущие экспедиции, отправлявшиеся на поиски сокровищ «Хироны», заканчивались ничем. «Я изучил карты Ирландии XVI века, — сообщал Стенюи. — На них названы только два места этого участка побережья: Данлюс и река Буа. Таким образом, английские шпионы могли использовать только эти названия в своих донесениях. Поэтому искатели сокровищ ныряли в каждом из указанных мест... Между тем на подробной карте Северной

Ирландии в районе к северо-востоку от Портбаллантрэ значились «Испанская скала», «Испанская пещера», «Испанский порт» (Порт-на-Спанья). Эти названия не появляются на более старых картах. Почему же мы нашли их на этой, современной? Потому что, когда она была составлена, больше не было причины скрывать сведения о крушении «Хироны». И, таким образом, эти старые названия, сохранившиеся в памяти десяти поколений рыбаков, были сообщены топографам».

Вскоре Стенюи прибыл в «Испанский порт» — Порт-на-Спанья, ограниченный полукругом черных вертикальных утесов. Поисковики смогли выйти в море, когда волнение успокоилось, на надувной лодке с подвесным мотором. «Мы встали на якорь в Порт-на-Спанья, — вспоминал Робер Стенюи. — Я нырнул и направился к Лакада-пойнт, осматривая дно сквозь колышущиеся водоросли. Внезапно открылся ровный участок, простирающийся перед огромной каменной глыбой. Мое внимание привлек какой-то белый предмет, лежащий почти в центре площадки. Я схватил его и поднял... Трехфунтовая свинцовая болванка. Я вспомнил слова из документа, который изучал в Британском музее. В нем говорилось о “человеке по имени Бойль”, который в конце XVIII века обнаружил еще одно место гибели корабля из армады в Донегале. Среди его находок был “кусок свинца, треугольный... утолщенный посередине и более тонкий по концам”. Точное описание моей болванки! Я перевернул ее и увидел пять иерусалимских крестов, выбитых на поверхности слитка. Это было место кораблекрушения! “Хирона” затонула здесь».

Там, где морское дно плавно уходило в глубину, ныряльщик обнаружил сперва одну, а чуть дальше — вторую бронзовую пушку-фальконет. Все дно вокруг было усыпано пушечными ядрами...

Началась непогода. Тем не менее Стенюи продолжал нырять. Сначала попался серебряный пиастр, а затем — якорь «Хироны» и еще несколько восьмидесятиалловых монет. «Тогда, впервые за все годы охоты за сокровищами, я увидел мерцание золота на морском дне. После пятнадцати лет бесплодных усилий и повторяющихся неудач в моих руках наконец-то был чистый, светлый металл: сначала маленькое кольцо, затем часть изящной цепочки...» — писал Стенюи.

Но что теперь делать? У него не было оборудования и средств... Стенюи решил вернуться на место гибели «Хироны» в следующем году, более основательно подготовившись к работе,

с двумя французскими профессиональными водолазами — Морисом Видалем и Луи Горсом. «Мы нашли золотые монеты с арагонской короной, отчеканенные в Севилье, золотые пуговицы, серебряные вилки и множество серебряных и медных монет, — вспоминает Стенюи. — Однажды утром, меньше чем за час, я наполнил банки из-под варенья и горчицы и коробку от аптечки золотыми и серебряными монетами». Находки следовали одна за другой. Луи Горс поднял со дна моря рыцарский мальтийский крест, возможно, принадлежавший капитану «Хироны». Робер Стенюи нашел золотую саламандру, украшенную рубинами.

«Каждый вечер, обзоревая собранные за день трофеи, я удивлялся находкам моих коллег, — пишет Стенюи. — Например, ловкости Видаля: он залез в дыру, из которой торчали только ступни его ног, а когда выбрался оттуда, в его мешке лежали два сабельных эфеса и три звена золотой цепи». В числе находок, сделанных подводными археологами, были золотые и серебряные монеты Испании, Неаполя, Португалии и Нидерландов, золотые медальоны с изображениями святых, серебряное распятие, золотые броши, украшенные жемчугом. Но многое так и осталось не поднятым...

Золото на дне залива Виго

...Сгушалась ночь. Новость достигла дворца, когда в его покоях уже зажигали свечи. Вскоре гости, собравшиеся здесь на шумный праздник, уже передавали ее друг другу.

«Вы слышали, монсеньор? Мне только что сообщили по секрету... Сказочное сокровище! И где? Здесь, рядом с нами. Да-да, три тысячи четыреста тонн золота! Увы, оно находится глубоко под водой...»

Тем временем груды золота, надежно запертые в металлических сундуках и кожаных мешках с печатями и гербами их католических величеств Фердинанда, Изабеллы и их преемников, лежали на дне залива Виго в ожидании дня, когда кто-нибудь удачливый найдет их.

Стоял вечер 24 октября 1702 года. Английская пушка палила весь день, закрыв проход двадцати трем французским кораблям. Адмирал Мануэль де Веласко стоял на капитанском мостике флагманского испанского галеона «Иисус-Мария-Иосиф» и следил за быстрым приближением англо-голландской эскадры. До нее оставалось не более двух миль, и расстояние это быстро сокращалось. Испанскому адмиралу предстояло сделать трудный выбор: либо позволить англичанам завладеть сокрови-

щами, заполнившими трюмы корабля, либо отдать приказ о затоплении. Неужели к горечи поражения добавится сознание того, что врагу досталось такое богатство?! Не лучшим виделся и второй выход — он означал, что 3400 тонн драгоценного металла будут потеряны навсегда.

Времени на раздумья уже не оставалось. В последний раз бросив взгляд в подозрную трубу, адмирал Мануэль де Веласко обернулся к стоявшему рядом офицеру и коротко отдал приказ. Красавцы-галеоны один за другим медленно опускались в воду, унося в вечный сумрак морских глубин груды золота.

Шел 1702 год. Уже два года длилась война за испанское наследство. Толчком к ней послужило восшествие внука Людовика XIV — Филиппа V — на испанский престол, завещанный ему Карлом II. Вокруг испанского трона столкнулись интересы двух группировок, спешивших заявить свои права: с одной стороны была Англия, не собиравшаяся никому уступать своей роли полновластной хозяйки на море, а также примкнувшие к ней Соединенные провинции, с другой — Франция и Испания, которые объединились под властью Людовика XIV, подписавшего в 1659 году Пиренейский мир и ровно через год скрепившего его женитьбой на Марии-Терезии.

Для содержания армий, сражавшихся по всей Европе, существовал неистощимый источник средств — золото ацтеков, хотя располагался он далеко ват. Однако каждый год в путь через океан отправлялись все новые и новые галеоны, а сундуки богачей из Кадиса заполнялись мексиканским и перуанским золотом. На море свирепствовали пираты, и, дабы не разжигать сверх меры их аппетитов, галеоны шли под охраной французских военных кораблей.

Французское правительство в декабре 1701 года поручило графу Шаторено «проводить» до Испании девятнадцать галеонов испанского адмирала Мануэля де Веласко. О трагической судьбе этих кораблей уже известно.

Шаторено принял под свое командование двадцать три военных корабля. Такая внушительная охрана была нужна потому, что испанские галеоны везли в Европу очень большое количество драгоценного металла: плод трехлетних трудов на перуанских и мексиканских рудниках.

В январе 1702 года французская эскадра, вышедшая из Бреста, бросила якорь у берегов Мартиники. Адмирал Веласко прекрасно сознавал, какой ценный груз несут его галеоны, и потому спешил

как можно скорее оказаться под защитой Шаторено, который, со своей стороны, торопился побыстрее пересечь океан. Обе эскадры встретились в Гаване в августе и тут же, не теряя ни минуты, снялись с якоря. Уже в пути стало известно, что порт Кадис блокирован англичанами. Шаторено и Веласко пришлось срочно менять курс и двигаться к северному побережью Испании.

22 сентября они вошли в залив Виго — южную часть Галисийской бухты. Этот залив, протянувшийся на полторы тысячи метров в длину, сужаясь, переходит в пролив Ранде, а затем, снова расширяясь, образует бухту Святого Симеона, расположенную против небольшого городка Редондела. Бухта Святого Симеона, защищенная двумя малыми фортами, сооруженными высоко на скалистых утесах, может служить надежным убежищем, но в то же время в случае прямой атаки легко превращается в самую настоящую ловушку.

Впрочем, у графа Шаторено и адмирала Веласко не оставалось выбора. Начались штормы осеннего равноденствия, и им во что бы то ни стало требовалась спокойная гавань, такая как бухта Святого Симеона.

Необходимо было побыстрее разгрузить корабли и увезти сокровища подальше от побережья. Воспротивились банкиры в Кадисе, которым принадлежала большая часть груза, а кроме того, между французами и испанцами начались трения.

Французы предлагали выйти в море и взять курс на Брест, но испанцы категорически отказались. Их легко понять: опасно доверять французскому правительству охрану такого количества драгоценного металла, как 3400 тонн золота.

Прошло целых двадцать шесть дней, когда 19 октября 1702 года адмирал Веласко решил наконец взять на себя ответственность и освободить флагманский галеон от части бесценного груза. С корабля выгрузили 65 тонн золота и на двух тысячах мулов повезли через суровую Галисию в Мадрид.

К несчастью, этот первый обоз остался единственным, хотя в течение следующих нескольких дней с кораблей выгрузили еще 250 тонн золота. Но мулов больше не было, и пришлось до поры до времени укрыть золото в деревушке Редондела.

Таким образом, из 3400 тонн драгоценного металла, проделавших путешествие в трюмах галеонов, было выгружено всего 315 тонн. Золото в виде 12 миллионов монет уложили в 4600 сундуков. Часть из них благополучно прибыла в Мадрид; другая часть либо была украдена по дороге, либо обнаружена и вывезена за Ла-Манш англичанами.

Между тем случилось одно важное событие. Адмирал Руки, командуя англо-голландскими морскими силами, потерпел сокрушительное поражение возле Кадиса. Англия приказала адмиралу Руки продолжать борьбу.

По чистой случайности ему стало известно, что в заливе Виго стоит франко-испанский флот, груженный золотом. Адмирал быстро сообразил, что ему предоставляется уникальная возможность показать, на что он способен, немедленно снял осаду с Кадиса и взял курс на Виго.

Ранним утром 22 октября 1702 года сто пятьдесят парусников Джорджа Руки приблизились к заливу Виго. Четыре тысячи английских и голландских солдат под командованием герцога Осмонда высадились на сушу. Начался штурм фортов Ранде и Бестинса, защищавших подходы к заливу. Атакующих встретил пушечный залп, несколько не поколебавший решимости нападавших. Преимущество было на стороне французов и испанцев, но... их было слишком мало. Бой длился почти три часа, на исходе которых защитникам фортов пришлось сдаться.

Эта операция позволила кораблям адмирала Руки подойти вплотную к узкому горлу пролива Ранде, через которое проходила оборонительная линия. С обеих сторон полетели пушечные ядра, поднимая клубы дыма и огня. Французские корабли, разметанные вражескими ядрами, лишь отдалили на несколько часов исход сражения. Семнадцать из них пошли ко дну, а остальные шесть, в буквальном смысле разбитые вдребезги, достались англичанам.

Теперь между англо-голландской армадой и груженными золотом галеонами не оставалось никаких препятствий. Надо было лишь пройти оставшиеся две мили. Но надежда адмирала Руки вскоре сменилась изумлением, а вслед за тем настоящей яростью. Он увидел, как испанские корабли один за другим уходят под воду. Уходило золото, буквально уплывало прямо из рук!

Джордж Руки все-таки сумел спасти шесть кораблей, на которых оказалось 600 тонн золота и серебра. Но... Очевидно, удача не желала улыбаться победителю.

28 октября к кораблям Руки присоединилась для охраны эскадра адмирала Шоувела. Отплытие назначили на следующий день. Большую часть добычи погрузили на один из галеонов, который шел под эскортом английского судна «Монмаус». Флот уже проходил последние скалистые отроги залива, когда галеон с золотом наткнулся на риф возле Байонских островов и быстро затонул.

Среди многочисленных историй о затонувших сокровищах слишком редко остаются точные исторические документы. По счастью, сохранилось достаточно материалов, отразивших военные операции в заливе Виго. Они хранятся в городе Виго, а также в других архивах. Твердо установлен факт: флот адмирала Веласко действительно вез из Нового Света огромное количество золота, серебра, драгоценных камней, ацтекских ювелирных украшений, а также менее ценный груз в виде индиго, кошенили, ценного дерева, пряностей, кож, табака и т.п. И большая часть всех этих сокровищ вот уже около трехсот лет покоится на дне залива под толстым слоем ила.

В какую же сумму, по нынешним понятиям, оцениваются 3400 тонн золота, если из них вычесть те 315 тонн, которые Веласко все же успел спасти за два дня до сражения? Это — 40 миллиардов старых франков.

И разве не удивительно, что спустя два с половиной века после описанных событий сокровище залива Виго все еще пребывает практически нетронутым? Дело в том, что дно покрыто толстым слоем ила, нанесенного двумя впадающими в залив речками. Измерения показали, что останки затонувших кораблей покоятся под десятиметровой толщиной наносного ила. Вплоть до последних десятилетий не существовало действительно эффективных технических средств, которые позволили бы начать систематические работы по их поднятию с глубины.

Известен, впрочем, ряд отдельных удачных попыток. Так, в 1748 году португалец Антонио Ривера сумел поднять со дна примерно двести тысяч золотых монет, а три четверти века спустя экспедиция «Диксон» извлекла из воды пятьдесят серебряных подносов и множество слитков. И все же прошло много времени, прежде чем в заливе Виго появились люди в водолазных костюмах. Это были члены итальянской экспедиции Пино Альберти, которым удалось вытащить на поверхность содержимое не одного сундука.

Но три тысячи тонн золота все еще дремлют под спокойными водами залива Виго.

Находки на Серебряной отмели

В длинном перечне находок, извлеченных из глубин морей и океанов, привлекают внимание сокровища испанского галеона «Консепсьон», потерпевшего кораблекрушение у острова Гаити (Испаньолы). Об их исключительной художественной ценности свидетельствует то, что большая часть ожерелий, подвесок, брас-

летов, изготовленных индейскими мастерами в Новом Свете, была выставлена на продажу в самом дорогом ювелирном магазине на Пятой авеню в Нью-Йорке.

5 декабря 1492 года Христофор Колумб впервые ступил на берег острова, названного им Испаньолой. Первооткрыватель и его люди были встречены обитателями острова — индейцами племени таино, приветливыми и гостеприимными людьми. Колумб был поражен поистине райскими кущами, раскинувшимися перед ним. Он назвал этот остров «прекраснейшей из земель, которые только видели глаза человеческие».

Спустя год на северном побережье острова было основано первое постоянное поселение, названное Ла-Исабелла. Оно находилось недалеко от того места, где сейчас расположен город Пуэрто-Плата. Его местонахождение было идеально для вывоза золота, обнаруженного недалеко, в реке Кибао. К 1496 году золото также было найдено в долине реки Озама, на южном побережье острова. Бартоломео Колумб, ставший губернатором острова, пока его знаменитый брат продолжал свои исследования Кариб, перебрался на юг и основал там город Санто-Доминго.

Спустя двадцать пять лет после прибытия первых колонистов в живых на острове оставалось не более 50 тысяч индейцев, а еще век спустя все они были вырезаны.

Из-за растущей потребности в рабочей силе в 1503 году начался импорт африканских рабов на Испаньолу.

На протяжении трех веков галеон «Консепсьон» был легендой, неудержимо манившей искателей подводных кладов: ведь на нем находился, если верить архивам, «самый богатый груз, когда-либо отправлявшийся из Вест-Индии». Построенный в 1620 году, галеон много раз пересекал Атлантику в составе «золотого» и «серебряного» флотов, перевозивших в Испанию сокровища Нового Света.

В 1641 году он отправился в свое последнее плавание. Его трагический финал был предрешен заранее, ибо явился результатом цепи роковых ошибок.

Все началось с того, что в Веракрусе испанской эскадре пришлось долго ждать, пока будет доставлено серебро, добытое в колониях за истекший год, и отчеканенные из него монеты. Поскольку трюмы галеона не смогли вместить весь груз, часть сундуков разместили на верхней палубе. Капитан галеона пробовал возражать против этого, так как из-за увеличившейся осадки корабль стал плохо слушаться руля. Но

наместник испанского короля, руководивший отправкой «серебряного» флота просто-напросто отмахнулся от протестов капитана.

Задержка галеонов в Веракрусе осложнила предстоящий переход через океан: были пропущены все сроки относительно безопасного плавания в Западной Атлантике, где с приходом осени нередко свирепые штормы и ураганы. Тем не менее в начале сентября эскадра из 26 галеонов под командованием адмирала Хуана де Вилья Винсен시오, державшего свой выпел на «Консепсьоне», вышла в Мексиканский залив.

После непродолжительной стоянки в Гаване для ремонта такелажа эскадра покинула Кубу и вскоре у побережья Флориды попала в жестокий шторм, выбросивший несколько галеонов на отмели. «Консепсьон», изрядно потрепанный гигантскими волнами, перекатывавшимися даже через его высокую корму, отделался потерей почти всех мачт.

Понимая, что следовать через Атлантику опасно, адмирал Хуан де Вилья Винсен시오 принял решение идти в Пуэрто-Рико. Однако отвечавшие за прокладку курса штурманы ошиблись. Вопреки предложению адмирала двигаться дальше на восток, штурманы настояли на том, чтобы повернуть на юг. Это привело к тому, что «Консепсьон» очутился в изобиловавших рифами и банками прибрежных водах Испаньолы.

Спустя неделю галеон наскочил на риф. Его корма застряла между двумя огромными коралловыми массивами, а нос погрузился под воду. И все же адмирал попробовал спасти галеон. Он приказал сбросить в море закрепленные на верхней палубе сундуки с серебром. Когда нос корабля обрел плавучесть, на воду спустили единственную большую шлюпку, чтобы попытаться снять галеон с рифа.

Возможно, с помощью буксира он вырвался бы из коралловой западни, если бы не налетевший тропический ураган.

Галеон затонул, а из пятисот четырнадцати членов экипажа и пассажиров спаслись лишь сто девяносто. Остальные захлебнулись в бушующем прибое или были разбиты волнами о коралловые рифы.

Гибель флагманского корабля «серебряного» флота стала для испанской казны, пожалуй, самой крупной потерей на море в XVII веке. Адмирал Хуан де Вилья Винсен시오 предстал перед судом, на котором в качестве свидетелей выступили уцелевшие матросы. Их показания спасли адмирала от сурового наказания. Все свидетели были едины в положительной оценке дей-

ствий дона Хуана, поэтому суд вынес ему оправдательный приговор.

Но вот судьба драгоценного груза галеона сложилась неудачно. Многочисленные экспедиции, посылавшиеся королем Испании для его розыска, оказались безрезультатными. Только в 1687 году, через сорок пять лет после катастрофы, американский корабель Уильям Фипс сумел найти место кораблекрушения. С помощью индейцев племени лукейя, промышлявших ловлей жемчуга, ему удалось достать со дна почти тридцать тонн серебра. Судя по сохранившимся в Веракрусе документам, это составляло чуть больше десятой части груза галеона.

Несмотря на заманчивые предложения от разных авантюристов и фирм, кладоискатель Фипс хранил в тайне координаты рифа, возле которого затонул испанский галеон. Во время своих экспедиций он сам прокладывал курс судна, так что ни команда, ни ловцы-индейцы не знали, где именно оно бросало якорь. Поэтому после его смерти Серебряная отмель вновь оказалась потерянной.

У восточного побережья Гаити (Испаньола), близ мыса Эн-таньо, лежат на дне останки испанского судна «Золотая лань», попавшего в ураган 4 июля 1502 года. Это судно везло королю Испании золото, серебро и драгоценные камни на сумму 5 миллионов долларов. Большая глубина и сильные течения в этом месте делают весьма трудной возможность достать эти сокровища, среди которых надо особо выделить стол из чистого золота — личный подарок губернатора Испаньолы Бобадильи королю Испании.

Ежегодно испанский флот, прежде чем отплыть в Испанию, собирался в Пуэрто-Плата с грузом сокровищ из Нового Света. Одна флотилия дрейфовала вдоль берегов Новой Кастилии, вторая курсировала по Карибскому морю, собирая дань в Центральной Америке. Нагрузившись добычей, обе флотилии встречались в Гаване, а затем направлялись в Пуэрто-Плата перед броском через Атлантику.

Ноябрьским утром 1643 года испанский флот покидал Пуэрто-Плата. Возглавлял флот адмиральский корабль «Ла Сантисима Тринидад». Зная, что крупные рифовые отмели располагаются цепью вдоль северного побережья Испаньолы, моряки держали курс на север, в пролив между банками Мушуар и Силвер. Ветер был благоприятным, но неожиданно он стих, а потом стал усиливаться. Вскоре в проливе уже бушевал настоящий ура-

ган, весь флот неотвратно несло на рифы банки, носящей теперь название Силвер. Одно за другим гибли суда «серебряного флота», и только адмиральский корабль сумел обойти опасные рифы. Через несколько дней, весьма потрепанный, он сумел вернуться в Пуэрто-Плато, принеся печальную весть о гибели флота с грузом в 21 миллион долларов.

Сорок лет спустя часть груза на сумму 1,5 миллиона долларов была поднята, а уже в XX столетии лейтенант Ризберг нанес на карту местоположение затонувших судов. Старые документы Британского адмиралтейства свидетельствуют: «...банка состоит из двух крупных рифов и множества отмелей. Испанский флот лежит почти посередине Северного рифа».

...Почти два столетия «Консепсьон» оставался недостижимым для многочисленных искателей сокровищ. В экспедициях, снаряжавшихся на его поиски, участвовали английский автогонщик Малькольм Кэмпбелл и археолог-маринист Эдвин Линк, известный французский специалист-подводник князь Александр Коганов и «король морских глубин» Жак-Ив Кусто. Вполне возможно, что кто-то из них проходил над Серебряной отмелью — островерхим коралловым рифом, предательски прячущимся под самой поверхностью моря. Но рассеянные по большой площади обломки галеона, к тому же погребенные под толстым слоем песка и обросшие кораллами, никак нельзя было обнаружить.

В числе немногих, рискнувших отправиться в кишевшие акулами тропические воды, был американский аквалангист Берт Уэббер.

В шестнадцать лет вместо колледжа он поступил в школу подводного плавания в Майами. Несмотря на возражения родителей, он все же решил остаться профессиональным морским кладоискателем.

Друг и сподвижник Берта Джим Хаскинс предложил ему заняться поисками «Консепсьона». Причем решающим доводом явилось то, что их предшественник Фипс, судя по дошедшим свидетельствам, не обнаружил корму судна, в которой должны были находиться основные ценности.

В течение четырех лет он вместе с Хаскинсом изучал один архив за другим в поисках следов галеона: морской музей в Мадриде, Британский музей, наконец, Генеральные архивы Индии в Севилье, где хранились отчеты о всех плаваниях и кораблекрушениях судов, перевозивших слитки золота и серебра из испанских колоний. Деньги на экспедицию удалось занять у одного

чикагского банкира. После этого Уэббер добился у правительства Доминиканской Республики исключительного права на поиски «серебряного» галеона в обмен на половину сокровищ, если они будут найдены. И все-таки самым важным было то, что он достал листы аэрофотосъемки прибрежных акваторий Гаити. Море там прозрачное, и поэтому хорошо просматриваются подводные рифы и банки. Потратив месяц на дешифровку аэрофотоснимков, Берт нанес на карту те места, где скорее всего мог лежать остов галеона. Теперь надо было приниматься за подводные розыски.

В 1977 году Уэббер отправился к берегам Гаити. В течение пяти месяцев группа аквалангистов тщательно обследовала акваторию. Они обнаружили обломки тринадцати судов, нанесли их местонахождение на карту и передали доминиканским властям. Но вот никаких следов галеона так и не нашли. Тем не менее это не обескуражило Уэббера: главное, что его команда добилась первых успехов.

По возвращении в Чикаго он основал фирму «Сиквест интернэшнл» для продолжения поисков «серебряного» галеона.

Выехавший в Испанию Хаскинс познакомился там с канадской исследовательницей Викторией Степплз-Джонсон, которая по заданию профессора Питера Эрла из Лондонской школы экономики собирала материалы для монографии о «серебряном» флоте в 1641 году. Оказалось, что у профессора есть ключ к тайне «Консепсьон», о котором он и не подозревал, — вахтенный журнал судна «Генри», участвовавшего в экспедиции Фипса. Профессор Эрл вручил Уэбберу копию этого документа.

Написанный старинными буквами текст гласил: «Журнал нашего путешествия начинается с Божьей помощью в 1686 году на борту корабля «Генри» под командованием Фрэнсиса Роджерса, направляющегося к банке Амброзия, что к северу от острова Испаньола, в компании с «Джеймсом и Мери» под командованием капитана Уильяма Фипса на поиски затонувшего испанского галеона, в чем да поможет нам Бог».

Фипс прежде всего отправил «Генри» к месту кораблекрушения. Судно «Джеймс и Мери», которым командовал он сам, прибыло туда позже, и его вахтенный журнал описывает не само обнаружение обломков, а извлечение груза «Консепсьон». Этот документ, писавшийся Фипсом, стал настольной книгой для кладоискателей. Журнал же «Генри» остался неизвестным, поскольку вскоре после смерти Фипса таин-

ственно исчез. Профессор Эрл случайно наткнулся на него в частной библиотеке английского лорда Рамни. Кто-то из его предков купил у слуги покойного капитана «никому не нужную», как тот думал, рукопись. Так она и пролежала в имении лорда больше двухсот лет.

«Когда я дочитал вахтенный журнал «Генри» до конца, то понял, что в 1977 году мы крейсировали над тем самым местом, где затонул «Консепсьон». Но наша магнитометрическая аппаратура, к сожалению, его не обнаружила», — поясняет Уэббер.

По счастливому совпадению, в это же время канадская фирма «Вэриан ассошиэйтс» сконструировала новый портативный магнитометр. Берт Уэббер несколько лет состоял в ней консультантом, и ему предложили испытать новый прибор на практике. Его главное достоинство заключалось в высокой чувствительности. Он регистрировал наличие металла даже под трехметровым слоем песка. Несмотря на имеющиеся долги, Уэбберу удалось получить кредит на 450 тысяч долларов.

На пятый день по прибытии в район поисков искатели могли праздновать победу: «серебряный» галеон открыл свои трюмы. Фипс считал, что кораллы заполнили кормовую часть судна, закрыв доступ к основным сокровищам. «Но это не повергло нас в отчаяние. Взяв за исходную точку злополучный риф, мы стали описывать вокруг него расширяющиеся концентрические круги, — вспоминает Берт. — В подобных случаях нужна особая зоркость, чтобы не пропустить даже самые малозаметные следы. Это может быть железная скоба или шкив от снасти, какой-нибудь предмет обихода, например винная бутылка, обросшая кораллами и поэтому утратившая свою привычную форму. Вот по таким мелочам мы и вышли на главный объект поисков».

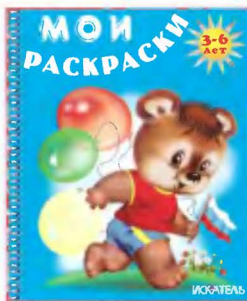
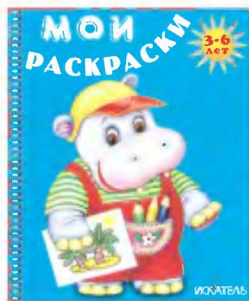
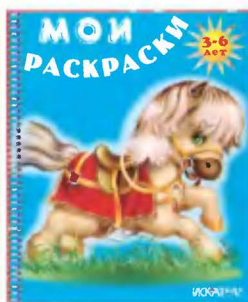
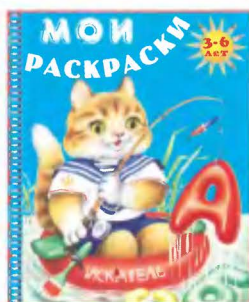
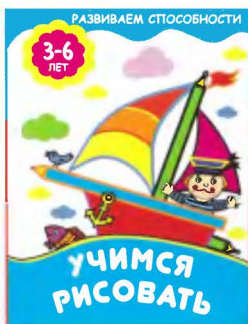
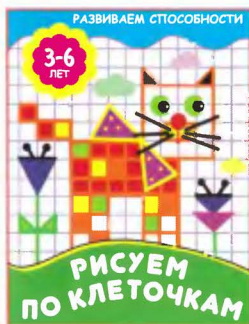
Видимо, во время катастрофы шторм разломил «Консепсьон» на две части. Волны перебросили корму и протащили примерно на 120 метров, прежде чем она опустилась на дно кораллового каньона. Даже вблизи ее совершенно не было видно. Останки галеона обнаружились только благодаря магнитометру.

После этого каждый последующий день радовал новыми находками. «Консепсьон» преподносил искателям все новые и новые подарки: серебряные монеты, датированные 1640 годом; две уникальные золотые цепи, сделанные скорее всего в Китае; фарфоровые чашки в очень хорошем состоянии, изготовленные

в эпоху династии Мин; всевозможные золотые украшения, посуда из майолики и многое другое.

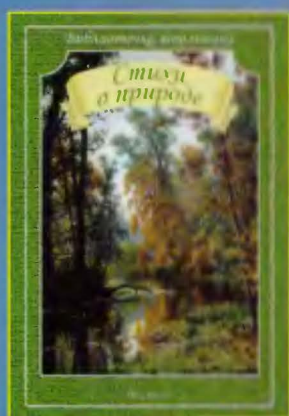
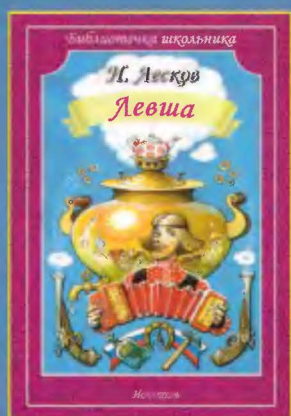
Между прочим, подводные работы, продолжавшиеся одиннадцать месяцев, позволили раскрыть тайну испанских негоциантов XVII века. Из глубокой расселины аквалангисты извлекли остатки старинного сундука с двойным дном, под которым лежал толстый слой монет. Это было свидетельством тогдашней контрабанды.

Но, конечно, главной добычей экспедиции Берта Уэббера являлось серебро, и в слитках, и в монетах. Его удалось поднять со дна около 32 тонн стоимостью примерно в 14 миллионов долларов. Вместе с тем серебром, что когда-то достал Фипс, это составляло лишь пятую часть груза «серебряного» галеона.

детектив • фантастика • приключения

ИСКАТЕЛЬ

Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatel.net

